

Генеральная прокуратура Республики Беларусь

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Минск, 22 декабря 2011 г.)

Минск
БГУФК
2012

67.408

17-78

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Минск, 22 декабря 2011 г.)

Минск
БГУФК
2012

(X) + 1958



УДК 34.07
ББК 67.401.213
1178

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь*

**Проблемы совершенствования правоохранительной деятельности
1178 в области противодействия преступности и коррупции** : материалы Междуна-
р. науч.-практ. конф., Минск, 22 дек. 2011 г. / Ген. прокуратура Респ. Беларусь, НПЦ
Ген. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: А. В. Конюк [и др.]. – Минск : БГУФК,
2012. – 207 с.

ISBN 978-985-7023-24-0.

В сборнике представлены материалы по актуальным вопросам совершенствова-
ния правоохранительной деятельности в области противодействия преступности и
коррупции

Издание предназначено для практических работников правоохранительных ор-
ганов, а также научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов юри-
дических факультетов высших учебных заведений

УДК 34.07
ББК 67.401.213

ISBN 978-985-7023-24-0

- © Генеральная прокуратура Республики Беларусь, 2012
- © Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2012
- © Оформление УО «Белорусский государственный университет физической культуры», 2012

Редакционная коллегия

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь – председатель.

Конон Виктор Александрович – заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь – заместитель председателя.

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – ответственный секретарь.

Шакель Надежда Валентиновна – помощник директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Хиревич Марина Леонидовна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ КООРДИНИРУЮЩИХ И НАДЗОРНЫХ ФУНКЦИЙ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ)

Конюк А.В.

Проведение ежегодных научно-практических конференций, посвященных проблемам борьбы с преступностью и коррупцией, предусмотрено Государственной программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь. Это свидетельствует о большом значении, которое придается государством обмену опытом и изучению передовой практики правоохранительной деятельности, обсуждению и решению проблем, стоящих сегодня перед органами охраны правопорядка.

Как Генеральный прокурор Республики Беларусь я хотел бы остановиться на таком важном вопросе, как реализация органами прокуратуры координирующих и надзорных функций в области борьбы с коррупцией. Постановка этого вопроса обусловлена тем, что прокуратура является не только органом, осуществляющим надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов, но и в соответствии с Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» выступает в качестве государственного органа, ответственного за организацию борьбы с коррупцией. Общеизвестно, что Главой государства уделяется большое внимание вопросам противодействия этому общественно опасному явлению, и борьба с коррупционными проявлениями является одним из важнейших направлений внутренней политики Республики Беларусь.

Следует отметить, что формы и методы осуществления прокурорского надзора в области борьбы с коррупцией, полномочия прокурора в этой сфере определены Законом Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», другими нормативными правовыми актами, выработаны многолетней практикой. Только за 9 месяцев 2011 г. органами прокуратуры проведено 464 проверки исполнения антикоррупционного законодательства, по результатам которых внесено более 1 500 актов прокурорского надзора, возбуждено 27 уголовных дел.

Сегодня вопрос о реализации органами прокуратуры надзорных функций приобретает особую значимость с учетом реформирования правоохранительной системы.

Указом Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь» создан независимый государственный орган, который объединит в себе следственные подразделения органов прокуратуры, внутренних дел, финансовых расследований. Следственный комитет станет еще одним органом, который будет осуществлять борьбу с коррупцией. В связи с созданием Следственного комитета претерпит изменения структура органов прокуратуры и полномочия прокуро-

ров. Соответственно, новации будут иметь место как в надзорной, так и в координирующей деятельности органов прокуратуры в области борьбы с коррупцией.

Необходимо не допустить снижения качества предварительного расследования и обеспечить надлежащий прокурорский надзор за законностью в ходе его производства по уголовным делам о коррупционных преступлениях. Несмотря на то что прокурорам удалось сократить случаи проведения оперативных экспериментов без достаточных оснований, продолжают иметь место ненадлежащая оценка прокурорами допустимости и достоверности доказательств при направлении уголовных дел в суды, обвинительный уклон при осуществлении прокурорского надзора за предварительным расследованием, ошибки применения законодательства.

Во многом отмеченные и иные объективно существующие сегодня проблемы обусловлены совмещением прокурором функций государственного обвинения и надзора за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования, что особенно проявлялось в условиях возлагавшейся до недавнего времени на органы прокуратуры функции осуществления предварительного следствия. Фактически это приводило к не процессуальной подчиненности следователя прокурору и порождало зависимость прокурора при направлении дела в суд и поддержании государственного обвинения от позиции, занятой в ходе предварительного расследования.

После завершения реформирования следственных аппаратов прокуратура не будет выполнять несвойственную ей функцию предварительного следствия и сможет объективно и беспристрастно осуществлять от имени государства надзор за законностью предварительного расследования. В связи с этим одной из серьезных проблем, подлежащих решению, является определение объема полномочий прокурора по реализации функции уголовного преследования посредством осуществления надзора за предварительным расследованием. Для этого необходимо, во-первых, правильно определить соотношение прокурорского надзора на стадии предварительного расследования и мер процессуального контроля со стороны начальников следственных подразделений, а во-вторых, обеспечить независимость прокуроров и следователей. Прокурор при принятии решений не должен быть связан ответственностью за работу следователя и начальника следственного подразделения. Его задача — выявлять нарушения материального и процессуального законодательства в деятельности органов предварительного расследования, оценивать допустимость и достоверность собранных по уголовному делу доказательств, решая вопрос о направлении дела в суд. В то же время полномочия, предоставленные прокурору, должны позволять ему осуществлять эффективный надзор за процессуальными решениями следователя, своевременно выявлять и устранять нарушения как материального, так и процессуального закона.

Таким образом, в условиях изменения системы правоохранительных органов роль надзорной функции органов прокуратуры возрастет.

На новом этапе развития органов прокуратуры потребуется также четко определить приоритетные направления, на которых будут сконцентрированы усилия органов прокуратуры, других органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и участвующих в борьбе с коррупцией. Как следствие, возрастет роль координирующей функции органов прокуратуры в борьбе с коррупцией.

На данный момент можно однозначно утверждать, что формы и методы координации деятельности по борьбе с коррупцией, такие как проведение координационных совещаний, организация временных комиссий (рабочих групп), взаимный обмен информацией по вопросам борьбы с коррупцией, участие прокуроров в заседаниях государственных органов апробированы в практической деятельности прокуратуры и доказали свою эффективность.

Так, с 2008 года по сегодняшний день проведено десять республиканских координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией, прокурорами регулярно проводятся координационные совещания на областном и районном уровнях, используются иные формы координации. При этом на заседаниях координационных совещаний уделяется повышенное внимание обсуждению проблем проведения оперативно-розыскных мероприятий, расследования коррупционных преступлений и привлечения виновных лиц к уголовной и иной предусмотренной законом ответственности. На выявление и пресечение коррупционных правонарушений, совершаемых должностными лицами, в значительной степени ориентируется деятельность органов, осуществляющих борьбу с коррупцией.

Согласно официальным статистическим данным, в 2009 году на территории республики выявлено 3 366 преступлений коррупционной направленности, что на 23,1 % больше по сравнению с 2008 годом (2 735). В 2010 году выявлено 3 637 коррупционных преступлений, что на 8 % больше, чем в 2009.

В текущем году общее количество коррупционных преступлений сократилось. Так, за 11 месяцев 2011 г. зарегистрировано 2 374 преступления рассматриваемой категории.

Наибольший удельный вес в структуре коррупционной преступности занимают взяточничество (54,2 %, 1 231) и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (36 %, 817).

К мерам ответственности уголовно-правового характера ежегодно привлекаются около 1 500 лиц, совершивших коррупционные преступления.

В то же время, как показывает мировой опыт, меры репрессивного характера не приносят должного результата и во многом являются неэффективными, так как не устраняют условий, способствующих коррупции, не изменяют сложившихся в практической деятельности субъектов хозяйствования коррупционно-рискованных схем осуществления экономической деятельности и не решают управленческие проблемы. В связи с этим на первый план выходит необходимость ликвидации условий, способствующих коррупции, за счет максимального использования предоставленных прокурорам полномочий по координации деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений.

Прокуратура не может оставаться в стороне от процессов, происходящих в производственно-хозяйственной сфере в условиях либерализации экономики. Поэтому одной из задач органов прокуратуры является обеспечение точного и единообразного исполнения законодательства в наиболее важных и уязвимых для коррупции областях деятельности. Усилия прокуроров должны быть сконцентрированы на предупреждении коррупционных проявлений в процессе приватизации, при осуществлении государственных закупок, а также на обеспечении исполнения законодательства об административных процедурах. Это позволит предотвратить причинение ущерба государственным и общественным интересам.

Важно отметить, что при осуществлении надзора за исполнением законодательства нередко выявляются коллизии между нормативными предписаниями, пробелы и иные недостатки правового регулирования. Нечеткое определение компетенции государственных органов, порядка, сроков и оснований принимаемых решений, отставание законодательства от реальных экономических отношений являются благодатной почвой для коррупционных проявлений. Поэтому предметом обсуждения на проводимых прокурорами координационных совещаниях по борьбе с преступностью и коррупцией, в которых участвуют представители государственных органов и других организаций, должны также становиться проблемы совершенствования законодательства. Участие в координационных совещаниях работников не только правоохранительных органов, но и руководителей крупных предприятий, представителей общественных организаций способствует повышению эффективности участия прокуратуры в нормотворческой деятельности и совершенствовании практики применения законодательства.

Одним из действенных инструментов в сфере предупреждения коррупции является общественный контроль. Предпринимателям и юридическим лицам зачастую намного проще выявлять проблемы правового регулирования, недостатки в управленческой и хозяйственной деятельности, которые могут приводить к возникновению коррупционно-рискованных ситуаций. В связи с этим следует активизировать деятельность Общественного Совета при Генеральной прокуратуре по противодействию коррупции, созданного в 2008 году в целях обеспечения более активного участия общественности в выработке мер противодействия коррупционным проявлениям.

Необходимо подчеркнуть, что успешная деятельность органов прокуратуры по борьбе с коррупцией возможна только на основе тесной взаимосвязи координирующей и надзорной деятельности. Осуществление прокуратурой координирующей функции обусловливается самим характером надзорной деятельности, позволяющей прокурорам владеть объективной информацией о состоянии коррупции и борьбы с ней, взаимодействовать с государственными органами, общественными объединениями, оперативно реагировать на негативные явления.

Таким образом, реализация органами прокуратуры координационной и прокурорско-надзорной функций в области противодействия коррупции вы-

оперативной работы в раскрытии убийств мальчиков «по горячим следам» усложнил поиск преступника...».

Анализ типичных ошибок при расследовании серийных сексуальных убийств дает возможность выделить следующие **основные** объекты надзора:

- проверка обоснованности подозрения (наличие достаточных и достоверных доказательств в отношении подозреваемых);
- проверка своевременности объединения уголовных дел в единое производство;
- проверка своевременности решения вопроса о создании следственно-оперативной группы и ее профессиональном составе;
- проверка своевременности назначения экспертиз, правильности отбора и предоставления образцов для сравнительного исследования.

Отдельным важным направлением должен стать надзор за деятельностью органа дознания, в том числе – за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий. Прокурорская проверка должна охватывать как материалы оперативно-розыскных дел, так и протоколы следственных действий, основанием к проведению которых послужили материалы ОРД.

Для создания эффективной методики прокурорского надзора за расследованием серийных сексуальных убийств **необходимы** тщательный анализ материалов уголовных дел для выявления ошибок, допущенных при расследовании этих преступлений, обобщение материалов контрольно-наблюдательных производств прокуратуры и судебной практики. На основании полученных результатов следует намечать направления надзора и конкретные действия по его осуществлению. Эта актуальная проблема должна разрешаться совместными усилиями соответствующих подразделений Генеральной прокуратуры, ее научно-исследовательскими и учебными заведениями, проводящими подготовку и переподготовку кадров органов прокуратуры.

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ананич В.А.

Преступности в Беларуси, как и в других странах и в мире в целом, присущи общие криминологические характеристики. Во-первых, она представляет серьезную угрозу для граждан, общества и государства. Во-вторых, мотивация преступности во всех странах является схожей – корысть. По таким мотивам в Беларуси совершается более 80 % преступлений. Корыстные преступления определяют изменения всей преступности, что наглядно видно на примере динамики краж имущества. В-третьих, уровень преступности на 100 тыс. населения в мире за последние 40 лет увеличился в 3,5–4 раза. В Беларуси с 1970 по 2010 год включительно он увеличился в 3,8 раза.

В мире темпы роста преступности в несколько раз превышают темпы роста населения. Так, темп роста преступности в Беларуси с 1970 по 2010 год

составил 414 %, а населения – 5,4 %. Особо следует сказать о демографическом факторе. В Беларуси он утратил роль определяющего в обуславливании преступности и, судя по динамике рождаемости, вряд ли в ближайшем будущем усилится его действие в плане влияния на состояние преступности. В структуре преступности преобладают посягательства на собственность – более 80 %. Основные субъекты совершения преступлений мужчины – 84,7 %, женщины – 15,3 %. Следует заметить, что криминальная активность женщин, несмотря на низкие показатели по сравнению с зарубежными странами, растет, и, что особенно тревожно, в совершении насильственных преступлений.

В-четвертых, уголовно-правовая борьба с преступностью переживает глубокий кризис. Например, уголовное законодательство, действовавшее в Беларуси с 1961 по 2000 год, не принесло желаемых результатов. Преступность за указанный период увеличилась с 26,9 тыс. до 135,5 тыс. или на 504 %. А за время действия нового УК 1999 года с 1 января 2001 г. по 2010 год включительно – с 135,5 до 140,9 тыс., или на 4 %.

Наличие в УК (1960 г.) в качестве наказания по относительно значительной части составов преступлений смертной казни, а также ее сохранение в новом УК (1999 г.) не влияло и не влияет на сдерживание роста преступности. Низкой является эффективность системы исполнения наказания: тюрьмы не перевоспитывают. В Беларуси около 45 % преступлений совершают рецидивисты, а почти 25 % освободившихся из мест лишения свободы в течение года вновь совершают преступления.

В-пятых, экономическое развитие государств не сопровождается снижением преступности. Например, ее коэффициент в настоящее время в расчете на 100 тыс. населения в развитых странах превышает 8 000, развивающихся – 1 500. В Беларуси в 2007 году он составил 1 854, в России – 2 510, Украине – 864, Литве – 2 179, Польше – 2 928. В благополучный для развития республики период 1971–1991 гг. преступность возросла в 2,4 раза.

Таким образом, при значительных расхождениях в уровне преступности, в Беларуси и других странах мира ее важной тенденцией является абсолютный и относительный рост по сравнению с ростом населения, экономическим и культурным развитием.

Второй важной тенденцией в области борьбы с преступностью в мире является постепенное отставание социального контроля за ней, которое определяют ослабление борьбы с преступностью, издержки гуманизации, демократизации и легитимизации деятельности на этом направлении. Указанная тенденция связана также с пробелами в правовой сфере и управлении процессом борьбы с преступностью. Несмотря на снижение преступности за последние 5 лет, принимая во внимание латентную ее часть, можно сделать вывод о действии указанной тенденции и в Беларуси.

По оценкам опрошенных нами сотрудников органов внутренних дел, неучтенная часть преступности в два раза выше зарегистрированной. Для аргументации указанного вывода можно привести два факта. В 2010 году в ор-

ганы внутренних дел поступило более 410 тыс. заявлений и сообщений о преступлениях, а органами прокуратуры отменено более 8 тыс. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. О значительной роли субъективного фактора в правоприменении свидетельствуют и колебания статистики о таком преступлении, как хулиганство. Так, в 2010 году количество его проявлений по сравнению с 2006 годом сократилось в 3,5 раза.

Нельзя не учитывать также и структуру преступности, то есть соотношение в ее массе общеуголовных, экономических преступлений, регистрируемых по линии других служб, в сфере нравов (противодействие торговле людьми) и связанных с наркотиками, токсикоманией. Если в 1975 году удельный вес общеуголовной преступности составлял 56,9 %, экономической 17,9 %, по линии других служб 25,2 %, в 1995 соответственно – 78 %, 15,5 %, 6,5 %, то уже в 2010 году общеуголовные деяния составили около 70 %, экономические – около 5 %, по линии других служб около 21,5 %, в сфере нравов и противодействия незаконному обороту наркотиков 3,5 %.

Экономическая преступность характеризуется следующими структурными изменениями. Если в 1971 году в ее объеме хищения, совершенные путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением, составляли 41,6 %, то в конце последнего десятилетия – около 9 %. Кражи, соответственно, 14,8 % и 1,6 %; обман покупателей (потребителей) – 5,1 % и 0,5 %; взяточничество – 2,4 % и 14,2 %; мошенничество – 5,6 % и 8,7 %; изготовление, хранение или сбыт поддельных денег или ценных бумаг 9 и 26,1 %. В настоящее время активно «утверждаются» такие деяния, как служебный подлог – 12 %, нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и камнями – более 5 % и др.

Преступность несовершеннолетних в последние годы в силу уменьшения численности подросткового населения в стране характеризуется снижением абсолютных и относительных показателей. В 2010 году несовершеннолетними совершено 4 777 преступлений, что на 11,6 % меньше, чем в 2009 году, а удельный вес в общем объеме криминала составил 5,3 %. Произошли изменения и в структуре преступлений, совершаемых подростками. Если в середине 70-х годов прошлого века на первом месте были кражи (36,8 %), на втором – хулиганство (24,5 %), на третьем – грабежи и разбои (11 %), то по итогам 2010 года первые составили 65,2 %, вторые – 8,7 %, третьи – 7,3 %.

Групповая и организованная преступность в настоящее время составляет чуть более 11 % от всех расследованных преступлений. В группах совершается более 18 % угонов, около 8 % краж, около 35 % разбоев, около 15 % грабежей и хулиганств, около 8 % убийств. Изучение вопроса показало, что в прошлом групповая преступность составляла около 20 %, а в последние годы наблюдается снижение ее удельного веса. Объяснение данной тенденции следующее – эффективная работа правоохранительных органов по выявлению и разоблачению преступных групп, а также переориентация представителей криминала на совершение преступлений в одиночку. Несколько выше уровень

групповой преступности несовершеннолетних, он в последние годы колеблется на уровне 30–35 %.

В Республике Беларусь не получила распространения организованная преступность. В 2010 году ее участниками совершено 388 преступлений или 0,4 % от числа расследованных. Из них более 20 % составляют кражи, около 12 % незаконная предпринимательская деятельность, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в целях сбыта – 100 %, мошенничества и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями – около 9 %.

«Пьяная» преступность составляет немногим более 30 %. Однако наблюдается тенденция ее увеличения в силу роста потребления спиртного, в том числе и лицами, склонными к совершению преступлений. В состоянии алкогольного опьянения совершается более 80 % убийств (включая покушения), около 80 % тяжких телесных повреждений, более 75 % изнасилований и хулиганств, около 65 % грабежей, разбоев и угонов, более 35 % краж, около 30 % вымогательств, более 15 % мошенничеств.

Городская и сельская преступность традиционно соотносились с численностью населения в этих видах поселений. Однако в последние годы сельская преступность прогрессирует, и ее удельный вес составляет 23–25 % от всего объема криминала. В сельской местности совершается более 40 % убийств и угроз убийством, около 50 % истязаний, более 30 % изнасилований, более 25 % краж, около 30 % угонов, более 35 % уничтожений имущества, около 20 % разбоев, более 10 % грабежей.

Что касается региональных различий преступности, то традиционно в Беларуси наиболее поражены криминалом столичный мегаполис – Минск и Минская область, где проживает около 3,5 млн. населения, что составляет около 27 % населения страны, активно проявляет себя внутренняя и внешняя, а также «маятниковая» (суточная) миграция. В расчете на 100 тыс. населения уровень преступности в Минске составляет 1 935 преступлений, Минской области – 1 537, Могилевской – 1 425, Гомельской – 1 396, Витебской – 1 393, Гродненской – 1 110, Брестской – 1 079. Республиканский показатель равняется 1 458.

Вызывает обеспокоенность криминализация последних двух регионов, где ранее, например, на рубеже XX–XXI вв., эти показатели были соответственно на 26,2 и 42,6 % ниже республиканского.

Характеристика лиц, совершающих преступления, может быть представлена обобщенным криминологическим портретом. Это лицо, как правило, мужского пола (84,7 %, со средним образованием, по социальному положению рабочий – около 30 %, не работающий и не учащийся – более 50 %, белорус – 97,2 %, ранее судимый – около 50 %), как правило, не связанное семейными узами, корыстолюбивое, склонное к потреблению спиртных напитков, эгоистичное, с недостаточно развитым интеллектом, чувством долга, пренебрежительно относится к праву, органам правопорядка, считающее несправедливым вынесенный в отношении его приговор суда.

Потерпевшими в результате совершения преступлений ежегодно оказываются более 100 тыс. граждан. В 2010 году ими оказались 106 357 граждан, из которых погибло 1 489, ранено 1 067. Личность потерпевшего характеризуется следующими параметрами: женщины – 42,1 %, мужчины 57,9 %, несовершеннолетние – 10 % (из них до 14 лет – 60 %, 14–17 лет – 40 %), 18–29 лет – 28,9 %, 30–49 лет – 37,7 %, 50–69 лет – 18,4 %, 70 лет и старше – 5 %. По социальному статусу потерпевшие характеризуются так: рабочие – 29,5 %, служащие – 7,6 %, учащиеся учебных заведений – 8,2 %, не работали и не учились – 32,3 %, пенсионеры – 11,5 %, иностранцы – 1,7 %.

Основная масса потерпевших от преступлений оказывается таковыми в результате совершения краж – 65,4 %, уклонения родителей от содержания детей – 7,6 %, хулиганств – 5 %, мошенничеств – 4 %, грабежей – 3,6 %.

Причины и условия (детерминанты) преступности в Беларуси связаны с проявлением четырех основных групп факторов – экономических, социально-психологических, правовых, криминогенных или внутренних. В их перечне такие, как поляризация доходов, ориентация общественного сознания на примитивные модели удовлетворения человеческих потребностей, низкий уровень солидарности с уголовным законодательством, криминальный рецидивизм, криминальный профессионализм, криминальная организованность и др.

В рамках предварительного анализа мы коснулись основных характеристик современного состояния преступности в Беларуси, которые свидетельствуют о неоднозначном развитии ее тенденций и диктуют необходимость более углубленного изучения проявлений данного негативного явления.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОСТОРОЖНОЕ ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА

Бабий Н.А.

Отсутствие в статье прямого указания на форму вины не освобождает от необходимости устанавливать ее на основе анализа иных признаков состава преступления. В данном случае нас интересует решение вопроса в принципе: должно ли влечь уголовную ответственность доведение до самоубийства при неосторожной форме вины субъекта по отношению к самоубийству потерпевшего? О том, что самоубийство может последовать за теми или иными действиями субъекта при его неосторожном отношении к самоубийству, спора нет. Проблема состоит в другом: должны ли такие действия при неосторожном отношении к самоубийству именовать доведением до самоубийства и влечь уголовную ответственность.

Отметив, что неосторожное приведение лица к мысли о самоубийстве в принципе возможно, Г.Н. Борзенков утверждает: «Крайне нежелательна была бы криминализация любых ситуаций, когда в результате грубости или невнимательности со стороны других лиц человек принимает решение о самоубий-

стве. Действующий закон не позволяет смешивать моральную вину окружающих с уголовной, если строго следовать тексту ст. 110 УК. Да и сам термин «доведение» предполагает активную, целенаправленную деятельность».

В пользу правильности подобного подхода к ограничению ответственности только умышленной формой вины свидетельствуют и результаты сравнительного анализа уголовно-правовых норм. Убийство как умышленное причинение смерти наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет. Причинение смерти по неосторожности в соответствии со ст. 144 УК наказывается исправительными работами на срок до 2 лет или ограничением свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на тот же срок. По максимальному наказанию ответственность за неосторожное причинение смерти в пять раз меньше, чем ответственность за умышленное ее причинение (и это без учета различий в строгости режима отбывания наказания).

В свою очередь, опосредованное сознательным поведением потерпевшего доведение до самоубийства как умышленное преступление влечет такое же наказание, как и причинение смерти по неосторожности, — наказывается исправительными работами на срок до 2 лет, или ограничением свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на тот же срок. Следовательно, наказание за неосторожное доведение до самоубийства должно быть в пять раз менее строгим, то есть не предусматривать наказание в виде лишения свободы. В любом случае не должно неосторожное доведение до самоубийства наказываться так же строго, как и умышленное. При этом некоторые исследователи полагают ответственность за доведение до самоубийства завышенной.

Сказанное позволяет прийти к заключению, что, установив относительно не очень строгое наказание за умышленное доведение до самоубийства, законодатель тем самым подчеркнул ненаказуемость доведения до самоубийства по неосторожности. Следует отметить также, что с учетом плохой прогнозируемости поведения лица, принимающего решение уйти из жизни, привлечение к ответственности за неосторожность в таком случае весьма сходно с объективным вменением.

Однако решающее значение для определения формы и вида вины имеет анализ содержания запрещаемого деяния. Термин «доведение» является полисемичным. Применительно к ст. 145 УК он использован в значении «привести в какое-нибудь состояние, вызвать, породить в ком-чем-нибудь какие-нибудь последствия».

Для доведения обязательным является единство двух его составляющих: во-первых, довести можно только какого-то конкретного человека, во-вторых, довести его можно только до какого-то определенного состояния. Иными словами, для доведения необходимо точное знание, кого вести и куда вести. Сам процесс ведения к чему-либо означает исключительно осознаваемое действие. Невозможно вести, не зная кого и не зная куда, подобные действия могут быть обозначены как блуждание, но не как ведение.

С точки зрения уголовного права, психологическая составляющая доведения означает, что субъект знает о том, что потерпевший может принять ре-

шение о самоубийстве в результате жестокого или оскорбительного с ним обращения, то есть субъект знает, кого ведет и куда ведет. Совершение соответствующих жестоких или оскорбительных действий при наличии указанного знания и будет являться доведением до самоубийства.

При небрежности лицо не предвидит наступления последствий, у него нет вообще никакого знания о том, до чего может быть доведен потерпевший. Но вести к тому, о чем нет представления, невозможно, а потому нет и не может быть доведения по небрежности. При легкомыслии лицо предвидит абстрактную возможность самоубийства потерпевшего и предпринимает конкретные меры по недопущению такого исхода дела, то есть лицо не только не ведет к самоубийству, но, напротив, уводит прочь от него. Как же можно утверждать, что стремящийся избежать самоубийства другого лица ведет это лицо к самоубийству?

Проблематичность толкования термина «доведение» заключается еще и в том, что данный термин может использоваться для характеристики не только поведения субъекта преступления, но и для характеристики поведения самого потерпевшего. Если кто-либо довел себя до определенного состояния посредством соответствующей реакции на внешние обстоятельства, коими могут быть и действия другого лица, то это тоже доведение. Однако это доведение себя не характеризует направленное поведение другого лица.

Но наибольшая сложность оценки вины состоит в наличии объективной связи между поведением виновного лица и самоубийством потерпевшего. С учетом распространенности случаев самоубийств такая связь не может считаться случайной и вполне обоснованно может быть названа закономерной. Такая объективная связь существует независимо от психического отношения лица к факту самоубийства потерпевшего. А поскольку такая причинная связь существует, то у нас есть все основания сказать, что самоубийство явилось результатом действий субъекта. Следовательно, мы вправе предъявить к такому субъекту требование быть достаточно основательно расчетливым (не быть легкомысленным) и быть необходимо внимательным и предусмотрительным (не быть небрежным).

Таким образом, можно констатировать, что есть объективные и субъективные основания для постановки вопроса об ответственности за поведение, которое по неосторожности стало причиной самоубийства потерпевшего. Тем самым мы указываем на общественную опасность поведения подобного рода. Однако для привлечения к уголовной ответственности необходимо еще иметь и правовое основание, каковым выступает состав соответствующего преступления.

Вот как должна была бы выглядеть диспозиция статьи, предполагавшей неосторожную вину по отношению к самоубийству: «Жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижение его личного достоинства, повлекшее по неосторожности самоубийство потерпевшего или покушение на самоубийство». В этом определении отражена объективная и виновно неосторожная связь между поведением и его результатом. И законодатель должен был бы ограничиться предложенным описанием признаков состава преступления и ни в коем

случае не должен был бы использовать для неосторожного преступления термин «доведение», предполагающий хорошо осознаваемое действие.

О том, что именно так должен поступать законодатель, свидетельствует и его тщательный подход к разграничению умышленных и неосторожных преступлений с единым результатом. Речь идет о формулировании статей об ответственности за причинение смерти. Умышленное ее причинение именуется убийством, а при неосторожной вине законодатель указал на сам факт причинения смерти по неосторожности. Точно так же должна описываться и прочитываться субъективная сторона действий, приведших к самоубийству: умышленные действия характеризуются соответствующим термином – «доведение», а неосторожные действия должны быть описаны посредством указания на объективную связь поведения с результатом при неосторожном отношении к последнему.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Барков А.В.

До 2001 года на протяжении сорока лет отечественное уголовное законодательство в качестве типичного способа совершения должностных преступлений рассматривало «использование должностным лицом своего служебного положения».

Необходимо отметить, что понимание использования служебного положения было различным. Эта проблема была предметом оживленной дискуссии применительно к квалификации должностных преступлений. В уголовно-правовой науке сложились две позиции. Первая из них сводится к узкому пониманию использования служебного положения как совершению действий (бездействия), которые входят в круг служебных обязанностей должностного лица.

Вторая точка зрения основывается на широком понимании использования служебного положения и связана с тем, что лицо, занимая соответствующую должность, в силу этого обладает определенным авторитетом, имеет служебные связи с другими должностными лицами, способно оказывать на них влияние. Благодаря этому должностное лицо располагает рядом фактических возможностей, отсутствующих у других лиц. Исходя из этого, под использованием субъектом служебного положения предлагалось понимать использование им как юридических прав, так и фактических возможностей, которыми он обладает именно в связи с занимаемой должностью.

Такое широкое понимание использования служебного положения представлялось следственной и судебной практике предпочтительным и доминировало. То есть считалось, что при совершении преступления должностное лицо использует свои служебные полномочия либо способствует совершению преступления в силу занимаемой должности.

Действующий УК России содержит оба понятия: «использование служебного положения» (например, ч. 2 ст. 178 УК РФ) и «использование служебных полномочий» (например, ст.ст. 201, 202, 285 УК РФ). Это обязывает правоприменителей четко различать ситуации, в которых имеет место первый либо второй признак.

В УК БССР (затем УК Беларуси) 1960 г. законодатель говорил именно об использовании должностным лицом своего служебного положения.

В УК Беларуси 1999 г. появилась иная терминология: использование должностным лицом своих служебных полномочий. Такой подход коренным образом изменил трактовку преступлений против интересов службы.

Использование служебных полномочий — это использование должностным лицом в пределах его компетенции прав, круг которых определяется в законах, указах Президента, постановлениях правительства, в различных положениях, приказах по государственному органу или организации, в должностных инструкциях, правилах, уставах, регламентах и т. п. Виновный использует эти полномочия, формально не выходя за их рамки, не присваивает он и полномочия других должностных лиц.

Такое законодательное решение придает определенность уголовно-правовой оценке деяния, исключает широкое субъективное усмотрение. Такой подход вытекает и из законодательного определения признаков должностного лица, даваемых в пп. 1–3 ч. 4 ст. 4 действующего УК. Именно по характеру полномочий выделяются представители власти, представители общественности, лица, осуществляющие организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции, и лица, уполномоченные на совершение юридически значимых действий. При квалификации преступлений, в которых использование должностным лицом своих служебных полномочий выступает в качестве основного или квалифицирующего признака, важно не только установить должностной статус субъекта преступления, но и фактическое использование этим лицом тех полномочий, которые этот статус и определяют.

К сожалению, следственная и судебная практика дают нам примеры, когда обвинение строится на вменении использования должностным лицом не служебных полномочий, а служебного положения. Примером может служить следующая формула обвинения: начальник путевой машины, машинист, помощник машиниста, ученик помощника машиниста группой лиц по предварительному сговору с использованием служебных полномочий слили из топливного бака 149 литров дизельного топлива, то есть совершили преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 210 УК — хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. В основе такой квалификации лежит вывод о должностном положении начальника путевой машины. Но где здесь использование им своих служебных полномочий?

Имеют место ситуации, когда совершенное должностным лицом деяние лежит за пределами как использования служебных полномочий, так и использования служебного положения. Так, заведующий юридической консульта-

ей осуществлял защиту гражданина, от которого получил предложение посодействовать за денежное вознаграждение в изменении меры пресечения. Адвокат обсудил это предложение со следователем, и они решили оказать подобную «услугу» за 10 тыс. долларов. При передаче валюты заведующий юридической консультацией был задержан. Ему вменили покушение на получение взятки в особо крупном размере – ч. 1 ст. 14, ч. 3 ст. 430 УК. При этом было упущено, что, совершая деяние, обвиняемый никаких полномочий заведующего юридической консультацией не выполнял, а занимался профессиональной адвокатской деятельностью, т. е. в качестве должностного лица вообще не выступал.

Имеют место и случаи, когда должностное преступление видят там, где отсутствуют вовсе служебные отношения. Так, классный руководитель Дворецкой средней школы Лунинецкого района сопровождала детей в оздоровительном лагере «Белое озеро» под Брестом. Учительница, утратив контроль над 9-летними детьми, применяла непедагогические методы воздействия. В частности, двоих драчунов на глазах у всей группы заставила снять штаны и отхлестала веткой, четырех мальчишек, шумевших в спальне, вывела в коридор и оставила на ночь. Дети спали на полу, не могли попасть в туалет. Учительнице предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 426 УК – превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего. Даже если согласиться с тем, что учитель или воспитатель во время проведения внешкольных мероприятий является должностным лицом (такова в прошлом позиция Верховного Суда), то возникает вопрос, в отношении кого учительница была должностным лицом... Очевидно, что между ней и 9-летними детьми нет служебных отношений. Там, где нет служебных отношений, нельзя превышать служебные полномочия.

Вывод таков: при квалификации должностных преступлений важно не только установить статус должностного лица, но и необходимо убедиться в том, что вменяемое деяние совершено в рамках служебных отношений и связано с использованием неслужебного положения, а именно служебных полномочий.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Башан А.В., Горшенков С.А.

В современном мире среди преступных проявлений, с которыми в своей деятельности сталкиваются органы внутренних дел (далее – ОВД), коррупционные преступления являются наиболее латентными и трудно выявляемыми, наносящими существенный вред охраняемым интересам общества и государства. Сложность выявления преступлений данной категории заключается в их высокоинтеллектуальном и тайном характере, участии в их совершении

должностных лиц государственных органов и негосударственных организаций. Указанные факторы диктуют необходимость привлечения к процессу выявления коррупционных преступлений негласных сотрудников для обеспечения эффективности борьбы с данным видом преступлений. Следует отметить, что специфика совершения таких преступлений и процесс получения информации о фактах их совершения и лицах, их совершающих, требует от конфиденентов определенного уровня образования, наличия соответствующих возможностей, а также личных и деловых качеств.

Участвуя в выявлении коррупционных преступлений, конфидененты довольно часто находятся в отношениях подчиненности по службе с лицами, их совершающими, в связи с чем для конфиденента возникает угроза расшифровки, влекущая в дальнейшем наступление для него негативных последствий. В связи с этим вопрос обеспечения их безопасности стоит достаточно остро.

Конвенция ООН против коррупции указывает на то, что каждое государство-участник Конвенции рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с коррупционными преступлениями, а также принимает надлежащие меры, в соответствии со своей внутренней правовой системой и в пределах своих возможностей, с тем чтобы обеспечить эффективную защиту от вероятной мести или запугивания свидетелей, дающих показания по делам о коррупционных преступлениях.

Несмотря на то, что ряд национальных нормативных правовых актов предусматривает необходимость осуществления защиты конфиденентов, вопросы обеспечения их безопасности до сих пор нуждаются в детальном регулировании.

Так, Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» допускает применение мер безопасности в отношении конфиденентов и их близких, однако не содержит конкретных мер, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, гл. 8 которого предусматривает меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса как процессуального, так и непроцессуального характера. В связи с этим необходимо констатировать декларативность норм современного оперативно-розыскного законодательства, предусматривающих защиту лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, и отсутствие четкого механизма обеспечения безопасности конфиденентов и их близких родственников вне рамок уголовного процесса. Это, в свою очередь, влечет за собой отказ негласного сотрудника осуществлять дальнейшее содействие ОВД в выявлении преступлений и, соответственно, снижает результативность деятельности ОВД по противодействию коррупции.

Порядок и совокупность мер безопасности, применяемых в отношении конфиденентов, участвующих в противодействии коррупции, должны определяться специфичностью деятельности таких конфиденентов. Основная сложность их деятельности заключается, прежде всего, в обширности коррумпированных связей между лицами, совершающими коррупционные преступления, их возможностями влиять на складывающуюся обстановку в различных

областях жизнедеятельности общества и государства. Учитывая это, на наш взгляд, среди мер по обеспечению безопасности конфиденентов, участвующих в выявлении коррупционных преступлений, и их близких необходимо предусмотреть такие, как:

- временное помещение в безопасное место;
- обеспечение конфиденциальности сведений о лице, запрет на выдачу сведений о нем;

- личная охрана, охрана жилища и имущества;

- выдача средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности.

Применение указанных мер ОВД по защите лиц, оказывающих конфиденциальное содействие в выявлении преступлений коррупционной направленности, и их близких является наиболее оправданным, поскольку, во-первых, их применение не затрагивает такие наиболее важные интересы конфиденента, как работа по специальности, перемена более комфортных условий жизни на менее комфортные, и, во-вторых, они требуют минимальных затрат со стороны государства на их осуществление.

Напротив, принятие таких мер как перевод на другую работу, изменение места работы или учебы, переселение на другое место жительства, изменение данных документа, удостоверяющего личность, и замена документов могут повлечь за собой невозможность дальнейшего использования конфиденента в получении информации о других коррупционных правонарушениях, поскольку лишают его соответствующих возможностей. Указанные меры должны рассматриваться как крайняя необходимость, когда иным путем обеспечить безопасность конфиденентов и их близких родственников затруднительно, так как эти меры не только не лишают возможности дальнейшего использования конфиденента, но и затрагивают его существенные интересы.

Рассмотренные меры безопасности в отношении лиц, оказывающих конфиденциальное содействие в выявлении коррупционных правонарушений, или его близких должны применяться при наличии достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы жизни, здоровью или имуществу лица, оказывающего содействие ОВД, а также угрозы его необоснованного преследования по службе (увольнения, перевода на нижестоящую должность, др.). Кроме этого, такие меры должны применяться на основании заявления лица, подлежащего защите, либо в случае получения ОВД оперативной или иной информации о наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье, имущество лица, оказывающего содействие в выявлении коррупционных преступлений, или его близких.

Таким образом, применение мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие ОВД в противодействии коррупции, не только оградит конфиденентов и их близких от наступления негативных последствий со стороны лиц, причастных к совершению коррупционных преступлений, но и создаст уверенность в необходимости осуществления дальнейшего сотрудничества с ОВД в борьбе с коррупцией.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Берестень В.И.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, среди основных национальных интересов в политической сфере выделяется эффективное противодействие коррупции. К потенциальным либо реально существующим угрозам национальной безопасности относятся рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, а также коррупционные проявления.

Важнейшими направлениями нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности выступают сохранение роли государства как гаранта безопасности личности, комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь, с коррупцией и другими формами преступных проявлений.

Эволюция противостояния личности, общества и государства с коррупцией в системе государственного управления свидетельствует о том, что не только формы борьбы с коррупционными преступлениями, а их содержание является актуальным в этой деятельности, которая всесторонне исследуется учеными. Возрастает роль научного обеспечения организации деятельности по нейтрализации угроз национальной безопасности Республики Беларусь, проявляющихся под воздействием коррупционных отношений.

Человечество на различных этапах своего развития осуществляет поиск новых подходов к организации деятельности против коррупции. Причины возникновения этого явления не теряют актуальности в современных условиях развития научных знаний. Многие из них научно обоснованы исследователями проблем общества, государства и права в далеком прошлом. В последнее время исследователи обращаются к тем научным работам, которые раскрывают гносеологические корни такого социально опасного явления, как коррупция. Обратимся к одной из них. Размышляя об обществе, государстве и праве, Т. Гоббс (1588–1679), английский философ, рассуждая о «левиафане» – государстве как земном боге, – сделал вывод: «... люди отступают от обычая, когда требует их интерес, и действуют против разума, когда разум против них, вот почему учение о праве и несправедливости постоянно оспаривается как пером, так и мечом». «Здоровье государства» зависит от уровня согласия людей. «Болезнь государства», что может привести к ликвидации его, напрямую взаимосвязано с устройством государства, т. е. свобода членов общества должна находиться в пределах, не причиняющих вреда государству. Члены общества находятся в постоянном противоборстве с целью разрешения системных противоречий, присутствующих в общественных отношениях. Одной из причин, по мнению Т. Гоббса, выступает то, что данная форма общения развивается из-за раненства людей от природы, которое порождает борьбу

и обществе, направленную на разрешение этих противоречий. Виды противоборства философом дифференцированы следующим образом:

- соревнование (соперничество) – иногда при достижении цели проявляется личная выгода, нарушающая границы существующего правового поля (допускается нарушение требований правовых норм), приобретение материальных ценностей через нарушение законов;
- критическое (основанное на догматике), недоверчивое отношение людей друг к другу (скептическое) создает условия для борьбы за безопасность, при этом каждый стремится захватить себе больше;
- люди, находящиеся в состоянии достатка, получившие блага законным и незаконным путем, но не удовлетворенные тем, что у них нет славы, принимают меры, не всегда соответствующие закону, чтобы добиться ее.

Вывод ученого отражает суть поведения личности, общества и государства, которая заключается в том, что естественное их состояние – это состояние противоборства, стремясь к намеченным целям, они допускают нарушения установленных правил в рамках правоотношений.

Мнение Т. Гоббса имеет методологическое значение при организации деятельности по противодействию коррупции в органах государственного управления. Искоренить коррупцию невозможно в связи с тем, что она является общественным явлением, но минимизирование опасности для личности, общества и государства является одной из основных задач последнего как основного субъекта, определяющего совокупность его потребностей по реализации сбалансированных интересов объектов национальной безопасности.

В современных условиях защиты национальных интересов Республики Беларусь от рисков, вызовов и угроз, формирующихся под воздействием коррупции, деятельность субъектов по противодействию этому социально опасному явлению должна трансформироваться с учетом коррупциогенной обстановки.

Основные факторы роста коррупции:

- подготовка и переход к новой на межгосударственном уровне системе экономических отношений (Таможенный союз и т. д.);
- представители бизнеса пока не уверены, что государственная система эффективно защищает их интересы, им выгоднее искать покровительства отдельных должностных лиц государственного аппарата;
- низкий уровень правового сознания граждан, не в полном объеме реализуются меры по формированию правовой идеологии, правовой психологии и правовой морали, что порождает квазиправо должностных лиц;
- отсутствует дифференциация административных коррупционных правонарушений: не проведена систематизация административных коррупционных правонарушений, способствующих коррупционным проявлениям среди госслужащих; не разработаны меры административной ответственности должностных лиц за нарушение антикоррупционного законодательства;
- наличие права должностного лица выбирать между различными вариантами поведения по своему усмотрению (дискреционные полномочия);

– в антикоррупционном законодательстве Республики Беларусь не в полном объеме разработаны механизмы ответственности государства и его органов в системе правоотношений их с гражданином и обществом в сфере противодействия коррупции;

– недостаточно использован международный опыт по противодействию взяточничеству в системе государственного управления, связанный с интеграцией юридической ответственности с другими видами социальной ответственности;

– в антикоррупционном законодательстве не раскрыты механизмы стимулирования граждан, должностных лиц и хозяйствующих субъектов, которые целенаправленно осуществляют деятельность, обеспечивающую повышение уровня иммунитета персонала ко взяточничеству и общей коллективной культуры;

– не разработан механизм применения отдельных видов социальной ответственности (моральная, семейно-бытовая, профессиональная и др.) в сфере противодействия коррупции;

– антикоррупционная работа должностных лиц не приобрела системного характера, а иногда подменяется «показухой», что формирует лицемерное отношение к противодействию коррупции;

– закрытость борьбы с коррупционными преступлениями препятствует обществу оценить масштаб этого явления и опасность для национальной безопасности;

– не разработаны правовые механизмы привлечения к ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения;

– медленно осуществляется интеграция в антикоррупционной работе правоохранительных, контролирующих органов, общественных организаций, отсутствует общая стратегия деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей в данной области;

– уровень профессиональных знаний, навыков и умений представителей органов государственного управления, общественных организаций и граждан в сфере противодействия коррупции не всегда соответствует складывающейся коррупциогенной обстановке, что снижает качественные характеристики деятельности, направленной против данного социально опасного явления;

– информационное сопровождение деятельности по противодействию коррупции имеет фрагментарный характер, что негативно сказывается на взаимодействии общества и государства, и др.

Анализ и синтез эмпирических и научных материалов, раскрывающих передовой опыт организации антикоррупционной деятельности, свидетельствуют о целесообразности дальнейшей разработки теории противодействия как прогрессивной системы трансформации и интеграции превентивной и карательной моделей деятельности личности, общества и государства в противостоянии коррупции. Это новое направление в получении научных знаний о механизмах обеспечения консолидированной деятельности граждан, общества по защите

национальных интересов от угроз национальной безопасности, формирующихся под воздействием коррупции. В результате создаются условия повышения уровня социальной ответственности субъектов противодействия, а также привлечения более широкого круга членов общества к антикоррупционной деятельности. Одним из средств решения этой задачи выступает система противодействия коррупции. Под категорией «противодействие коррупции» мы понимаем взаимосвязанную деятельность органов государственного управления, юридических и физических лиц, общественных и иных организаций по предупреждению коррупционных правонарушений, повышению уровня социальной ответственности (политическая, моральная, семейно-бытовая, профессиональная, юридическая и др.) субъектов правоотношений в целях локализации и нейтрализации рисков, вызовов и угроз безопасности Республики Беларусь, формирующихся под воздействием коррупционных отношений.

Коррупция используется как эффективное средство при достижении цели как законным, так и противоправным путем, а взяточничество как средство развития коррупционных отношений в государстве.

Одной из актуальных проблем деятельности по противодействию коррупции в органах государственного управления является установление и поддержание баланса ответственности за совершение коррупционных правонарушений и непринятие мер по устранению причин и условий, способствующих коррупционным проявлениям в поведении граждан, должностных лиц органов государственного управления, представителей субъектов хозяйствования перед государством и в целом государства перед обществом.

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ВИКТИМОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Благаренко О.В.

Существенным элементом преступлений являются их жертвы (потерпевшие). Как отмечает немецкий криминолог Г.Й. Шнайдер, не существует «прирожденных жертв» или «жертв от природы». Но приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления. Если он осознает эту свою повышенную виктимность, он может усвоить определенное поведение, позволяющее сопротивляться и справляться с этой угрозой.

В целях более полного и всестороннего анализа масштабов и тенденций развития насильственной преступности в Республике Беларусь были проанализированы сведения, содержащиеся в ежедневных оперативных сводках МВД о зарегистрированных убийствах в Республике Беларусь за 2006–2010 годы. Проведение исследования именно по этим данным обусловлено тем, что убийство относится к категории наименее латентных преступлений. Всего было проанализировано 2 375 сводок по оконченным преступлениям,

репрезентативность выборочной совокупности составила 69,8 % (за период 2006–2010 годы, согласно данным статистической отчетности формы 1 Г, количество зарегистрированных преступлений, ответственность за которое предусмотрена ст. 139 УК с учетом покушений – 3 402). Имеющаяся в сводках информация о событии преступления, подозреваемом и жертве позволила обобщить данные о криминогенных и виктимогенных факторах, личности подозреваемого и жертвы (пол, возраст, социальное и семейное положение и др.), а также установить виктимогенные особенности поведения жертвы до совершения преступления и наличие либо отсутствие связей с преступником.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, за последние пять лет отмечается снижение как объема общей преступности, так и количества криминальных жертв. Однако следует указать на удельный рост в совокупности зарегистрированных преступлений числа потерпевших-детей в возрасте до 14 лет на 326,1 %, потерпевших в возрасте старше 70 лет – на 39,0 % и несовершеннолетних потерпевших – на 29,7 %, увеличение удельного веса этих категорий в общем числе потерпевших и уровня криминальной виктимизации свидетельствует о том, что социально-экономические факторы, определяющие преступность и криминальную виктимизацию этих групп населения, должным образом не нейтрализованы.

Во-вторых, анализ сведений, содержащихся в оперативных сводках о зарегистрированных преступлениях, показал, что в подавляющем большинстве убийства совершаются в семейно-бытовой сфере. Так, непосредственными местами совершения преступлений являлись: жилое помещение, в котором подозреваемый и жертва проживали совместно (31,3 %), место жительства жертвы (25,4 %); место жительства подозреваемого (12,9 %). Значительно реже убийство совершалось на улице (8,0 %), по месту жительства свидетеля (7,0 %), на открытой местности (лес, поле, берег реки и т. д.) (4,3 %), в административном здании (1,1 %). При этом убийство женщин в 41,7 % произошло по месту совместного проживания преступника и жертвы, убийство мужчин – в 26,0 % таких случаев. Анализ имеющихся данных также показал, что в 26,5 % между преступником и жертвой были родственные и семейные связи (супруги, братья, родители, дети, племянники и т. д.), а в 9,2 % они являлись сожителями. В 34,6 % случаев в смерти женщин виновным лицом являлся член семьи, а в 17,3 % – знакомый, тогда как среди жертв лиц мужского пола в 22,3 % убийцей был член семьи, а в 32,0 % – знакомый жертвы. Исследование родственных связей жертвы и подозреваемого показало, что в 29,7 % подозреваемый являлся сыном жертвы, из них в 52,4 % жертвой являлась мать преступника, а в 47,6 % – отец. В связи с этим представляется необходимым при разработке и реализации мер по виктимологической профилактике особое внимание уделить мероприятиям, направленным на снижение уровня внутрисемейного насилия и, как следствие этого, предупреждению убийств в семейно-бытовой сфере.

В-третьих, в зоне повышенного риска находятся пожилые люди, особенно женщины в возрасте старше 70 лет, проживающие в сельской местности. Доля жертв данной категории значительно превышает относительные показатели этой же возрастной категории среди жертв-мужчин. Поэтому в этом направлении в первую очередь должны быть приняты профилактические меры. При этом особое внимание стоит уделить разработке и реализации профилактических мер в Минской области – в Борисовском районе и г. Борисове, Минском, Молодечненском и Слуцком районах; в Гомельской области – в Мозырском, Речицком, Гомельском и Светлогорском районах; в Витебской области – Полоцком и Оршанском районах; в Могилевской области – в Бобруйском районе и г. Бобруйске; в Брестской области – в Барановичском районе и г. Барановичи, Пинском районе; в Гродненской области – в Гродненском, Лидском и Сморгонском районах.

В-четвертых, анализ динамики сезонных колебаний позволяет предположить об увеличении криминальной активности девиантно ориентированной части населения весной – в марте, апреле; летом – в августе; осенью – в сентябре; зимой – в декабре, что может быть в дальнейшем учтено при планировании проведения различных профилактических мероприятий с указанной категорией граждан.

В-пятых, необходимо активно продолжать проводить комплекс мероприятий по предотвращению пьянства и алкоголизма. Исследование показало, что наиболее часто убийства совершались в ссоре между подозреваемым и жертвой после совместного распития спиртных напитков (37,9 %), в 12,3 % подозреваемый находился в состоянии алкогольного опьянения. В том случае, когда жертвой являлось лицо мужского пола, наибольшую долю занимают убийства, совершенные в ссоре между виновным лицом и жертвой после совместного распития спиртных напитков (44,2 %), в то время как у жертв-женщин это обстоятельство предшествовало совершению преступления в 26,1 % случаев убийств. Помимо этого, необходимо более активно на местах вовлекать незанятую часть населения в реальный сектор экономики, так как среди подозреваемых в совершении убийства нигде не работали и не учились 56,4 % мужчин и 44,3 % женщин, а среди жертв: мужчин – 51,8 % и 34,0 % женщин.

Таким образом, необходимо отметить, что на сегодняшний день в нашей стране назрела необходимость принятия и реализации комплекса мер как общего, так и специального предупреждения виктимизации населения. К сожалению, в принятом Законе Республики Беларусь от 19.11.2008 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» отсутствует специальный раздел по виктимологической профилактике, содержащий формы и методы ее осуществления.

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Бочков А.А., Сухарев А.А.

Значительное внимание белорусского государства к проблемам молодежи, а также активная профилактическая деятельность правоохранительных органов по разобщению групп подростков с антиобщественным поведением позволила более чем наполовину сократить число участников групповой преступности с 2000 года по настоящее время.

Вместе с тем белорусский исследователь С.Ю. Яковичина отмечает, что в целом преступная активность несовершеннолетних растет, особенно в плане дерзости и корыстной направленности. При этом следует иметь в виду, что показатели подростковой преступности довольно подвижны и изменчивы. Например, наряду с уменьшением количества убийств (в том числе покушений), умышленных причинений тяжких телесных повреждений, изнасилований (в том числе покушений), разбоев, увеличилось количество грабежей, хулиганств, краж из автотранспортных средств. Проводимый сотрудниками юридического факультета УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова» социологический опрос 377 респондентов ВК-1 (г. Витебск) и ВК-2 (г. Бобруйск) показал, что 45,6 % опрошенных считают, что преступные группировки влияют на социально-экономическое положение в стране. По их мнению, это проявляется в контроле преступными группировками коммерческих структур (30,8 %), рэжете (25,1 %), сращивании преступности с государственным аппаратом (22 %).

При этом 28,1 % опрошенных могли бы нарушить закон ради друга (подруги), 51 % – ради близких родственников, 24,9 % – ради материальной выгоды, 13,8 % – из-за мести, 6,9 % – из-за ревности и только 12,7 % ни при каких условиях не нарушили бы закон.

Социологические опросы несовершеннолетних, совершивших групповые преступления, показывают, что для выполнения ими преступных деяний требуются определенная ловкость, сила, навыки, информация, тщательная предварительная подготовка, объединение усилий многих лиц. Таким образом, членство в группе способствует, облегчает выполнение поставленных задач, обеспечивает мнимую анонимность, снижает страх перед возможным наказанием (4,5 %), является способом демонстрации своей смелости (11,4 %), в группе легче совершить преступление (13,6 %), утвердить свой авторитет (9,1 %), в случае затруднений при совершении преступления можно рассчитывать на помощь товарищей (5,7 %).

Исследования свидетельствуют, что каждое пятое (21,1 %) групповое преступление несовершеннолетних было совершено по месту проведения досуга неформальной группы, членом которой они являлись. Среди наиболее традиционных мест сбора этих групп можно выделить следующие: квартира одного из членов группы (54,7 %); место проведения дискотек, иных развле-

кательных программ (22,1 %); улица, парк, сквер по месту жительства (21,1 %); двор (18,9 %); подъезд, подвал дома (16,8 %); кафе, бар (10,5 %). Таким образом, 48,5 % подростков-преступников отметили, что место совершения ими преступления находилось в непосредственной близости от места их жительства (в соседнем дворе, на соседней улице), а 96,8 % заявили, что место сбора их неформальной группы находилось в микрорайоне по месту жительства членов группы, что облегчает выявление и профилактику преступлений несовершеннолетних. Причем 68,4 % несовершеннолетних преступников указали, что их неформальная группа была сформирована на почве проживания в одном дворе, микрорайоне.

По данным российских исследователей, основными предметами преступного посягательства являются: мобильные телефоны – 36,1 %, автотранспорт – 10,6 %, деньги – 9,8 %, радио-, телеаппаратура – 8 %, личные документы – 4,2 %, ювелирные изделия – 0,9 % и др. При этом основную часть уличных преступлений, совершенных несовершеннолетними, составляют грабежи (23 %) и кражи (45 %).

Специалисты отмечают, что многие преступления на улицах тщательно планируются и готовятся молодежными группировками. При осуществлении уличных преступлений несовершеннолетние используют следующие факторы: анонимность преступного поведения на улице, когда избираются места с ослабленным социальным контролем, многовариантность выбора жертв; невмешательство очевидцев, виктимное поведение жертв, фактор внезапности, возможности внутригородской миграции на значительной территории и др.

Различают понятия «организованная преступность несовершеннолетних» и «преступление, совершенное организованной группой несовершеннолетних». Они находятся в диалектической взаимосвязи единичного, особенного и общего. Причем если первое понятие, в основном, является криминологическим, то второе – уголовно-правовым.

Вместе с тем при общем снижении количества несовершеннолетних участников преступных групп в последние годы наблюдается тенденция увеличения числа групп несовершеннолетних не просто криминальной направленности, а с признаками организованности, для которых характерны устойчивость, строгая иерархия, устоявшиеся нормы внутригруппового общения и отклоняющегося поведения с выраженной ориентацией на преступную деятельность.

В УК Республики Беларусь и научно-практическом комментарии к нему (ст.ст. 17, 18, 19, 256) достаточно четко прописаны условия совершения преступления группой, дана развернутая характеристика организованной преступной группы, отражены ее существенные признаки: количественные, организационно-субъективные, функциональные. Организованную группу могут представлять только вменяемые лица, достигшие 14-летнего возраста. Отмечается, что важнейшим признаком организованной группы является ее предварительная объединенность (соорганизованность). При этом следует отличать предварительную объединенность от предварительного сговора, который в основном касается ме-

ханизма совершения конкретного преступления. Предварительная объединенность означает, что еще до начала совершения конкретных преступлений осуществлялись целенаправленные организационные действия по созданию группы для неоднократного совершения преступлений.

Другими существенными признаками организованной группы являются управляемость и устойчивость. Управляемость определяет систему внутренней дисциплины, планирование конкретных преступлений, распределение функций и ролей, обеспечение сокрытия и безопасности участников группы.

В целях более четкого определения устойчивости преступной группы в ходе предварительного следствия предлагаем внести в научно-практический комментарий к УК Республики Беларусь определение «индекса групповой сплоченности» и разъяснение по его установлению. Это будет, по-нашему мнению, способствовать более дифференцированному подходу к определению следственными работниками уровня сплоченности преступной группы и, соответственно, обеспечит большую объективность при квалификации данной преступной организации.

Известно, что довольно широкое распространение в наше время получили так называемые преступные группы смешанного типа, т. е. с одновременным участием несовершеннолетних и взрослых. Наиболее ярким и актуальным примером в этом плане могут выступать сфера незаконного оборота наркотиков, организация притонов для потребления наркотических средств.

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день в Республике Беларусь остается нерешенной проблема противодействия активной деятельности цыганской общины по реализации наркотических средств практически на всей территории страны. Эффективной борьбе с данным видом преступлений препятствует тот факт, что реализация наркотиков непосредственным потребителям происходит через малолетних детей, которые не попадают под уголовное преследование.

Белорусский исследователь Л.И. Куличкова справедливо ставит вопрос о необходимости дополнительного научно-практического изучения правонарушений подростков, имеющих психические отклонения, а также социально-психологических механизмов их вхождения в молодежные преступные группировки.

Подростки с психическими отклонениями имеют свои психолого-поведенческие особенности. В наибольшей степени им присущи повышенная внушаемость и желание не выделяться на фоне своих сверстников. Это в значительной мере обусловлено приобретенным чувством неуверенности и страхом быть не такими как все.

В свою очередь данные комплексы могут приобретаться благодаря выражению жалости или скептицизма со стороны социального окружения. В конечном итоге это может приводить к формированию озлобленности и отчуждению личности от нормальной социальной среды.

Также у подростков, имеющих психические отклонения, может складываться повышенный конформизм, выражающийся в их стремлении подстраи-

наться под поведение обычных сверстников, отсутствии должной внутренней критичности к своим поступкам и окружающим.

Поэтому неслучайно многие из несовершеннолетних с психическими отклонениями (психопатии, акцентуации характера и др.) оказываются в составе молодежных групп повышенного риска.

В настоящее время многие ученые-юристы (Антонов А.А., Балабанова Л.М., Гулевич О.А., Ильяшенко А.Н., Копыткин С.А., Подольный Н.А., Толстолужинская Е.М. и др.) работают над разработкой психолого-криминалистических характеристик преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами. Так, например, Е.М. Толстолужинская отмечает, что лица с органическими поражениями головного мозга чаще совершают кражи – 29 %; грабежи и разбои – 21 %; 7 % совершают убийства, вымогательства, участвуют в незаконном обороте наркотиков; 4 % причиняют тяжкий вред здоровью.

По мнению М.М. Мальцевой и В.П. Котова, у психопатов хулиганские действия проявляются с частотой 42,3 %, правонарушения против собственности – 28,9 %; у шизофреников хулиганские действия составляют 22,8 %; правонарушения, направленные против личности, – 8,6 %; правонарушения против половой неприкосновенности – 3,6 % и др.

Таким образом, групповая преступность несовершеннолетних является наиболее опасной и часто совершаемой в структуре молодежной преступности. Ее профилактика и предотвращение требуют качественного научного изучения, жесткого пресечения преступлений, создания благоприятных условий для активной социальной деятельности молодежи, занятий спортом и физкультурой, научным и художественным творчеством, объединения совместных усилий педагогов, психологов, работников правоохранительных органов.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бочкова А.А., Янч В.В.

Республика Беларусь, как на национальном уровне, так и через взаимодействие с международными организациями, стремится эффективно противостоять одной из важнейших проблем современности — торговле людьми. В публицистической литературе торговлю людьми зачастую называют современной формой рабства. Следы торговли людьми могут быть обнаружены и в экономической сфере, и в принуждении к занятию проституцией, в том числе с вовлечением детей. Одну из самых больших сложностей в изучении этой проблемы составляет определение ее примерных размеров. Получение достоверной информации о количестве людей, задействованных в торговле «живым товаром», остается затруднительным в связи с латентным характером данной категории преступлений. В целом, исходя из статистики Между-

народной организации по миграции (МОМ), начиная с 2002 года, жертвами торговли людьми зарегистрировано как минимум 2 089 граждан Республики Беларусь, из которых 590 человек – мужчины. Более того, за первые девять месяцев 2011 г. 55 % жертв торговли людьми, зарегистрированных организацией, стали мужчины. Это говорит об относительном увеличении потока трудовых мигрантов, выезжающих из страны. Как правило, страной назначения для них становится Российская Федерация.

Целенаправленные меры по сокращению и предупреждению торговли людьми в Республике Беларусь на государственном уровне принимаются по нескольким основным направлениям: совершенствование национального законодательства; участие в работе международных организаций; развитие структуры специализированных оперативных подразделений; формирование системы учреждений, оказывающих социально-психологическую помощь жертвам торговли людьми.

Говоря о совершенствовании национального законодательства, следует отметить, что в целом в Республике Беларусь сформирована правовая база по противодействию преступности в сфере торговли людьми. Помимо усиления уголовной ответственности, заметно расширен перечень противоправных действий, за которые установлена ответственность не только физических, но и юридических лиц, регламентирован статус жертвы торговли, урегулированы отношения в сфере модельного бизнеса, трудоустройства за границей, рекламной и брачной деятельности.

В историческом плане первым наиболее системным правовым актом, направленным на противодействие торговле людьми, явилось Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 ноября 2001 г. № 1636, которым была одобрена первая Государственная программа комплексных мер по противодействию торговле людьми и распространению проституции на 2002–2007 годы. Она включала меры социального, медицинского, правового и организационного характера, реализуемые на основе объединения усилий органов государственного управления, общественных объединений и других заинтересованных структур. После этого в стране были приняты еще две государственные программы противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2008–2010 и 2011–2013 годы.

9 марта 2005 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Декрет № 3 «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми». В соответствии с нормами Декрета любые действия, в том числе однократные, направленные на трудоустройство граждан Республики Беларусь за границей, включая посредничество, должны осуществляться только при наличии специального разрешения (лицензии), выдаваемого Министерством внутренних дел.

4 мая 2005 г. был принят Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения». Кроме того, 8 августа 2005 г. Президентом Республики Бе-

ларусь был подписан Указ № 352 «О предотвращении последствий торговли людьми», регламентирующий статус жертв торговли людьми. Данным документом определяется статус лиц, пострадавших от преступной деятельности, связанной с торговлей людьми, а также правовые и организационные основы обеспечения их надлежащей защиты.

В 2005 и 2008 годах были внесены изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), направленные на унификацию национального уголовного законодательства в сфере противодействия торговле людьми с нормами международного права, в частности с нормами Палермского протокола № 2 (далее – Протокол) о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Палермский протокол), дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Согласно ч. 1 ст. 181 УК торговлей людьми признается купля-продажа человека или совершение иных сделок в отношении его, а равно совершенные в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека. Следует отметить, что определение торговли людьми как преступления в УК отличается от понятия торговли людьми, которое указано в подпункте «а» ст. 3 Протокола. Термин «торговля людьми» в соответствии с Протоколом означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкуна, в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Таким образом, торговля людьми в соответствии с Протоколом включает в себя и признаки вербовки людей для эксплуатации, ответственность за которую предусматривается статьей 187 УК.

УК с учетом содержания ч. 2 и ч. 3 ст. 181, а также ст. 181-1, запрещающей использование рабского труда, в достаточной степени обеспечивает необходимую правовую регламентацию противодействия преступлениям в сфере торговли людьми и в основном соответствует международным требованиям. Тем не менее, определение торговли людьми, изложенное в ч. 1 ст. 181 УК, по своему содержанию более узкое, нежели в Палермском протоколе. Оно имеет еще один недостаток – в нем используются гражданско-правовые категории «сделка» и «купля-продажа». И хотя в литературе представлена точка зрения, в соответствии с которой понятия «купля-продажа» и «сделка» используются не для установления соответствия или несоответствия действий лица гражданско-правовым нормам, а исключительно для уяснения характера совершаемых виновными лицами действий, представляется необходимым данные гражданско-правовые категории из ст. 181 УК изъять. Предлагаем ч. 1 ст. 181 УК изложить в следующем виде: *«Торговлей людьми признаются противоправные деяния, осуществляемые в целях их эксплуатации либо получения иных выгод, а также сопровождающиеся вербовкой, перевозкой, передачей, укрывательством или получением человека».*

Актуальной на сегодняшний день является проблема присоединения государств к нормам международного права, направленным на противодействие торговле людьми. Требуется и налаживание взаимодействия правоохранительных органов различных государств, так как преступления, связанные с торговлей людьми, как правило, совершаются международными преступными группировками.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ УКРАИНЫ

Брыч Л.П.

Целями изучения и обобщения судебной практики Украины по уголовным делам с точки зрения разграничения составов преступлений стали, прежде всего, выявление недостатков законодательных формулировок, провоцирующих неправильное разграничение составов преступлений в решениях по конкретным уголовным делам; подтверждение либо опровержение правильности позиции высших судебных инстанций по определенному кругу вопросов уголовно-правовой квалификации; выявление положительного и (или) отрицательного влияния на практику отдельных положений, касающихся разграничения составов преступлений, высказанных в научной литературе; определение тенденций по разграничению составов преступлений, существующих в правоприменительной практике судов. Традиционно в уголовно-правовой науке судебная практика считалась показателем качества и компенсатором недостатков закона, а также источником его толкования. Но научные исследования последних лет, изучение практики Европейского суда по правам человека по делам против Украины, анализ самих уголовных дел показывают, что огромную долю среди вынесенных в Украине приговоров составляют те, в которых неправильная квалификация не имеет законодательной или праворазъяснительной подоплеки. Это обусловлено либо злоупотреблениями, либо юридическим невежеством судей. Определение точного числа и соотношение количества таких случаев не является целью уголовно-правового исследования и не представляется возможным в пределах такового. Поэтому абсолютизировать значение состояния судебной практики как показателя качества законодательства в современных условиях не стоит. Лишь малую часть случаев неправильной квалификации можно отнести к судебным ошибкам в разграничении составов преступлений, которая обусловлена недостатками законодательных формулировок. Но поскольку они все же существуют, то и игнорировать исследование судебной практики как инструмента вскрытия недостатков уголовного законодательства тоже нельзя.

Итак, недостатки закона, провоцирующие судебные ошибки в разграничении составов преступлений, прежде всего, состоят в неоправданном возложении разграничительной функции на признаки, для этого менее всего

пригодные. Так, довольно большое количество случаев неправильной уголовно-правовой квалификации связано с разграничением составов преступлений по признакам субъективной стороны (16,1 %). А, например, ошибки, обусловленные неправильным разграничением смежных составов по предмету, потерпевшему или признакам специального субъекта, составляют лишь 3,2 % среди всех случаев неправильной уголовно-правовой квалификации, связанных с разграничением составов преступлений. Но укор за неправильную квалификацию в приведенных случаях вряд ли должен быть адресован законодателю. Предмет состава преступления, потерпевший и специальные признаки субъекта преступления – одни из самых пригодных для возложения на них разграничительной функции признаков состава. Объясняется это материальностью, доступностью для непосредственного восприятия и оценивания явлений, которые обозначаются этими признаками состава преступления.

Наиболее преобладающими количественно среди законодательных предпосылок неправильной квалификации в части разграничения составов преступлений является наличие несовершенных с точки зрения формальной логики и лингвистики законодательных формулировок. Анализ судебной практики показал, насколько сложным для судей является установление признаков деяний различных составов преступлений. Констатация соответствия совершенного деяния признакам общественно опасного деяния, названного в качестве признака состава преступления, когда на самом деле оно соответствовало признакам общественно опасного деяния иного состава преступления, повлекла неправильную квалификацию во многих приговорах суда. Ошибки, обусловленные неправильным разграничением именно общественно опасных деяний, составляют 41,9 % всех случаев неправильной уголовно-правовой квалификации, связанных с несовершенным законодательным формулированием общественно опасного деяния.

На втором месте после случаев неправильного разграничения составов преступлений по деянию стоят те, которые связаны с общественно опасными последствиями, что составляет 25,8 %.

Отдельно стоит остановиться на проблемах судебной практики, связанных с нецелесообразным использованием термина «сопряженный». Разъяснения Пленума Верховного Суда Украины (далее – ПВСУ) по поводу применения статей УК Украины, содержащих указанный термин, противоречивы. В юридически тождественных ситуациях ПВСУ для одной категории дел предлагает рассматривать содеянное как единое преступление, для другой – как совокупность преступлений. Отсюда разноречивость в судебной практике и примеры даже тройного нарушения принципа *non bis in idem*. Можно определить три типовых вида использования этого термина в законодательных конструкциях составов преступлений, в том числе, когда в диспозиции статьи (части статьи) Особенной части УК в основном либо квалифицированном составе определенного преступления, указывается на сопряженность общественно опасного деяния, являющегося признаком этого состава преступления, с определенным способом совершения этого же состава преступления. Ис-

пользование законодателем термина «сопряженный» для указания на связь деяния и способ его совершения является неоправданным. В таких конструкциях возложенная законодателем на рассматриваемый термин логическая смысловая функция не соответствует лингвистическому значению соответствующего слова – сводить в единое целое ранее отдельные, самостоятельные явления. Ведь способ совершения преступления является признаком, зависимым от общественно опасного деяния, его смысл определяется смыслом общественно опасного деяния. Сказанное можно проиллюстрировать на примере основного состава разбоя, где, как известно, способ является обязательным признаком состава преступления. Без этого способа содеянное не может квалифицироваться как разбой. Фактический переход имущества от одного лица к другому не является преступлением сам по себе безотносительно к способу такого перехода. Поэтому термин «сопряженный» использовать в составе разбоя и в иных тождественных с точки зрения их построения конструкциях нецелесообразно. И это вредит правильному применению соответствующей уголовно-правовой нормы, создавая почву для иллюзии у правоприменителя, что состав разбоя включает и насилие, которое может быть отделенным от завладения имуществом, то есть не направленным на завладение имуществом. Так, примененное к потерпевшей Б. физическое насилие с целью ее изнасилования и последующее за этим открытое похищение денег потерпевшей, в отношении которого потерпевшая не оказывала сопротивления, было расценено судом и как способ совершения изнасилования, и как способ совершения разбоя. С рассматриваемой проблемой тесно связана проблема инкриминирования виновному единожды наступивших последствий два, а то и три раза. По некоторым категориям уголовных дел такое нарушение принципа *non bis in idem* вытекает из указаний ПКСУ. В иных категориях дел позиция ПКСУ, пропагандирующая двойное инкриминирование одних и тех же последствий при совершении реальной совокупности преступлений, экстраполируется судами и на применение тех статей Особенной части УК, в отношении которых прямых указаний о двойном инкриминировании последствий преступления в постановлениях ПКСУ не было.

Изучение и обобщение практики судебного правоприменения, осуществленное автором настоящей работы, приводит к выводу о тотальном нарушении принципа законности, что прослеживается в изученных приговорах по уголовным делам. А это значит, что судебная практика по уголовным делам, которая ныне в Украине не отображает объективных реалий, уже не может служить показателем практической пригодности действующих законодательных положений, ориентиром для научных изысканий. Судебные решения демонстрируют пренебрежение судами элементарными положениями уголовного права, принципами уголовно-правовой квалификации. Попраение судами требований Конституции Украины и Уголовно-процессуального закона, положений Европейской Конвенции по защите прав человека и основополагающих свобод 1950 г., а вместе с ней и практики Европейского Суда по правам человека, в частности, о недопустимости доказательств, добытых неза-

конным путем или, хуже того, сфабрикованных, делает нецелесообразным анализ соответствующих приговоров на предмет правильности или неправильности в них разграничения составов преступлений. Как удачно отметил А.Э. Жалинский, лишь тогда стоит считаться с существующей судебной практикой, когда суды придерживаются принципов законности, равенства граждан перед законом.

О ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕМ МЕРАХ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО, ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО КОТОРЫМ ПРИОСТАНОВЛЕНО

Горовая И.А.

По уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), в случаях неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, уголовное преследование осуществляется в непроцессуальной форме. При этом форма осуществления уголовного преследования обусловлена требованием ч. 3 ст. 247 УПК о недопущении производства по уголовному делу в случае его приостановления, а также требованием п. 1 ч. 2 ст. 247 УПК о необходимости принятия следователем как непосредственно, так и через орган дознания мер по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В УПК не содержится перечень допустимых мер, предпринимаемых следователем по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено. Однако из общего смысла требований УПК, Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» считаем, что под мерами, осуществляемыми непосредственно следователем или через орган дознания по делам, по которым приостановлено предварительное расследование, следует понимать *совокупность действий аналитического, организационного, оперативного и административного характера, направленных на получение дополнительной или новой информации, которая может быть использована в целях установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.* Указанная совокупность действий входит в содержание уголовного преследования, осуществляемого в непроцессуальной форме.

Мерами аналитического характера могут быть: изучение материалов уголовных дел об аналогичных преступлениях, истребование документов справочного характера, изучение и анализ оперативной обстановки, проверка отпечатков рук по базе данных автоматизированной дактилоскопической идентификационной системы с целью выявления совпадений по ранее совершенным преступлениям, пополнение и использование в установленном порядке автоматизи-

рованных информационных систем и банков данных о фактах и лицах, которые могут иметь отношение к делу, анализ полученной информации.

К мерам организационного характера можно отнести организационные формы взаимодействия: систематический обмен информацией; проведение оперативных совещаний по уголовным делам, в их рамках согласованное планирование и выдвижение версий, анализ полученных результатов; взаимодействие с таможенными органами, органами государственной безопасности и пограничной службы Республики Беларусь в целях взаимного обмена информацией о фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции каждого из указанных органов; создание и деятельность следственно-оперативных групп по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет; информирование общественности посредством средств массовой информации о совершенных преступлениях; рассылка ориентировок о приметах похищенного имущества и лицах, причастных к совершению преступления.

К мерам оперативного характера относятся совокупность оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 11 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», осуществляемых с целью установления лиц, совершивших преступления, розыска похищенного имущества, установления очевидцев совершения преступления.

Мерами административного характера являются: участие в проведении специальных программ и комплексных оперативно-профилактических операций, проводимых органами внутренних дел; проверка лиц, ранее судимых за совершение аналогичных преступлений в рамках осуществления превентивного надзора; доставление в органы внутренних дел и проверка лиц, не имеющих определенного места жительства и занятий, в целях установления их личности, а также проверки по учетам органов внутренних дел; остановка и досмотр транспортных средств в целях обнаружения лиц и имущества, которые могут иметь отношение к делу; досмотр лиц, задержанных на основании и в порядке, установленных законом.

Перечень указанных мер не является исчерпывающим. Выбор средств и методов установления лица (лиц), совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, после приостановления предварительного расследования должен решаться в каждом отдельном случае применительно к обстоятельствам уголовного дела. Целесообразность проведения тех или иных мероприятий непосредственно следователем или поручение их проведения органу дознания в целях получения дополнительной или новой информации по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, зависит, на наш взгляд, от разграничения гласных и негласных средств и методов их осуществления. Так, гласные могут осуществляться как следователем, так и органом дознания, а негласные – только оперативными подразделениями органа дознания.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ» И «ПРОФИЛАКТИКА» ПРАВОНАРУШЕНИЙ (ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

Городецкая М.А.

В условиях построения современного правового государства первоочередное значение приобретают проблемы защиты его граждан от преступных посягательств, а также нейтрализация отрицательных социальных тенденций. В этом контексте главным направлением деятельности государства в сфере охраны прав, свобод и интересов граждан является предупреждение преступлений.

Термин «предупреждение преступности» вызывает множество неоднозначных суждений в юридической литературе, нет единообразного подхода к его определению и в нормативных актах. Так, наряду с термином «предупреждение» часто используются термины «профилактика», «предотвращение» и «пресечение». Одни авторы рассматривают эти понятия как синонимы и не считают необходимым выделять здесь какие-либо смысловые оттенки (Кузнецова Н.Ф., Лунеев В.В.; Эминов В.Е., Литвинов А.Н., Гавриш Т.С.); другие, рассматривая, прежде всего, предупреждение преступлений, а не преступности в целом, выделяют профилактику как составную часть «предупреждения», относя сюда же в качестве других составляющих предотвращение и пресечение преступлений (Аванесов Г.А.). Третьи, напротив, подчеркивают различие указанных терминов, в частности, А.Г. Лекарь полагает необходимым использовать четыре понятия: родовое – предотвращение преступлений и видовые – профилактика, предупреждение и пресечение преступлений. Первое охватывает все виды деятельности по недопущению преступлений, а остальные, соответственно, – выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений; недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений путем принятия мер к готовящим их лицам; воспрепятствование окончанию начатых преступлений (Жалинский А.Э.). Данной точки зрения придерживается и И.И. Басецкий. А.Ф. Зелинский, разграничивая термины «предотвращение» и «профилактика», под «предотвращением» подразумевает воспрепятствование совершению конкретного преступления, под «профилактикой» – устранение причин и условий, способствующих совершению преступления. По его мнению, к «профилактике» следует отнести процесс выявления, устранения причин и условий преступности, а к «предупреждению» – недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений.

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова термин «профилактика» (от греч. *prophylaktikos* – предохранительный) определяется как совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова содержит следующее определение рассматриваемого термина: «совокупность мероприятий, предупреждающих заболевания или предохраняющих от чего-нибудь». В филологиче-

ском смысле *предупредить* преступление означает заранее принятыми мерами помешать чему-либо осуществиться, наступить; *предотвратить* (Кузнецов С.А.); заранее принятыми мерами отворотить; *опередить*, сделать что-нибудь ранее, чем что-нибудь произошло (Ожегов С.И.). По нашему мнению, в аспекте вышеизложенного, понятия «предупреждение», «предотвращение» и «пресечение» необходимо рассматривать как синонимы, поскольку, как указывает В.В. Лунеев, здесь нет необходимости выделять какие-либо смысловые оттенки. Однако, рассматривая эти понятия на уровне индивидуального предупреждения преступлений, Г.А. Аванесов справедливо указывает на особенности данного подхода. В частности, индивидуальное предупреждение преступлений, считает он, включает в себя и профилактику, и предотвращение, и пресечение. При этом профилактика – это устранение возможности совершения лицом преступления, предотвращение – реакция на готовящееся преступление, а пресечение – недопущение перерастания покушения в окончательное преступление.

В криминологическом смысле применительно к преступлению и преступности в целом зачастую употребляется термин «предупреждение». Так, Большая юридическая энциклопедия, Юридическая энциклопедия под редакцией Б.Н. Топорнина и вовсе не содержат термина «профилактика». Интересно в этом смысле позиция А.И. Алексеева, согласно которой профилактика не тождественна предупреждению преступности, они соотносятся как вид с родом. Профилактика составляет одну из частей предупреждения, которая по широте и глубине упреждающего воздействия, способности влиять на истоки, корневую систему преступности, на то, что ее продуцирует, воспроизводит, и тем самым «лечить болезнь» в самом ее начале.

Отметим, что процесс предупреждения преступности в Республике Беларусь в настоящее время не имеет самостоятельной единой правовой базы. Он представляет собой конгломерат разных законов и иных нормативных актов, в том числе ведомственных, в которых, наряду с определением полномочий соответствующих субъектов правоохранительной сферы, закреплены и соответствующие профилактические функции. Правовые и организационные основы деятельности по профилактике правонарушений, а также основные формы участия государственных органов (организаций), иных организаций и граждан в осуществлении этой деятельности в Республике Беларусь устанавливаются Законом Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 453-З). Указанный Закон позиционируется как базисный законодательный акт, закрепляющий принципиальные подходы к деятельности по профилактике правонарушений вне зависимости от того, кто ее осуществляет. В аспекте вышеизложенного, следует не согласиться с использованием в отечественном законодательстве и, в частности, в Законе № 453-З вместо термина «предупреждение» термина «профилактика». Так, А.И. Долгова отмечает, что нет смысла ломать устоявшийся понятийный аппарат, поскольку, несмотря на всю уязвимость термина «предупреждение», последний прочно вошел в научный

оборот. В настоящее время в числе основных принципов предупреждения преступности всеми криминологами называется научная обоснованность при осуществлении такой деятельности. Очевидно, что действующий Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» нуждается в совершенствовании.

АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СПРАВКЕ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРОВЕДЕННОГО ПО ДЕЛУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Гридюшко Н.В.

Деятельность следователя, дознавателя по уголовному делу завершается вынесением постановления о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. Вместе с уголовным делом следователь в соответствии с ч. 2 ст. 262 УПК представляет прокурору справку о результатах предварительного следствия.

Необходимо помнить, что указанная справка является одним из ключевых документов по уголовному делу, часто приходится сталкиваться с ее определением как «хрестоматии уголовного дела». И действительно, в рассматриваемом документе в сжатом виде должны быть отражены все результаты проведенного предварительного следствия. Однако, как показывает практика, часто к этому документу отношение наблюдается весьма пренебрежительное, и следователи составляют ее схематически, не владеясь во все нюансы. Очень часто справки встречаются краткие, «сухие», из содержания которых не видно, действительно ли доказана вина обвиняемого, какие доводы есть у следствия; не приведен анализ собранных по делу доказательств. Вместе с тем государственный обвинитель, поддерживающий обвинение в суде, естественно, знаком с материалами уголовного дела в меньшей степени, нежели следователь, расследовавший его несколько месяцев, и от того, насколько качественно будет составлена справка, зависит продуктивность работы как прокурора, так и всей предыдущей работы следователя.

Особую важность при составлении справки приобретает анализ фактов, противоречащих обвинению и не устраненных в ходе расследования. Умолчание о существующих в материалах дела противоречиях, а также односторонний, не аргументированный выбор из имеющейся доказательственной информации только обвинительных доказательств являются нарушением требований закона о рассмотрении всех обстоятельств дела в совокупности.

Каждый следователь, принимая решение о передаче дела прокурору для направления в суд, оценивает собранные по делу доказательства по своему внутреннему убеждению. Письменное обоснование своего убеждения, указание всех нюансов, на которые могут не обратить внимание государственный обвинитель, суд, и делают рассматриваемую часть справки такой сложной.

В качестве наиболее показательного примера можно привести справку по уголовному делу № 3657800, расследованному СО ПР Фрунзенского РУВД г. Минска, по факту совершения разбойного нападения в жилище. Фактически определяющее значение в ходе его расследования приобрели именно анализ и оценка собранных доказательств.

Для лучшего понимания сущности рассматриваемого дела ниже в краткой форме приведены показания потерпевшего и обвиняемого.

<i>Показания потерпевшего К.</i>	<i>Показания обвиняемого Ж.</i>
Вечером в дверь его квартиры позвонили. Не посмотрев в глазок, открыл, будучи уверен, что пришли знакомые. Открыв дверь, повернулся к ней спиной и пригласил войти. Сразу же почувствовал боль в области правого плеча и потерял сознание. Очнувшись, увидел, что лежит на полу в прихожей. На нем сверху сидит его знакомый Ж. и пытается снять с руки часы. В прихожей стоял еще один мужчина, у ног которого стоял телевизор. Ж., увидев, что потерпевший очнулся, закричал, что его надо убить, так как он его знает и нанес ему несколько ударов ножом в грудь. Тогда он выхватил у Ж. правой рукой нож, схватившись рукой за лезвие, и начал им отмахиваться. Столкнув с себя Ж., он, защищаясь, нанес ему два-три удара ножом, после чего выронил нож из рук и побежал на кухню, чтобы взять что-нибудь для защиты. Взяв на столе кухонный нож, он вернулся в прихожую, однако там уже никого не было. Он вновь потерял сознание.	Вечером с другом С. и его девушкой зашли к К., чтобы попросить у него денег. Оставив девушку ожидать их на улице, они пошли к К. Последний открыл им дверь и впустил в квартиру. Ж. представил К. своего друга, и они начали разговаривать. Через несколько минут С. пошел на кухню и начал выносить телевизор. К. закричал, что они пытаются его ограбить, выхватил нож и нанес Ж. несколько ударов ножом. Тогда Ж. выхватил нож у К. и в целях самозащиты нанес им несколько ударов К., после чего убежал из квартиры. Никаких вещей не выносил.

Принимая во внимание, что установить местонахождение К. и личность его знакомой пока не представлялось возможным, расследование уголовного дела проходило в условиях жесткого информационного дефицита. Оба не отрицали, что нанесли удары ножом друг другу, похищенного имущества у Ж. обнаружено не было. Все собранные доказательства не позволяли категорично ответить на главный вопрос о механизме совершения преступления (кто же напал, а кто защищался). Однако сравнительный анализ доказательств (показания потерпевшего – показания обвиняемого – протокол осмотра места

происшествия — заключение судебно-медицинской экспертизы), приведенный в справке о результатах предварительного расследования, помог расставить все точки над «i».

В указанной справке следователь, после перечисления всех собранных по делу доказательств, в свободной форме привел свои умозаключения:

«Версия обвиняемого Ж. о том, что он не желал совершить преступление в отношении К., полностью опровергается материалами уголовного дела, и в частности заключением судебно-медицинской экспертизы, согласно которому у К. обнаружены 3 рубца на ладонной поверхности правой кисти. Данное заключение эксперта полностью подтверждает показания потерпевшего о том, что Ж. напал на него и начал наносить удары ножом, а он выхватил у него данный нож правой рукой, схватившись за лезвие».

Кроме того, показания потерпевшего о том, что он, открыв дверь в квартиру, пошел в комнату и сразу же почувствовал боль в области плеча, после чего потерял сознание, полностью подтверждаются заключением этой же экспертизы в той ее части, где указано, что у К. имеется неправильный линейный светло-красный рубец 4×0,2 см у внутреннего конца правой ключицы и что данный рубец мог быть образован в результате удара ножом. Данный факт подтверждает, что у Ж. был с собой нож и что он заранее собирался наносить им удары потерпевшему.

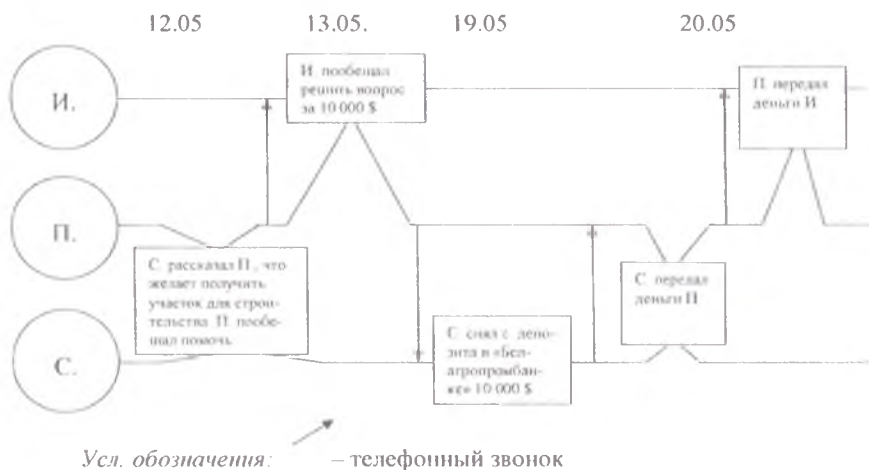
Показания Ж. о том, что потерпевший ударил его ножом, а он выхватил его у К., нанеся им несколько ударов потерпевшему, выбросил данный нож, после чего ушел, опровергаются протоколом осмотра места происшествия, согласно которому в квартире были обнаружены два ножа. Показания же потерпевшего по данному факту последовательны, логичны. Он поясняет, что выхватив нож из рук Ж., начал им отмахиваться, но нож случайно выпал у него из рук, и тогда он побегал на кухню, где взял второй нож, чтобы в случае повторного нападения продолжать защищаться».

Подобная форма составления справки, с приведением анализа доказательств, сыграла ключевую роль при поддержании государственным обвинителем обвинения в суде и оказала помощь суду в принятии объективного, справедливого и законного решения по делу.

Помимо проведенного анализа, немаловажное значение может приобрести составление (в качестве приложения к справке) диаграмм преступных связей, хронологических схем совершения преступления (в особенности по наиболее сложным, экономическим, коррупционным преступлениям). Для этих целей возможно использовать разработки и символы, принятые в международной теории криминального анализа (где круг — физическое лицо; квадрат — юридическое лицо; прямая линия — наличие подтвержденных связей; пунктирная линия — неподтвержденная связь и т. д.).

Такие схемы помогут быстро уяснить механизм совершения преступления и распределение ролей обвиняемых. В качестве наглядного примера можно привести преступную схему взяточничества.

Хронологическая схема совершения преступления



Естественно, далеко не всякое уголовное дело требует такого доско-
нального, подробного анализа системы доказательств. Вместе с тем по слож-
ным уголовным делам формулировка выводов следователя, а иногда и со-
ставление приведенных схем, по меньшей мере, необходима.

ПОНЯТИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЛИЧНОЙ ВИНОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Грунтов И.О.

1. Нас окружает динамичный, быстро меняющийся мир. Зачастую из-
менения в социально-экономических отношениях бывают крайне неожидан-
ными и опасными. Такие процессы носят глобальный характер и присущи
многим странам. Государство и общество старается своевременно и адекват-
но реагировать на такие общественно опасные вызовы, применяя меры эко-
номического, социального, в том числе и уголовно-правового характера. Все
это в определенной мере объясняет огромное количество внесенных измене-
ний и дополнений в действующий Уголовный кодекс 1999 г. (в дальнейшем –
УК). На момент окончания 2011 года их насчитывается около 700.

УК, наряду с другими кодексами, создает правовую основу деятельно-
сти всех государственных органов в сфере борьбы с преступностью. От того,
какие нормы принимаются и вносятся в УК, как они сконструированы, зави-
сит эффективность деятельности этих правоприменительных органов.

При описании конкретных составов преступлений, как правило, применяются довольно известные методы конструирования: логический, системный, грамматический и др. В ст. 3 УК (принципы уголовного закона и уголовной ответственности) закреплено положение, в соответствии с которым уголовный закон должен основываться на принципе личной виновной ответственности. В данной статье не раскрывается содержание этого правового принципа. Вместе с тем следует предположить, что сущность этого предписания состоит в том, что конструирование составов конкретных преступлений и уголовно-правовых норм Общей части УК, связанных с ответственностью и наказуемостью деяния лица, должно происходить с учетом законодательной модели умысла и неосторожности. Применение предписаний, вытекающих из содержания принципа личной виновной ответственности, в действующем уголовном законе может применяться в двух качествах: как один из способов конструирования новых составов преступлений и уголовно-правовых норм Общей части УК, позволяющий избежать объективного вменения, и как шаблон (матрица) для проверки полноты реализации данного правового предписания в отношении ранее принятых законов, при создании которых этот метод не применялся вовсе.

Рассмотрим это подробнее.

2. С учетом требования этого принципа необходимо, чтобы в умысленных составах преступлений с формальной конструкцией объективные признаки посягательства описывались в законе таким образом, чтобы психическое отношение субъекта деяния соответствовало законодательной модели умысла. Используем это положение в качестве шаблона для проверки полноты реализации этого правового предписания в конструкции какого-либо состава преступления, например, в ст. 171 УК (Содержание притона, сводничество и сутенерство).

В ч. 1 ст. 171 УК Беларуси предусматривается ответственность за использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией. С объективной стороны это преступление состоит в совершении любого из следующих действий: 1) использования занятия проституцией другим лицом; 2) предоставление с корыстной целью помещения (места) для занятия проституцией; 3) организация притона для занятия проституцией; 4) содержание притона для занятия проституцией.

С субъективной стороны, по замыслу законодателя, это преступление характеризуется прямым умыслом. На основании ч. 2 ст. 24 УК преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего деяния и желало его совершить. Сознание общественной опасности означает, что лицо понимает фактические обстоятельства содеянного и что, совершая такое деяние, существенно нарушает охраняемые уголовно-правовой нормой общественные отношения. В этом состоит содержание интеллектуального признака законодательной модели умысла. В соответствии с требованием принципа субъективного вменения объективные признаки этого посягательства должны быть описаны та-

ким образом, чтобы психическое отношение субъекта деяния соответствовало вышеуказанной законодательной модели умысла. Представляется, что такое несоответствие имеет место при описании первого варианта этого посягательства (использования занятия проституцией другим лицом). Объективная сторона этого деяния описана таким образом, что к уголовной ответственности могут привлекаться, например, престарелые родители, ребенок, достигший шестнадцати лет или другие близкие, которые проживают вместе с лицом, занимающимся этим ремеслом, и которые пользуются материальными средствами, добытыми от этой деятельности. Совершая такие деяния, эти лица, по замыслу законодателя, должны сознавать, что существенно нарушают охраняемые этой уголовно-правовой нормой общественные отношения (нравственно-этические аспекты отношения полов в обществе). Вместе с тем интеллектуальное отношение у определенной категории лиц, пользующихся материальными средствами, добытыми от этой деятельности, совершенно иное, чем это необходимо для модели прямого умысла.

Дело в том, что при пользовании материальными средствами, добытыми от занятия проституцией, престарелые родители, ребенок, достигший шестнадцати лет, брат или сестра осознают, что их близкий зарабатывает материальные средства деятельностью, не влекущей уголовной ответственности. Они понимают, что получение ими материальных благ от близкого человека — это форма проявления заботы о них. Принятие такой помощи не может рассматриваться ими как поведение, существенно нарушающее охраняемые этой уголовно-правовой нормой общественные отношения. В деянии таких лиц будет отсутствовать интеллектуальный признак умысла, характерный для данной модели умысла. Описание объективной стороны посягательства в ч. 1 ст. 171 УК, в части поведения вышеуказанных лиц, закрепляет элемент объективного вменения.

3. С учетом требования этого принципа необходимо, чтобы в умышленных составах преступлений с материальной конструкцией объективные признаки посягательства описывались в законе таким образом, чтобы психическое отношение субъекта деяния соответствовало законодательной модели этого умысла. Используем это положение в качестве шаблона для проверки полноты реализации этого правового предписания в конструкции какого-либо состава преступления, например, в ст. 233 УК (Незаконная предпринимательская деятельность).

В ч. 1 ст. 233 УК предусматривается ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность. С объективной стороны, посягательство состоит в совершении любого из следующих вариантов поведения: предпринимательской деятельности, осуществляемой без государственной регистрации либо такой же деятельности без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение (лицензия) обязательно. Уголовная ответственность за такое поведение наступает, если любое из вышеуказанных деяний сопряжено с получением дохода в крупном размере.

При описании признаков состава этого преступления, по замыслу законодателя, субъективная сторона этого посягательства характеризуется умышленной виной. В ч. 2 ст. 22 УК определяется модель умысла при материальной конструкции объективной стороны преступления. Интеллектуальный элемент умысла в таком поведении состоит в том, что субъект сознает, что нарушает установленный порядок предпринимательской деятельности. Лицо понимает, что его действия без государственной регистрации либо без специального разрешения существенно нарушают охраняемые уголовно-правовой нормой, установленные правила поведения в системе экономических отношений. Вместе с тем совершение таких действий не является в соответствии с законом преступлением. Уголовно-наказуемым является поведение виновного, повлекшее определенное в законе последствие. В соответствии со ст. 22 УК, в преступлениях с материальной конструкцией объективной стороны умысел определяется психическим отношением лица к наступившему общественно опасному последствию. Исходя из этого, субъект, занимающийся предпринимательской деятельностью без государственной регистрации либо без специального разрешения, должен предвидеть, что его действие повлечет причинение общественно опасного последствия, и желать его.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 233 УК в качестве такого последствия названо получение дохода в особо крупном размере. Лицо, занимаясь предпринимательством, стремится получить определенный доход. В этом сущность этой деятельности. Природа такого поведения не меняется от того, осуществлялись ли такие действия правомерно либо без регистрации или без специального разрешения. В связи с этим предвидеть такое последствие как общественно-опасное и желать его в таком качестве, как это задумывалось при конструировании этого состава преступления, невозможно. Описание последствий в этом составе преступлений не может отражать социально-психологическую составляющую, характерную для законодательной модели прямого умысла. Описание объективной стороны преступления в ч. 1 ст. 233 УК закрепляет элемент субъективного вменения. Для того чтобы это несоответствие было устранено, необходимо в качестве последствия в этом составе назвать иное явление, порожденное поведением такого предпринимателя, которое воспринималось бы как общественно опасный вред охраняемым правам и интересам граждан, общества или государства. Например, если это деяние причинило ущерб в крупном размере гражданам, организациям или государству.

4. С учетом требования этого принципа необходимо, чтобы в неосторожных составах преступлений объективные признаки посягательства описывались в законе таким образом, чтобы психическое отношение субъекта деяния соответствовало законодательной модели неосторожной формы вины. Используем это положение в качестве шаблона для проверки полноты реализации этого правового предписания в конструкции какого-либо состава преступления, например, в ст. 349 УК (Несанкционированный доступ к компьютерной информации).

В ч. 3 ст. 349 УК устанавливается повышенная ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1 этой статьи, повлекшее по неосторожности крушение, аварию, катастрофу, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей действительности или иные тяжкие последствия. Трудно представить себе, что в подобной ситуации лицо, не обладающее специальными знаниями и осуществляющее, например, несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, может предвидеть такого рода последствия. Описание последствий в этом составе преступлений не может отражать социально-психологическую составляющую, характерную для законодательной модели легкомыслия и небрежности (ст. 23 УК). Описание объективной стороны преступления в ч. 3 ст. 349 УК закрепляет элемент объективного вменения.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Гучок А.Е.

Основными направлениями применения метода моделирования в криминалистике являются построение информационных моделей преступления и деятельность по его расследованию.

Можно выделить несколько учений, которые предлагаются в качестве теоретических основ моделирования преступных событий. К числу наиболее известных относится учение о криминалистической характеристике преступления. Степень его признания и востребованности, особенно на практике, может быть оценена исходя из того, что из почти 350 составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК, криминалистические характеристики разработаны не более чем для их полутора десятков. Причем из года в год ведется совершенствование почему-то одних и тех же криминалистических характеристик преступления, как правило, в сторону их усложнения. На этом фоне не удивительной видится парадоксальность ситуации, суть которой состоит в том, что научно-практический комментарий к Уголовному кодексу или учебное пособие по особенной части уголовного права порой дают для криминалистов больше необходимой для развертывания процесса расследования преступления информации, нежели некоторые из разработанных криминалистических характеристик преступления.

Не менее проблематичная ситуация сложилась и относительно второй составляющей объекта криминалистической науки – деятельности по расследованию преступлений. Так, в настоящее время в криминалистике суть и содержание деятельности по расследованию преступлений раскрывается посредством изложения методик расследования отдельных видов преступлений, разработки алгоритмов и программ расследования, технологий и моделей расследования. Причем, аналогично ситуации с распространенностью крими-

научно-методических характеристик преступления, реально применимые по отдельным направлениям криминалистической деятельности методики расследования разработаны для тех же не более чем 15 составов преступлений. Обратим внимание на то, что это менее пяти процентов от условно требуемого объема научных криминалистических методик. В целом же нетрудно предположить, что при условии дальнейшего развития криминалистики на основе преобладающих сегодня подходов полное методическое обеспечение предварительного расследования со стороны криминалистической науки будет достигнуто при таких темпах (5 % за 100 лет) примерно через две тысячи лет.

Относительно расследования преступлений, по которым методики его производства не разработаны, практическими работниками вопрос решается, в основном, на уровне ранее полученных знаний об основах человеческой деятельности и наработанного собственного опыта и опыта своих коллег. «Проблема – гипотеза – теория» - это наиболее важная познавательная формула, которая составляет теоретическую базу деятельности и интерпретируется к нуждам расследования без всяких пособий.

Кроме того, следует обратить внимание и на такие особенности современных методик, как их безграничная необоснованная абстрактность, вследствие которой неизбежно ограничивается их практическая применимость. Неудивительно то, что такие методики остаются востребованными, в основном, в учебном процессе. Например, ценность методики расследования убийств, изложенной на 20 страницах текста, исходя из широты спектра такого рода деяний (ст.ст. 139, 140, 141, 142, 143, 362 УК с учетом особенностей, связанных с инсценировками, обнаружением неопознанных трупов или их частей, исчезновением человека и многих других), вызывает серьезные сомнения.

Аналогичные проблемы имеют место и в части использования практическими работниками знаний из раздела криминалистической тактики. Опыт безальтернативного использования УПК в работе следователей при подготовке и проведении отдельных следственных действий по своей востребованности, даже не будучи комментированным, более распространен, чем использование тематической учебно-методической литературы по криминалистике.

Вряд ли является рациональным выход из сложившейся ситуации путем привлечения в срочном порядке ученых и практиков для разработки более чем трехсот криминалистических характеристик преступлений и такого же количества методик по причине того, что даже детально разработанные методики, как уже указывалось выше, используются, в основном, в учебном процессе.

Это позволяет сделать предположение о необходимости наряду с доминирующими тенденциями развития криминалистики и существующими подходами применения метода моделирования искать пути и инструменты мышления, ориентирующие на построение информационных моделей объектов исследования на основе теоретических схем высокой степени обобщенности, обеспечивающих необходимое поле поиска и интерпретации криминалистически значимой информации.

Можно предположить, что такой теоретической схемой может являться система знаний, основанная на известных в философии и науковедении положениях, понятная для субъектов познавательной деятельности и эффективная в научной и практической деятельности. Упомянутая схема должна быть пригодна для ее использования любыми субъектами поисково-познавательной деятельности в криминалистике, как в практике расследования, так и в сфере научных изысканий. Ее основная функция – обозначение единого информационного пространства, единой «системы координат» и единых отправных точек исследования в научно-познавательном поле криминалистики, характеризующемся широким спектром знаний, требуемых для решения ее задач. Иными словами, знания, сконцентрированные в такой схеме, должны обладать свойством преемственности и адаптивности к решению любых задач криминалистики, стоящих перед криминалистами-юристами, криминалистами-химиками, криминалистами-физиками, криминалистами-автотехниками и многими другими.

Мы полагаем, что выход здесь надо искать по аналогии с разрешенной проблемой, которая периодически возникает в процессе смены теорий любой из научных отраслей. Это проблема преемственности базовых знаний – онтологических моделей, теоретических схем, исследовательских программ и т. п., регулирующих научно-исследовательскую деятельность.

В современной теории познания под онтологией понимаются узловые положения отраслевых наук, взятые в абстрактно-всеобщей форме, выраженные в виде философских представлений и понятий. В этом значении онтология отражает взаимосвязь философского и конкретно-научного подходов, реализуя функции философии в сфере научного познания.

В составе конкретных наук онтология выполняет роль специально построенного познавательного средства, при помощи которого исследователь рассматривает соответствующую часть социального бытия, выраженную в системе философских представлений и категорий.

С учетом специфики объекта и предмета, методологии и задач криминалистической науки полагаем, что единственным базовым универсальным познавательным средством криминалистической науки может рассматриваться онтологическая модель.

Представляется, что онтологические модели преступления и деятельности по их расследованию не могут трактоваться двусмысленно или стать объектами очередной научной дискуссии. Как базовое знание онтологические модели криминалистики формируются исходя из философских представлений о различных видах социальной (антисоциальной) деятельности и составляют структурную основу той самой теоретико-методологической конструкции, именуемой «парадигма». Это как раз и есть исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения применительно к любому составу преступления, как в научной деятельности, так и в практике расследования преступлений.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СЛУЖБ ИНСТРУМЕНТОМ ОБЩЕТЕХНИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Гучок А.Е., Солтанович А.В.

Проблемы технической оснащенности криминалистов, проводящих следственные действия в полевых условиях, до настоящего времени не теряют своей актуальности. Можно предположить, что наиболее перспективным направлением ее решения является совершенствование всей системы технико-криминалистического обеспечения предварительного следствия.

Содержание технико-криминалистического обеспечения состоит в осуществлении деятельности по созданию новых и модернизации имеющихся технико-криминалистических средств и методов криминалистической техники, совершенствованию правового регулирования применения криминалистической техники, а также организационных, научно-методических и учебно-методических основ в целях повышения эффективности предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Широта поля технико-криминалистического обеспечения как специфической научно-технической деятельности очевидна. Очевидно и то, что создание новых и модернизация имеющихся технико-криминалистических средств и методов криминалистической техники есть деятельность весьма затратная по времени и ресурсам, порой не приносящая немедленных результатов. Тем не менее, вопрос о необходимости ее развития обсуждению не подлежит ввиду интенсивной технизации общества, возрастания роли научно-технических средств в обеспечении эффективного функционирования технологий поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе.

Однако бесспорно и то, что значительная часть вопросов технико-криминалистического обеспечения криминалистов, работающих в полевых условиях, может быть решена на организационном уровне.

Это способно в значительной степени повысить эффективность технико-криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений на любом из двух обозначенных А. Ф. Волынским уровней: первый – создание условий постоянной готовности субъектов раскрытия и расследования преступлений к применению криминалистической техники; второй – реализация этой готовности в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений.

При этом следует не упускать из внимания, что криминалистическая техника как составляющая системы технико-криминалистического обеспечения должна рассматриваться, в первую очередь, не как некая научная абстракция, а в буквальном ее смысле – совокупность приборов, устройств, инструментов, материалов и др.

На самом общем уровне технические средства, используемые в криминалистике, могут быть разделены на собственно криминалистическую техни-

ку и технику, заимствованную из разных отраслей человеческой деятельности, значительную часть которой составляет инструмент общетехнического назначения.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что в процессе проведения таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск на участках местности, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, нередко используются инструменты общетехнического назначения. При этом изучение материалов уголовных дел, видеозаписей следственных действий и интервьюирование следователей показывает, что в распоряжении участников таких следственных действий необходимый инструмент бывает далеко не всегда. Существуют проблемы и с укомплектованностью расходными, в частности, упаковочными материалами. Это чаще всего связано с относительной громоздкостью такого инструмента и его немалым весом, а также отсутствием должной организации в части централизованного оснащения всех транспортных средств следственных и криминалистических подразделений комплектами инструментов именно общетехнического назначения, а также некоторых расходных материалов.

Представляется, что все автомобили, закрепленные за названными подразделениями (передвижными криминалистическими лабораториями), должны быть укомплектованы следующим набором инструментов и материалов: лопата штыковая, лопата совковая, совок металлический, грабли, ножовка по дереву, ножовка по металлу, топор, молоток, стамеска, полиэтиленовые пакеты различного объема, бумажные пакеты, конверты, пустые пластиковые бутылки различного объема, фольга, картон, гипс, вода для изготовления гипсовых слепков, скотч, веревка, резиновые перчатки и др.

Такие комплекты должны иметь соответствующую опись, обеспечивающую сохранность инструментов и контроль расходования материалов.

Это позволяет сделать работу участников проводимых следственных действий более мобильной и качественной и освободить значительные объемы полезного пространства в универсальных криминалистических комплектах (следственных чемоданах), за счет чего повысить качество их комплектации специальными криминалистическими средствами.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Данилевич А.А.

1. Относительно критериев оценки эффективности прокурорского надзора за законностью возбуждения и отказа в возбуждении уголовных дел в литературе высказаны различные точки зрения. Одни предлагают определять ее по количеству выявленных нарушений. Другие считают основополагаю-

ним результат прокурорского реагирования на выявление нарушения. Третьи объединяют эти два критерия.

На наш взгляд, критерием эффективности прокурорского надзора за соблюдением закона в стадии возбуждения уголовного дела, равно как и в других стадиях уголовного процесса, следует считать своевременность и полноту выявления нарушений закона, принятие надлежащих мер по их устранению и предупреждению, а также, что очень важно, насколько улучшилось после того положение дел.

2. Среди обстоятельств, снижающих предупредительное воздействие прокурорского реагирования на недостатки в деятельности органов дознания и предварительного следствия по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, следует, прежде всего, назвать принижение ответственности должностных лиц, допускающих нарушения законности в своей процессуальной деятельности. В ряде случаев не обеспечивается надлежащее выполнение требований ст. 40 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь». По смыслу данной статьи вопрос об ответственности виновных должен рассматриваться во всех случаях обнаружения нарушений закона. Однако на практике многие прокуроры, отменяя, например, незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о возбуждении дела, не только не принимают мер к наказанию лица, вынесшего такое постановление, но даже не требуют от него объяснений.

3. Не способствует повышению эффективности надзора и такая практика прокуроров, как неоднократное внесение представлений по поводу одних и тех же нарушений закона тем руководителям органов дознания и предварительного следствия, которые сами, в сущности, повинны в указанных нарушениях. Представления об устранении причин повторяющихся нарушений закона необходимо адресовать вышестоящей инстанции органа дознания и предварительного следствия и ставить при этом вопрос о личной ответственности таких руководителей.

4. Повышению эффективности прокурорского надзора в укреплении законности в стадии возбуждения уголовного дела в определенной степени могло бы способствовать изменение критериев оценки работы органов дознания и совершенствование системы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. В настоящее время работа органов внутренних дел по борьбе с преступностью оценивается не столько по количеству выявленных, предотвращенных и пресеченных преступлений, сколько по уровню преступности и уровню раскрываемости преступлений на соответствующей территории. Уменьшение числа зарегистрированных преступлений расценивается, по сути, как основной показатель работы, тогда как все другие показатели отходят на второй план. А если вместе с сокращением преступности еще и повысился процент раскрываемости преступлений, то это рассматривается как несомненный успех.

Такой подход к оценке работы органов внутренних дел заранее порождает заинтересованность в сокрытии от учета преступлений, особенно когда

не установлены совершившие их лица, не говоря уже о том, что он отнюдь не стимулирует выполнение важнейшей задачи органов дознания по выявлению и пресечению латентной преступности.

5. Для обеспечения полноты регистрации и учета поступающих в органы внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях необходимо исключить влияние на эту деятельность должностных лиц, заинтересованных в улучшении статистических показателей о состоянии преступности и раскрываемости преступлений. Кроме того, важно шире знакомить население с порядком принятия и рассмотрения в органах внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях. Их юридическая осведомленность могла бы служить дополнительной гарантией соблюдения закона. Однако при любых обстоятельствах решающим условием предупредительного воздействия прокурорской деятельности, повышения ее эффективности было, есть и останется своевременное выявление нарушений закона, решительное их устранение и пресечение, принципиальное решение вопросов о персональной ответственности нарушителей закона и лиц, которые им потворствуют.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Данилюк С.Е.

1. В настоящее время в юридической науке общепризнанным считается мнение, согласно которому на развитие уголовного права наибольшее влияние оказали следующие основные школы (направления, теории): просветительно-гуманистическое направление, классическая и антрополого-социологическая (или позитивистская) школы. К этому перечню некоторые авторы также добавляют теорию новой социальной защиты.

Особую позицию по данному вопросу занимает российский ученый Н.Г. Иванов, который считает, что первоначально уголовное право было религиозным, поэтому есть все основания, по его мнению, выделить это направление в отдельную группу. Кроме того, автор предлагает включить в перечень уголовно-правовых воззрений естественное право, которое «является важнейшим идейным течением со времени античности и до наших дней». В окончательном виде система уголовно-правовых направлений, по его представлению, должна выглядеть следующим образом: религиозно-правовые воззрения или клерикальная система права, естественное право, классическое, социологическое и антропологическое направления.

2. Анализ уголовного законодательства в историческом разрезе показывает, что в своем развитии оно прошло несколько стадий, начиная с довольно примитивных религиозно-правовых регуляторов человеческого поведения, базирующихся на принципах талиона, постепенно усложняясь и обогащаясь пе-

редовыми идеями своего времени, и в настоящий момент представляет собой ответственную систему правовых норм, вобравших в себя достижения многих наук и рекомендации правоприменительной практики. Сегодня уже не существует в чистом виде вышеупомянутых школ, хотя каждая из них, безусловно, оставила свой заметный след и повлияла в разной степени на формирование как отдельных категорий, так и целых институтов уголовного права.

Можно утверждать, что произошла своего рода конвергенция различных направлений (доктрин, учений и т. п.), каждая из которых существенно обогатила науку и отрасль уголовного права. В этом смысле следует согласиться с профессором А.В. Наумовым о том, что «современное уголовное законодательство не может быть построено на идеях какой-либо одной школы».

Вместе с тем очевидно, что ведущей мировой тенденцией последнего столетия стал отказ от таких традиционных целей наказания, как месть, устрашение, возмездие, воздаяние и т. п., и расширение диапазона более гуманных средств карательно-исправительного и воспитательного воздействия на преступника. Кроме того, произошло смещение акцентов с оценки тяжести содеянного на определение степени опасности личности правонарушителя. В целом такой подход ориентирован, с одной стороны, на выработку, наряду с наказанием, так называемых мер социальной защиты (безопасности) населения, а с другой — на ресоциализацию преступника, т. е. приспособление его к условиям правомерной жизни в обществе.

Эти идеи, выдвинутые представителями позитивистских направлений исходя из криминологических реалий и постоянно меняющихся социально-экономических условий, доказали свою достаточно высокую эффективность во многих странах мира, в том числе в отечественном уголовном законодательстве. К их числу следует отнести такие уголовно-правовые институты, как условное осуждение и отсрочка исполнения наказания; условное (условно-досрочное) освобождение от наказания; принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним, и т. п.

К лицам, страдающим психическими расстройствами, совершившим общественно опасные деяния, стали широко применяться принудительные меры безопасности и лечения. В уголовном законодательстве появилось понятие уменьшенной (ограниченной) вменяемости, которая заняла промежуточное положение между вменяемостью и невменяемостью.

Под влиянием новой криминогенной ситуации и в результате проведенных теоретико-прикладных исследований дальнейшее развитие получили такие традиционные институты, глубоко разработанные классической школой, как соучастие (например, появились нормы об ответственности за организованную преступную деятельность), вина (психологическое понимание вины дополняется оценочными элементами; наряду с личной виновенной ответственностью в некоторых странах законодательно закреплена вина юридического лица) и т. п.

Однако следует признать, что ядром уголовного права, его базовыми категориями по-прежнему является триада классической школы: преступле-

ние, вина (как психическое отношение лица к содеянному) и наказание. Это своего рода тот несущий каркас, который определяет общий облик этой отрасли законодательства.

3. Таким образом, современная уголовная политика должна базироваться на плюрализме различных течений, направлений и достижений в сфере уголовного права, криминологии, социологии, психологии, генетики и других социальных и естественных наук.

На наш взгляд, магистральный путь развития уголовного права – дальнейшая дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. В связи с этим следует не только оптимизировать уголовную ответственность, но и активнее применять меры общественного воздействия, а также усиливать воспитательные средства при исполнении наказаний; более широко использовать поощрительные нормы, стимулирующие правомерное поведение; применять при конструировании некоторых уголовно-правовых норм административную преюдицию и т. п.

Представляется весьма плодотворным мнение академика Кудрявцева В.Н. о том, что в основе системы мер уголовной ответственности должно лежать четкое понимание того, какие наиболее важные ценности боится потерять потенциальный преступник: власть, деньги, карьеру (политическую, деловую, научную), авторитет, самоутверждение и др.

4. В соответствии с национальным законодательством основные цели уголовно-правового воздействия на преступника состоят в его исправлении (т. е. формирование у осужденного лица готовности вести правопослушный образ жизни), предупреждении совершения им новых преступлений и социальной адаптации (ст. 44 УК, ст.ст. 2, 7 УИК). Это означает, что меры уголовной ответственности в отношении осужденного лица должны быть в большей степени социально-ориентированными (а значит, и более гуманными), способствующими его скорейшей реинтеграции в общество полноценным членом, не озлобленным жестокими условиями содержания в изоляции и не испорченным негативным влиянием криминальной среды.

Для этого необходимо, чтобы любые ограничения прав осужденных, а также применяемые к ним меры принуждения отвечали принципам законности, обоснованности и разумной достаточности. Только в этом случае меры исправительного и воспитательного воздействия будут восприниматься как справедливые и не унижающие человеческое достоинство.

Кроме того, в местах лишения свободы необходимо создать все условия, соответствующие международно-правовым стандартам в сфере исполнения наказаний, обеспечить профессиональное обучение осужденных, принять необходимые меры для повышения их образовательного и культурного уровня.

Следует также шире использовать огромный потенциал гармонизирующего воздействия на общественные отношения традиционных религиозных конфессий в нашей стране. Священнослужители могут и должны сыграть значительную роль в деле нравственного воспитания и духовного просвеще-

ния населения, особенно молодого поколения, благотворно влияя на социально-политические процессы в обществе, в том числе на снижение уровня правонарушений.

Мудрая и взвешенная позиция церкви к проблемам преступности и наказания (включая и пастырско-наставническое служение в местах лишения свободы), несомненно, способствует процессу исправления осужденных, их нравственному очищению, приобретению полезных навыков, проявлению трудолюбия и формированию законопослушного поведения.

Всячески заслуживает поддержки и российский опыт по привлечению Русской православной церкви к предварительной экспертизе законов социальной направленности.

5. Надежная охрана общества от криминальных явлений предполагает не только наказание преступника, но и защиту потерпевших от преступных посягательств, в первую очередь, своевременную компенсацию причиненного ущерба (вреда). В связи с этим заслуживает внимания положение Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, предусматривающее создание за счет средств, поступивших от уплаты социальной компенсации, специального фонда для возмещения причиненного преступлениями ущерба (вреда). Очень хотелось бы, чтобы эта плодотворная идея наконец-то получила реализацию, учитывая, что разработка Закона Республики Беларусь «О правовом статусе жертв преступной деятельности», предусмотренная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20.01.2006 № 74 «О Концепции защиты жертв преступной деятельности», до сих пор не выполнена.

6. На наш взгляд, назрела необходимость по-новому переосмыслить многие устоявшиеся стереотипы и критически оценить коэффициент результативности правоприменительной практики с учетом передового мирового опыта противодействия криминальным процессам.

Например, касаясь проблемы злостных преступников, необходимо пристально присмотреться к оправдавшей себя зарубежной практике пролонгирования для этих лиц сроков лишения свободы в зависимости от степени их исправления. Эти меры можно было бы применить к неоднократно судимым лицам, имеющим стойкую антисоциальную ориентацию, а также лидерам преступной среды, исповедующим криминальную субкультуру (носителей так называемых «воровских» традиций и т. п.).

Однако следует особо подчеркнуть, что такие меры должны применяться не вместо наказания, опирающегося на традиционные основания уголовной ответственности (что было бы чревато возвращением к одиозной доктрине «опасного состояния личности»), а наряду с ним и в дополнение к нему с учетом объективной характеристики личности виновного, в том числе его отношения к содеянному; действий, направленных на заглаживание причиненного вреда; посткриминального поведения, включая период исполнения наказания. Разумеется, при этом следует создать надежный и легитимный ме-

ханизм реализации данной меры социальной защиты, применяемой судом по предложению администрации пенитенциарного учреждения, согласованного с независимой общественной наблюдательной комиссией.

Выдвигая в качестве современной стратегии борьбы с преступностью широкое применение различных мер уголовно-правового воздействия, следует исходить из незыблемости гарантированных Конституцией Республики Беларусь прав и свобод граждан. В соответствии со ст. 23 Основного Закона нашей страны их ограничение допустимо лишь в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. При этом такие правоограничительные меры возможны, если они основываются на законе, отвечают требованиям социальной справедливости, служат достижению конституционно значимых целей, являются необходимыми и соразмерными этим целям, не посягают на само существо права и не ведут к утрате его основного содержания.

7. Законодательство, в том числе криминального блока, должно идти в ногу со временем. Уголовная политика только тогда сможет быть по-настоящему эффективной, если она сумеет преодолеть разобщенность между науками, изучающими преступность во всех ее проявлениях (включая личность правонарушителя), интегрировав все накопленные результаты исследований в единый информационный комплекс.

Только на основе творческого и всестороннего осмысления всего массива полученных теоретических и эмпирических знаний можно разработать новые адекватные меры противодействия преступности, соответствующие насущным потребностям безопасной жизни современного общества.

МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ОБЪЕКТ ОСМОТРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Данько И.В.

Одним из основных способов собирания и проверки фактических данных, имеющих значение для установления обстоятельств совершенного уголовно-наказуемого деяния, является осмотр места происшествия. От эффективности и качества его производства нередко зависит судебная перспектива уголовного дела.

Ч. 2 ст. 173 УПК допускает проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела, подчеркивая его неотложный, срочный характер. В то же время законодатель прямо не разъясняет, что следует понимать под местом происшествия. Это вызывает определенные сложности в правоприменительной деятельности, создает условия для произвольного толкования данной категории и, как следствие, нарушений прав, законных интересов граждан и организаций. Отчасти это обусловлено чрезмерно широкой трактовкой анализируемого понятия, сложившейся в специальной литературе и

нятой на вооружение практикой. Так, С.Ф. Шумилин полагает, что местом происшествия является участок местности, жилище или иное помещение, в пределах которых обнаружены следы и объекты, свидетельствующие о совершенном преступлении (Руководство по расследованию преступлений: учеб. пособие. — М., 2002. — С. 365). Уточняя свою же дефиницию, он далее пишет: «местом происшествия следует считать любой локализованный участок пространства, где обнаружены следы, предметы и другие объекты, огно-сительно которых возникло предположение о том, что они появились в результате совершения преступления». С.А. Величкин называет местом происшествия «не только то место, где совершено преступление, но и то, где обнаружены различные следы, указывающие на его связь с преступлением. Обычно это место подготовки к преступлению, место сокрытия объектов преступного посягательства, орудий преступления и других вещественных доказательств» (Криминалистика: учеб. / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопу-лю. — СПб., 2001. — С. 467). Р.С. Белкин под местом происшествия понимает участок местности или помещения, где были обнаружены следы преступления, требующего расследования (Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. — М., 1997. — С. 117). «Поскольку само обнаружение следов события, требующего расследования, всегда является происшествием, — пишет Р.С. Белкин, — то и место обнаружения этих следов является местом происшествия» (Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. — М., 1997. — С. 52).

Приведенные высказывания, призванные восполнить законодательный пробел, по сути, включают в понятие «место происшествия» любые помещения, местность, транспортные средства и т. д., сохранившие следы преступления. Подобная интерпретация делает возможным проведение до возбуждения уголовного дела осмотра объектов, на самом деле не являющихся местом происшествия, но в которых могут находиться похищенные вещи, предметы, сохранившие на себе следы преступления, и др. В подтверждение можно привести пример, когда оперуполномоченный ОВД одного из районов Минской области расценил место нахождения похищенного мобильного телефона в жилище лица, причастность которого к совершению кражи установлена не была, местом происшествия, осмотрел его и изъяс предмет преступного посягательства.

Расплывчатость и пространность научных формулировок привели к тому, что правоприменители стали поднимать вопрос о наделении статусом «место происшествия» служебного кабинета, в котором осуществляется представление предметов и документов, имеющих значение для производства по материалам и уголовным делам.

На наш взгляд, это нельзя признать правильным. Недопустимость такого подхода отмечается В.М. Логвиным и Ю.А. Матвейчевым, поскольку по их мнению «позволяет любой вид осмотра «подогнать» под осмотр места происшествия и осуществлять его до возбуждения уголовного дела. Более того, под видом осмотра места происшествия проводить обыски (причем тоже до

возбуждения уголовного дела)» (Логвин В.М., Матвейчев Ю.А. Некоторые процессуальные вопросы осмотра места происшествия // Судебный вестник. 2008. — № 1. — С. 68). Развивая эту мысль, указанные авторы полагают, что «полученные в ходе таких осмотров «мест происшествий» доказательства согласно ч. 4 ст. 105 УПК должны признаваться недопустимыми, т. е. полученными с нарушением требований закона, и, соответственно, они не могут быть положены в основу обвинения, использоваться для доказывания обстоятельств расследуемого преступления».

Концептуально поддерживая данный тезис, мы все же не можем обойти вниманием вопрос, о каких нарушениях закона говорят В.М. Логвин и Ю.А. Матвейчев, ведь по их же словам УПК не содержит разъяснения анализируемого термина. Аргументируя свою точку зрения, они приводят позицию А.П. Рыжакова (изложенную им в работе «Основания и виды следственного действия, именуемого законодателем «осмотр»»), который под местом происшествия понимает «место, где имели место событие или составная часть события преступления (общественно опасного деяния), а также место обнаружения общественно опасных последствий такового». Очевидно, мнение ученого, пусть даже столь уважаемого, как А.П. Рыжаков, не должно подменять норм закона. К тому же его дефиниция также не является идеальной, ведь, например, общественно опасные последствия при причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, могут наступить в больничной палате, которую вряд ли назовешь местом происшествия.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет высказать мысль о том, что рассматриваемой категорией с полной уверенностью можно считать место совершения деяния, возможно содержащего признаки уголовно-наказуемого. Это вытекает из редакции ч. 7 ст. 204 УПК, отделяющей место происшествия от места нахождения орудий преступления, других предметов со следами преступления, а также веществ и предметов, за хранение которых предусмотрена уголовная ответственность. Пространство, в котором не осуществлялись деяния, образующие объективную сторону состава преступления, по смыслу закона местом происшествия не является. Поэтому, если у органа уголовного преследования есть данные о том, что где-то могут быть обнаружены следы преступления, но там непосредственно не совершалось уголовно-наказуемое деяние, должен проводиться осмотр не места происшествия, а, например, участка местности, помещения, законного владения.

Схожий подход к пониманию места происшествия демонстрируется в КоАП, ч. 4 ст. 18.17, которого предусматривает ответственность за оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является. Не вызывает сомнений, что это место, где, скажем, произошло столкновение транспортных средств или наезд автомобиля на пешехода, а не гараж, в котором находится машина скрывшегося водителя.

Справедливости ради надо отметить, что ч. 7 ст. 204 УПК тоже не безупречна, ведь место нахождения веществ и предметов, за хранение которых

предусмотрена уголовная ответственность, безусловно, является местом происшествия, так как это та территория, где совершено деяние, образующее объективную сторону состава преступления.

Таким образом, географически место происшествия в УПК фактически отождествляется с местом совершения преступления. Однако нельзя не заметить терминологическую разницу этих категорий. Термин «место происшествия» характеризуется большой обобщенностью и включает не только место возможного преступления, но и административного проступка, общественно опасного деяния невиняемого, либо действий, которые вообще не связаны с несоблюдением норм права. Приступая к осмотру, орган уголовного преследования, как правило, не обладает достаточной информацией о наличии признаков преступления, и только после юридической оценки деяния как уголовно-наказуемого можно сделать вывод о том, что место происшествия являлось одновременно местом совершения преступления.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЖЕПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Денисюк М.Е.

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 234 УК (лжепредпринимательство), имеет ярко выраженные недостатки. Самый главный из них — это отнесение его законодателем к числу материальных составов, т. е. таких, наличие преступления по которым связывается с наступлением определенных последствий.

Предусмотренный в ст. 234 УК ущерб должен причинно вытекать из деяния, а именно создания фиктивной структуры. Однако само оно не может влечь причинение какого-либо ущерба. Последний причиняется той деятельностью, которую виновный прикрывает созданием лжеструктуры. Поэтому между ее созданием и наступившими последствиями существует не причинная, а функциональная связь. Причинная связь должна быть установлена между деятельностью лжепредпринимателя и ущербом. Поскольку функциональная связь — понятие широкое и неопределенное, то введение его в уголовный закон представляется нецелесообразным.

При этом один и тот же ущерб рассматривается в качестве последствий двух преступлений (лжепредпринимательства и того, для совершения которого создается лжепредпринимательская структура), что противоречит принципам законности и справедливости.

В случае отсутствия на момент проверки лжеструктур документов финансово-хозяйственной деятельности размер причиненного ущерба подлежит определению на основании сведений о движении денежных средств по счетам в банке и (или) сведений о плательщике (ином обязанном лице), полученных от других государственных органов, юридических и физических лиц, либо

расчетным методом на основании сведений о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, осуществляющих аналогичные виды деятельности (п. 2 ст. 81 Налогового кодекса Республики Беларусь и др.). При таких подходах размер ущерба будет определен необъективно, в связи с чем его причинение не может выступить признаком объективной стороны рассматриваемого преступления и влечь наказание «лжепредпринимателей».

Также не является наказуемым приобретение в любой форме уже созданной организации, использование для целей, указанных в диспозиции статьи, организации, находящейся в процедуре банкротства, а также совершение фиктивных сделок от имени юридического лица, созданного для осуществления предпринимательской деятельности и ранее совершавшего легальные сделки.

Обязательным факультативным признаком субъективной стороны преступления является специальная корыстная цель, выраженная в одной из названных законодателем форм (получение ссуд, кредитов и др.), и данная цель может быть достигнута только при прямом умысле. Такая конструкция состава преступления приводит к практической невозможности привлечения лица к ответственности непосредственно после создания лжеструктуры, так как в этой ситуации преступная цель и желание причинить ущерб могут быть установлены только признанием самого виновного, что практически нереально и не служит надежным доказательством, а размер ущерба в подавляющем большинстве случаев не может быть определен вообще.

Кроме того, даже и после причинения ущерба привлечь лицо к ответственности крайне сложно. Сопряженная с причинением ущерба деятельность от имени лжеструктуры, как правило, осуществляется не учредителем юридического лица или индивидуальным предпринимателем, а руководителем юридического лица либо третьими лицами. Возникает проблема доказывания субъективной стороны преступления: учредителя – в отношении осуществления деятельности и причинения ущерба; лиц, осуществлявших деятельность, – в отношении создания лжеструктуры. Лжепредприниматель действительно может заблуждаться относительно истинных целей дальнейшего использования третьими лицами созданного им субъекта хозяйствования, или относиться с безразличием к возможным негативным последствиям такого использования, или категорически отрицать свой прямой умысел.

В свою очередь, лица, осуществлявшие противоправную деятельность с использованием реквизитов, документов, печати и расчетного счета созданной лжеструктуры, либо в действительности не осведомлены о происхождении такой структуры, либо отрицают свою осведомленность о том, что такая структура создана конкретно для передачи им в целях ее дальнейшего противоправного использования. Кроме того, совершение такими субъектами хотя бы разовых правомерных сделок делает их привлечение к ответственности по ст. 234 УК практически невозможным.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства об уголовной ответственности за лжепредпринимательство. Возможны несколько вариантов.

Первый вариант: исключение ст. 234 из УК. При этом в качестве подвариантов возможны: 1) при условии рассмотрения лжепредпринимательства как способа совершения других преступлений – включение в составы некоторых преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности квалифицирующего признака «с использованием созданной для этой цели лжепредпринимательской структуры»; 2) просто исключение ст. 234 из УК (по аналогии со вступившими в силу с 09.04.2010 изменениями в УК РФ).

Однако данный вариант, по нашему мнению, представляется неприемлемым, так как из сферы уголовно-правового преследования выпадет такое общественно опасное деяние, как само создание лжепредпринимательских структур. Уж если является преступлением подделка официального документа, то почему нельзя квалифицировать как преступление «подделку субъекта хозяйствования», т. е. лжепредпринимательство?

Второй, более предпочтительный вариант: изменение диспозиции состава лжепредпринимательства таким образом, чтобы он был не материальным, а формальным. Такая редакция нормы позволит ей стать реальным механизмом противодействия противоправным посягательствам на установленный порядок осуществления экономической деятельности. При этом также возможны подварианты:

- определение квалифицированного состава по аналогии с действующей редакцией, т. е. в качестве материального состава. Такой подход содержится в законопроекте, разработанном Генеральной прокуратурой Республики Беларусь. Но такая редакция нормы будет содержать все вышеописанные недостатки;

- конструирование субъективной стороны лжепредпринимательства через противоправные цели деяния с возможной их детализацией либо без таковой. Однако при этом останутся ненаказуемыми «лжепредприниматели», безразлично относящиеся к тому, каким образом будут использованы созданные или переданные ими третьим лицам субъекты хозяйствования;

- определение лжепредпринимательства как создание субъектов хозяйствования без намерения осуществлять предпринимательскую или уставную деятельность и (или) их «передача» другому лицу. Возможно, но излишне включение мотива: совершение деяния из корыстной или иной личной заинтересованности (для сравнения: корыстный мотив необязателен в составе преступления «подделка официального документа»). Такой подход представляется наиболее оптимальным. Деяние содержит достаточный уровень общественной опасности, позволяющий характеризовать его как преступление; диспозиция необходимо и достаточно определяет признаки объективной и субъективной сторон состава и предоставляет возможность их объективного установления и доказывания.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАДЗОРЕ ЗА СЛЕДСТВИЕМ

Джи Мейджун

В последние годы в Китае нарастало недовольство различных кругов в связи с выявлением все большего числа сфабрикованных уголовных дел. Поскольку существует тесная связь между пытками и подложными уголовными делами, прокуратура как орган, наделенный особой функцией по надзору за исполнением законодательства, должна уделять более пристальное внимание нарушениям закона при проведении следствия, особенно применению пыток при допросах. Кроме того, обвиняемые по всем сфабрикованным уголовным делам были арестованы с санкции прокуратуры. Следовательно, необходимо, чтобы прокуратура рассмотрела вопрос об усилении контроля при санкционировании ареста, запрашиваемого органами следствия. Поскольку многие ученые и эксперты уже не раз обсуждали вопрос выбора ценностей, различные процессуальные идеи и развернутые предложения по совершенствованию всех видов принудительных мер, в данной работе следует ограничиться рассмотрением только двух вопросов на примере громких дел: как более рационально применять арест и как снизить число случаев применения пыток путем внесения ряда изменений в законодательство о надзоре за следствием.

1. Шэ Сялинь (имя обвиняемого), житель деревни Хэчан городского уезда Яньмэнькоу городского округа Цзиншань провинции Хубэй, работал патрульным в службе общественной безопасности полицейского участка Мадянь, относящегося к бюро общественной безопасности Цзиншань. В 1994 году его судили за убийство жены и приговорили к 15 годам лишения свободы вместо смертной казни, для которой у суда городского округа Цзиншань не хватило доказательств. После того как он провел в тюрьме 11 лет, его жена вернулась в свою небольшую деревню. Потерпевшая по данному делу до сих пор жива. В 2005 году суд пересмотрел дело, обвиняемый был оправдан и получил государственную компенсацию в размере 700 тыс. китайских юаней (примерно 110 тыс. дол. США – примечание переводчика).

Второе дело расследовалось в отношении Чжао Цзохай. Господин Чжао занимается сельским хозяйством в деревне Джаолуо уезда Чжичэн городского округа Шанцю провинции Хэнань. В 1999 году пропал и долгое время не появлялся его друг Чжао Чжэньсянь. Цзохай был арестован по подозрению в убийстве своего друга и помещен под стражу по решению бюро общественной безопасности. 5 декабря 2002 г. суд промежуточной инстанции городского округа Шанцю признал Чжао виновным в совершении убийства и приговорил его к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года. Это решение было пересмотрено и оставлено в силе Высоким судом провинции Хэнань 13 февраля 2003 г. Однако 30 апреля 2010 г. потерпевший Чжао Чжэньсянь неожиданно вернулся домой. Не подлежит сомнению, что данное дело было сфабриковано. 8 мая 2010 г. Высоким суд Хэнань пересмотрел его и признал Чжао

Изохай невиновным. В итоге Чжао получил государственную компенсацию в размере 650 000 китайских юаней и субсидию за перенесенные тяготы.

Из приведенной справки видно, что два дела удивительно похожи: обоим обвиняемым вменялось убийство, жертвы преступлений возвратились в свои небольшие деревни по прошествии нескольких лет. Они до сих пор живы. Тем не менее в ходе следствия подозреваемые были арестованы бюро общественной безопасности с санкции прокуратуры. Затем по окончании следствия прокуратура передавала дело в суд, поддерживала обвинение, и суд признавал обвиняемых виновными в убийстве. Нельзя не задать вопрос: как такие сомнительные дела с легкостью прошли через столько инстанций с таким формализмом? «Несмотря на то, что полностью избежать ошибочных решений не удавалось ни одной системе юстиции ни в одной провинции, с повторением подобных трагедий правосудие мириться не может». Остановимся на рассмотрении и анализе ареста и пыток, выявленных в двух описанных делах, а также их причин и способах устранения законодательными методами.

2. Некоторые причины появления сфабрикованных уголовных дел.

1) Отсутствие надзора за применением меры принуждения в виде ареста.

В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Китайской Народной Республики, орган общественной безопасности, принявший решение об аресте, должен получить санкцию прокурора – это основной и наиболее эффективный способ контроля законности следственных действий и обоснованности применения ареста. Тем не менее в двух описанных выше случаях подозреваемые не совершали убийства и были невиновны. Оба подозреваемых были арестованы, а это означает, что прокуратура не выполнила до конца свою надзорную функцию. Главными причинами этого явились следующие.

Во-первых, следователи считают арест наиболее действенной мерой, которая удерживает подозреваемых от противодействия следствию. Поэтому они часто применяют арест, как только появляются доказательства совершения преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на фиксированный срок, не оценивая при этом, насколько оправданно в данном случае его применение. Во-вторых, обычно органы прокуратуры дают санкцию исходя из необходимости сотрудничества в целях совместной борьбы с преступностью, применяя на практике принцип «Наказания за преступление и преследования преступника». Поэтому логично, во-первых, что в подобных случаях большинство подозреваемых подвергаются аресту, а во-вторых, – что подозреваемые долгое время находятся под стражей.

2) Отсутствие возможностей для выявления незаконных действий в ходе расследования, в том числе пыток.

В известных сфабрикованных делах практически все подозреваемые подвергались пыткам в ходе следствия и дали признательные показания под давлением. Однако незаконные действия не были выявлены, пока не выяснилось, что дела сфабрикованы.

Вне всяких сомнений в истории каждого государства были периоды, когда признательные показания подозреваемых добывались путем причинения физических страданий или применения пыток, но с развитием общества правовые системы становились все более цивилизованным. В результате в законодательстве многих государств появились положения, запрещающие добывать признательные показания с помощью пыток, не в последнюю очередь из-за того, что уважение к правам человека и их защита являются показателями развитости государства и цивилизованности его уголовной юстиции. Кроме того, уровень защиты прав уязвимых лиц, таких как подозреваемые и подследственные, позволяет судить о защищенности граждан в государстве.

По этой причине китайское законодательство также запрещает применять пытки в ходе допроса для получения показаний или признания в совершении преступления. Более того, доказательства или признательные показания, полученные путем угроз, мошенничества, принуждения (помимо пыток), признаются недопустимыми. К сожалению, принуждение к даче признательных показаний по-прежнему остается одной из самых острых проблем юстиции, победить которую так же сложно, как и раковую опухоль: она разрастается вновь после того, как ее удалили. В прошлом ряд ученых и должностных лиц уже давали различные объяснения распространенности вынужденных признаний. Так, был проведен социологический анализ терпимости к пыткам со стороны всех социальных слоев, а также указывалось на экономическую выгоду, поскольку пытки приносят результат при малых затратах. Объективно органам прокуратуры довольно сложно выявить незаконные действия, допущенные в ходе расследования. Возможно, в сложившейся ситуации самым эффективным было бы избавиться от старой болезни – пыток – путем принятия мер в судебном процессе, направленных на то, чтобы сделать допросы открытыми и прозрачными, поскольку цивилизация может развиваться только там, куда достают лучи солнца.

3. Изменение подходов и совершенствование законодательства.

1) Разработка подхода, при котором следствие подотчетно прокуратуре.

На практике под влиянием китайской традиции и культуры органы следствия всегда обладали большой властью. Есть яркая метафора, которая описывает отношения между тремя органами, участвующими в судопроизводстве: следствие – это повар, прокуратура – официант, а суд – это тот, кто ест блюдо. Таким образом, что бы повар ни приготовил, официант вынужден отнести блюдо потребителю, а потребитель – съесть это блюдо. Вот почему через органы следствия, прокуратуры и суды проходит так много сфабрикованных дел. Следовательно, необходимо изменить систему, при которой следствие занимает главенствующее положение, и сделать ее более рациональной: обеспечить подотчетность следствия прокуратуре и независимость суда.

2) Разделение процедур ареста и заключения под стражу.

В настоящее время много проблем связано со сроком ареста и ненадлежащим надзором за следствием со стороны прокуратуры. Предметный анализ позволяет сделать вывод о том, что указанные проблемы в основном вызваны

не самим институтом ареста, а отсутствием процедуры, разработанной системой. На практике, если подозреваемый однажды был задержан, он будет оставаться под стражей до самого окончания судебного разбирательства. Законность его заключения под стражу не будет проверена ни одним из органов. По этой причине некоторые серьезные проблемы, такие как неоправданно длительное содержание под стражей, не удавалось решить так долго. Таким образом, если говорить о реформировании системы, для более эффективного применения ареста на стадии расследования необходимо законодательно закрепить разделение процедур ареста и заключения под стражу. После ареста подозреваемого следует периодически пересматривать вопрос о необходимости его содержания под стражей. Представляется, что пересмотр должен осуществляться прокуратурой, поскольку именно она санкционирует арест. Такой порядок поможет сэкономить ресурсы юстиции.

3) Внедрение практики допроса подозреваемого при санкционировании ареста.

Поскольку перед принятием решения о заключении под стражу и после санкционирования ареста прокуратурой не проводятся слушания, подозреваемый лишается свободы. Для того, чтобы предоставить подозреваемому возможность защитить себя, необходимо установить практику допроса подозреваемого при принятии решения о даче санкции на арест, вместо того чтобы давать санкцию на основе изучения документов, особенно по делам о серьезных преступлениях. В ходе допроса подозреваемый получит возможность сообщить прокурору о том, что происходило во время расследования, прокурор будет иметь полное представление о ситуации и сможет выяснить, применялись ли пытки по отношению к подозреваемому. После этого прокурору будет легче принять правильное решение о том, передавать дело в суд или нет.

4) Внедрение практики видеозаписи допросов в ходе следствия.

Для того чтобы обеспечить прозрачность и честность допросов, а также не позволить сотрудникам полиции работать в режиме секретности, способствующей принуждению подозреваемого к даче показаний путем применения пыток, мошенничества или давления, наиболее эффективным будет внедрение видео- и аудиозаписи допросов в ходе следствия. Такая практика была принята прокуратурой при допросе лиц, совершивших должностные преступления. С одной стороны, это поможет защитить права человека путем предотвращения и сокращения числа признаний под давлением, а с другой – права и честь следователя в случаях, когда подозреваемый жалуется на пытки, которые на самом деле к нему не применялись. Таким образом, в ходе реформирования уголовно-процессуального законодательства в Китае была предпринята попытка найти золотую середину между необходимостью борьбы с преступностью и защиты прав подозреваемого путем совершенствования законодательства и практики его применения.

К ВОПРОСУ О НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Емельянов С.Л.

Допустимость – одно из важнейших свойств (признаков) доказательств. В соответствии с ч. 3 ст. 105 УПК допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном УПК порядке и из предусмотренных законом источников. Таким образом, под рассматриваемым свойством следует понимать пригодность доказательств по форме, что означает соблюдение при работе с ними всех формальных требований, как правило, прямо предусмотренных законом.

Исходя из содержания ч. 3 ст. 105 УПК, могут быть выделены следующие слагаемые допустимости: 1) законность источника доказательств; 2) законность способа и порядка получения (собираения) доказательств; 3) надлежащий субъект получения (собираения) доказательств.

Предъявляемые к форме доказательств требования составляют важные гарантии достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; обоснования принятых решений; сочетания требования изобличения и справедливого наказания виновных и охраны прав участников производства по материалам и уголовному делу. В этом заключается назначение процессуальной формы.

Доказательства признаются недопустимыми, если они получены с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований УПК, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса (ч. 4 ст. 105 УПК). Такие доказательства не имеют юридической силы и не могут являться основанием для привлечения в качестве обвиняемого и постановления приговора, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в ст. 89 УПК (ст. 27 Конституции, ч. 3 ст. 8 и ч. 5 ст. 105 УПК).

Как видим, Конституция и УПК устанавливают категорический запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона, и не предусматривают каких-либо исключений из данного правила. В то же время в юридической литературе и правоприменительной практике вопрос о том, любое ли нарушение закона неизбежно влечет невозможность использования соответствующих доказательств, решается неоднозначно.

Некоторые ученые полагают, что любое нарушение процессуальной формы, независимо от его характера, должно влечь исключение доказательства (Мухин И.И., Савицкий В.М.). Указанный подход реализуется в рамках концепции «беспощадного исключения доказательств», возводящей в абсолют положения названных выше норм Конституции и УПК.

Другая группа ученых занимает более взвешенную позицию, отвергает однозначную существенность, невосполнимость нарушений закона и выступает за возможность сохранения, реабилитации или восстановления доказа-

тельств (Кипнис Н.М., Орлов Ю.К.). При этом подходе процессуальные нарушения делятся на существенные и несущественные, исполняемые и неисполнимые. Необходимо подчеркнуть, что его сторонники солидарны в следующем: подобная дифференциация применима только тогда, когда речь идет о дефектах способа получения доказательств и процессуального оформления или только процессуального оформления.

На наш взгляд, именно второй подход должен возобладать в деятельности органов уголовной юстиции. Концепция «беспошадного исключения доказательств» имеет весьма существенный недостаток, несопоставимый по своим последствиям ни с одним из присущих ей достоинств. Он состоит в том, что процессуальная форма превращается в самоцель, неминуемо умаляя значение содержания доказательства. Тем самым назначение процессуальной формы оказывается разбалансированным.

Представляется, что можно выделить три группы нарушений процессуальной формы, опосредующих решение вопроса о допустимости и недопустимости доказательств: существенные, несущественные и иные.

Существенные нарушения – это нарушения, которые однозначно влекут признание доказательств недопустимыми. К несущественным относятся нарушения, которые не детерминируют признание доказательств таковыми.

К первой группе нужно относить: 1) нарушения, связанные с ограничением конституционных прав и свобод гражданина, а также прав участников уголовного процесса; 2) получение доказательства ненадлежащим субъектом; 3) получение доказательства из незаконного источника; 4) получение доказательства на основе иных доказательств, признанных недопустимыми (концепция «плодов отравленного дерева»); 5) нарушения прямых запретов УПК, относящихся к получению доказательства, или прямых указаний УПК по использованию конкретных видов доказательств. В частности, не могут служить доказательствами сведения, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности, а также если ему задавались наводящие вопросы. Недопустимыми будут признаны данные, полученные при одновременной проверке показаний на месте нескольких лиц. Причина смерти, характер и степень тяжести телесных повреждений могут устанавливаться только посредством производства экспертиз; 6) процедурные нарушения, влияющие на процесс формирования доказательства и влекущие (могушие повлечь) утрату или искажение собираемой информации (например, в производстве следственного действия участвовал специалист, не обладающий специальной квалификацией).

Ко второй группе необходимо относить процедурные нарушения, не затрагивающие самого познавательного процесса. Так, если свидетель был надлежащим образом допрошен, его показания были правильно закреплены в протоколе допроса, для оценки их допустимости не имеет никакого значения, была ли соблюдена процедура вызова свидетеля на допрос, хотя эта процедура достаточно четко урегулирована законом. Другой пример: нарушение, вызвавшееся в присутствии лица в возрасте до 16 лет в зале, где происходит

судебное следствие, является несущественным для получения доказательств и не приводит к признанию их недопустимыми.

Иная интерпретация существенных и несущественных процессуальных нарушений, допускающая более общий критерий данной классификации, — возможность влияния на достоверность получаемой информации, вряд ли уместна, поскольку в подобном случае неизбежно оперирование оценочными категориями, которые вызовут еще большую полемику.

Третья группа охватывает условно равнозначные, в одинаковой степени влияющие на допустимость доказательств нарушения, которые потенциально могут быть устранены («нейтрализованы», восполнены). Таким образом, существует реальная перспектива восстановления соответствующих «ущербных» доказательств. Однако, в силу объективных причин, положительный результат не всегда достижим.

В качестве примера устранения нарушения процессуальной формы можно привести допрос лица, участвовавшего в следственном действии в качестве понятого, направленный на выяснение причины отсутствия его подписи в протоколе данного следственного действия. Тем не менее в ряде случаев могут возникнуть непреодолимые препятствия для проведения указанного допроса (например, не удалось установить местонахождение понятого).

В заключении отметим, что следует подвергнуть критике такой способ устранения допущенного нарушения, как повторное проведение следственного (процессуального) действия. Этим способом дефектное доказательство не восстанавливается, оно по-прежнему остается недопустимым. В то же время повторное следственное (процессуальное) действие вполне может сохранить объем доказательственной базы, но, повторимся, не устранить допущенное нарушение.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РАМКАХ ДЕЙСТВУЮЩИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Жук М.Г.

Коррупция — это сложное явление, которое характеризуется корыстным использованием власти, возможностей или положения в обществе в личных интересах, обходя действующее законодательство. Являясь одной из острых проблем современности, коррупция представляет особую угрозу интересам экономической безопасности любого государства. Она ущемляет права и интересы граждан, подрывает их доверие к власти, дестабилизирует экономику, оказывает разрушительное влияние на демократию и правопорядок в стране. Особенностью преступлений коррупционной направленности является их высокая латентность. С момента обретения Республикой Беларусь независимости Президентом Республики Беларусь, руководством страны коррупция рассматривается как прямая угроза национальной безопасности, реализации бе-

лорусской экономической модели развития государства, поддержанию стабильности в стране.

В Республике Беларусь создана прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные и превентивные мероприятия, механизмы борьбы с коррупцией, методы устранения последствий коррупционных правонарушений, а также меры уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Основным документом, на базе которого разрабатывается антикоррупционная деятельность в нашей стране, является Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 20.07.2006 № 165-З (далее – Закон «О борьбе с коррупцией»). В рамках реализации требований Закона «О борьбе с коррупцией» для повышения результативности борьбы с коррупционными преступлениями совместным постановлением Прокуратуры Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 05.04.2007 № 17/94/11 утвержден перечень коррупционных преступлений. Наряду с Законом «О борьбе с коррупцией» в нашем государстве действуют и другие нормативно-правовые акты, направленные на противодействие коррупции: Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь от 04.01.2003 № 174-З «О декларировании физическими лицами доходов и имущества», Закон Республики Беларусь от 19.07.2000 № 426-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности» и Закон Республики Беларусь от 27.06.2007 № 244-З «О борьбе с организованной преступностью».

Кроме этого, в Республике Беларусь последовательно ратифицированы и выполняются требования таких основных международных актов по борьбе с коррупцией, как Конвенция Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию», подписанная в г. Страсбурге 27.01.1999; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, подписанная в г. Палермо 14.12.2000; Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, заключенная в г. Нью-Йорке 31.10.2003; Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, заключенная в г. Страсбурге 04.11.1999 (ратифицирована Республикой Беларусь в 2005 году).

В целом эти международные акты включают комплекс мер, направленных на борьбу с коррупцией, среди которых основными являются: криминологические исследования преступлений коррупционной направленности, их оценка, принятие эффективных мер по предупреждению коррупции; координация деятельности всех органов; выработка и реализация конкретных мер борьбы с коррупцией.

Очередным шагом на пути совершенствования борьбы с преступностью и коррупцией для всех государственных органов является принятие в Республике

Беларусь Государственной программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23.09.2010 № 485 «О Государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы». Мероприятия Государственной программы направлены на обеспечение эффективного функционирования и качественного совершенствования системы профилактики и противодействия преступности и коррупции; дальнейшее развитие правовой основы деятельности в сфере профилактики и противодействия преступности и коррупции; обеспечение скоординированной деятельности государственных и общественных структур в сфере профилактики и противодействия преступности и коррупции; формирование социально гармоничного уровня правосознания и правовой культуры общества как факторов поддержания законности и правопорядка со стороны населения; осуществление системного социально-правового контроля преступности и коррупции, в том числе в целях предотвращения резких негативных изменений их структуры, создающих угрозу национальной безопасности. Выполнение этих мероприятий позволит добиться снижения уровня преступности в целом и коррупционных преступлений в частности.

Кроме принятия вышеперечисленных нормативно-правовых актов в сфере обеспечения борьбы с коррупцией, Беларусь первой на постсоветском пространстве законодательно закрепила правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов законов. С этой целью был издан Указ Президента Республики Беларусь от 29.05.2007 № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь», которым утверждено Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь. Как видим, формирование и совершенствование системы антикоррупционного законодательства носит целостный и комплексный характер. Разработка мер по противодействию коррупции, прежде всего в целях устранения ее коренных причин и реализация таких мер в контексте обеспечения развития страны в целом, становятся настоятельной необходимостью, что требует, на наш взгляд, введения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов в Республике Беларусь. Антикоррупционная экспертиза правовых актов, их проектов является мерой предотвращения коррупции и должна быть самостоятельным и независимым видом экспертной деятельности. В ходе проведения экспертизы на коррупционность требуют анализа следующие факторы: наличие положений, дающих должностным лицам возможность широкого усмотрения при принятии административных решений или при совершении иных действий в пределах своих полномочий; отсутствие конкретизации сроков, порядка проведения процедур либо ссылка на регламентацию их определенным актом, отсутствие исчерпывающего перечня представляемых документов или необходимых действий, позволяющие должностным лицам определять их произвольно, по своему усмотрению; наличие положений, обуславливающих информационную закрытость органов исполнительной власти, отсутствие или снижение государственного либо общественного контроля за законностью и обос-

нованностью принимаемых должностным лицом или государственным органом решений; наличие положений, создающих необоснованно обременительные условия для реализации лицом или организацией своего права либо для исполнения своей обязанности; наличие положений, дающих возможность должностному лицу произвольно, по собственному усмотрению выбирать норму, подлежащую применению; использование неоднозначных или неустоявшихся понятий, формулировок, категорий оценочного характера, допускающих различное их толкование.

Следует отметить, что разработка и принятие государством антикоррупционных нормативно-правовых актов и программ не должны стать самоцелью в борьбе с этим явлением. Правовой механизм принесет результат лишь тогда, когда само государство в лице его руководителей осознает, что коррупцию за несколько лет не обуздать. Но идти целенаправленно шаг за шагом к этому необходимо, учитывая и международный опыт. Таким образом, проводимая целенаправленная работа по исполнению антикоррупционного законодательства приносит свои результаты, однако требует постоянного совершенствования.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ КАК АЛЬТЕРНАТИВА УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

Зайцева Л.Л.

В соответствии с п. 48 ст. 6 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) орган дознания, лицо, производящее дознание, следователь и прокурор осуществляют уголовное преследование в целях установления общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, совершившего его лица и обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности. В основе данной процессуальной деятельности лежат принципы законности и публичности. Их выражением является обязанность указанных органов возбуждать уголовное дело по каждому совершенному и подлежащему наказанию преступлению.

Альтернатива уголовному преследованию возникает тогда, когда для его осуществления в отношении соответствующего лица нет никаких формальных препятствий, но компетентные органы имеют право на иную реакцию на преступление. Данное право основано на так называемом принципе целесообразности, когда следователь или прокурор по своему усмотрению оценивают наличие или отсутствие публичного интереса в возбуждении уголовного преследования, действуя при этом в пределах своих дискреционных полномочий, предоставленных им УПК. Таким образом, принцип законности не нарушается тем, что в каждом конкретном случае компетентному органу необходимо определить, в чем заключается этот публичный интерес: воздержаться от затрат на уголовное преследование данного правонарушителя, кото-

рое не является тяжким, и сосредоточиться на расследовании наиболее опасных, сложных и замаскированных преступлений или продолжать погоню за показателями статистики – количеством дел, направленных в суд.

С учетом вышеизложенного к альтернативам уголовному преследованию в отечественном законодательстве можно отнести положения, содержащиеся в ст. 30 УПК и предусматривающие следующие варианты прекращения производства по делу с освобождением от уголовной ответственности:

- 1) в связи с применением мер административного взыскания (ст. 86 Уголовного Кодекса Республики Беларусь – далее УК);
- 2) в силу утраты деянием общественной опасности (ст. 87 УК);
- 3) в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК);
- 4) в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда) (ст. 88-1 УК);
- 5) в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК);
- 6) в связи с определенным поведением участника преступной организации или банды (ст. 20 УК);
- 7) в связи с передачей несовершеннолетнего под наблюдение (ст. 118 УК).

В соответствии с ч. 1 ст. 30 УПК данные решения может принять только суд, прокурор или следователь с согласия прокурора. Однако статистика показывает, что до последнего времени прокурор принимал их крайне редко. Так, если в 2010 году судами республики было прекращено производство в отношении 4 405 человек, то за этот же период прокурорами – в отношении 561 человека.

В Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 23 декабря 2010 г. № 672, предложено расширить практику освобождения лиц, совершивших преступления, которые не являются тяжкими, от уголовной ответственности в порядке ст. 30 УПК, в том числе посредством внесудебного урегулирования конфликтов. Во исполнение данных рекомендаций за 9 месяцев 2011 г. прокуроры прекратили производство по делу и освободили от уголовной ответственности уже 1 622 человека, а суды за 6 месяцев 2011 г. – 1 767 человек.

Самым распространенным на практике основанием для принятия такого решения является примирение с потерпевшим. В 2010–2011 годы по этой причине было прекращено производство по делу в отношении более половины всех лиц, освобожденных от уголовной ответственности в порядке ст. 30 УПК. Вместе с тем следует отметить, что обстоятельства, необходимые для применения ст. 89 УК, как правило, устанавливаются еще в ходе досудебного производства. В связи с этим имеются основания для более широкого применения ст. 89 УК прокурорами и следователями. Для этого им необходимо активнее разяснять обвиняемым и потерпевшим право на примирение и его юридические последствия, а также тщательнее проверять добровольность волеизъявления участников процесса при реализации этого права. Освобождение от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания за последние годы также резко возросло. Если в 2010 году

прокуроры приняли такое решение в отношении 64 человек, то за 9 месяцев 2011 г. уже в отношении 459 человек. В то же время более активное применение ст. 86 УК способствовало выявлению недостатков в правовом регулировании данной альтернативы уголовному преследованию. В частности, в УПК не определена процедура привлечения лица к административной ответственности после прекращения прокурором производства по уголовному делу, что вызывает определенные трудности при применении ст. 86 УК.

Так, некоторые прокуроры при прекращении производства по делу на основании ст. 86 УК своим постановлением привлекают лиц к административной ответственности с указанием вида взыскания и его размера. Между тем, прокурор, как известно, не является субъектом наложения административных взысканий. В других случаях постановление о прекращении производства по делу направляется прокурором в суд для решения вопроса о виде и размере административного взыскания. Однако в УПК не регламентирована деятельность суда в данной ситуации. Следует отметить, что в УПК БССР 1960 г. для этого имелась гл. 36, состоящая из шести статей и регламентирующая порядок применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности. Думается, что действующий УПК также нуждается в аналогичной главе.

Впрочем, существуют и противники такого решения. По их мнению, передача прокурором прекращенного дела в суд приведет к увеличению нагрузки на суды вместо того, чтобы способствовать ее сокращению путем внесудебного урегулирования конфликта. Ведь именно это является одной из целей применения альтернатив уголовному преследованию. Поэтому предложения о наделении прокурора правом самому налагать административные взыскания на лиц, освобожденных от уголовной ответственности, заслуживают внимания. Полагаем, что одним из компромиссных вариантов решения данного вопроса могло бы стать создание особой упрощенной формы судебного разбирательства по аналогии с рассмотрением дел ускоренного производства (ст.ст. 455–459 УПК).

Вместе с тем прокурорам и судьям следует более взвешенно подходить к применению норм ст. 30 УПК при освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, злоупотребляющих спиртными напитками и ведущих асоциальный образ жизни. Ведь прекращение производства по делу в порядке ст. 30 УПК — это право прокурора и суда, для реализации которого они должны установить наличие ряда обстоятельств, характеризующих совершенное деяние, его последствия, личность обвиняемого, его поведение после совершения преступления, что позволит сделать вывод о нецелесообразности привлечения его к уголовной ответственности. Такое решение, безусловно, должно быть мотивировано в постановлении о прекращении производства по делу и не порождать у обвиняемого чувства безнаказанности.

УВОЛЬНЕНИЕ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СВЯЗИ С УТРАТОЙ ДОВЕРИЯ

Изолитов А.С.

Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» введено новое основание увольнения с государственной и муниципальной службы – «в связи с утратой доверия». По данному основанию подлежат увольнению государственные и муниципальные служащие в случае:

- неприятия мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является;

- непредставления сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений;

- участия на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

- осуществления предпринимательской деятельности;

- вхождения в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.

Вышеуказанные изменения затрагивают следующие нормативные правовые акты:

- Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

- Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»;

- Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации;

- Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»;

- Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»;

- Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;

- Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Таким образом, вышеуказанные изменения затронут все виды государственной службы (гражданскую, военную и правоохранительную).

Вместе с тем нельзя сказать, что введение нового основания увольнения с военной службы является необходимым. Так, законодательство Российской Федерации о военной службе предусматривает основания увольнения с военной службы «в связи с невыполнением условий контракта» (п. «в» ч. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), «в связи с нарушением запретов, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (п. «е 1» ч. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»).

Вышеуказанные основания уже позволяли уволить военнослужащего с военной службы при совершении коррупционного правонарушения.

Так, типовая форма контракта о прохождении военной службы предусматривает обязанность военнослужащего «в период прохождения военной службы по контракту добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации». Соответствующие антикоррупционные обязанности закреплены в законодательстве о военной службе и противодействии коррупции. Невыполнение вышеуказанных обязанностей образует соответствующий юридический факт и может повлечь увольнение по основанию, предусмотренному п. «в» ч. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», — «в связи с невыполнением условий контракта».

Вторым механизмом увольнения является положение, закрепленное в п. «е 1» ч. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Данное основание содержит бланкетную норму к п. 7 ст. 10 и к ст. 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Вышеуказанные нормы содержат «антикоррупционные» обязанности военнослужащего, которые положены в основание увольнения «в связи с утратой доверия».

Таким образом, как мы видим, законодательство о военной службе не нуждалось в дополнительном основании увольнения, так как уже имеющиеся нормы позволяли уволить военнослужащего за несоблюдение соответствующих антикоррупционных требований, ограничений и запретов.

Аналогичные нормы имеются в законодательстве, регламентирующем иные виды государственной службы (гражданскую и правоохранительную).

По мнению автора, в большем внимании нуждаются регулятивные нормы, определяющие механизм выполнения (соблюдения) государственными и муниципальными служащими соответствующих антикоррупционных обязанностей и запретов.

Так, непонятны механизмы реализации отдельных мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на государственной и муницип-

ципальной службе (статья 11 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»), недостаточно четким является механизм проверки соблюдения соответствующих требований и запретов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, предоставляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению».

Кроме того, требует отдельной проработки институт малозначительности при совершении коррупционных правонарушений. В настоящее время государственный служащий может быть уволен, если он не указал в справке о доходах проценты, полученные по договору банковского вклада в размере, например 500 рублей.

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО МОДЕЛЬНЫМ ЗАКОНАМ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

Карабелникова А.С.

Важное место в международно-правовой основе борьбы с коррупцией в странах СНГ, в том числе в Республике Беларусь, занимают модельные законы, принятые Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ: модельный закон от 3 апреля 1999 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – модельный закон 1999 г.), модельный закон от 15 ноября 2003 г. «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (далее – модельный закон 2003 г.), модельный закон от 25 ноября 2008 г. «О противодействии коррупции (новая редакция)» (далее – модельный закон 2008 г.).

Согласно ч. 1 ст. 2 модельного закона 1999 г. коррупция (коррупционные правонарушения) – это 1) не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ с использованием должностных полномочий и связанных с ними возможностей; 2) подкуп.

В ч. 2 ст. 2 модельного закона 1999 г. определены коррупционные правонарушения, относящиеся к уголовно наказуемым деяниям: получение и дача взятки, другие коррупционные преступления, связанные с противоправным получением благ и преимуществ, либо создающие условия для коррупции, ответственность за которые установлена уголовным кодексом государства. Таким образом, в модельном законе 1999 г. выделена самостоятельная группа коррупционных преступлений и правонарушений – преступления и правонарушения, создающие условия для коррупции.

В ч. 1 ст. 2 модельного закона 1999 г. не говорится о виде ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Анализ ч. 2 ст. 2, ч. 2

ст. 12 (ответственность за правонарушения, создающие условия для коррупции), ч. 2 ст. 13 (ответственность за коррупционные правонарушения, связанные с противоправным получением благ и преимуществ) модельного закона показывает, что данный закон закрепляет только уголовную и дисциплинарную ответственность за совершение коррупционных правонарушений. Так, если за совершение указанного в модельном законе коррупционного правонарушения не установлена уголовная ответственность, то тогда лицо, его совершившее, подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности. Таким образом, в модельном законе 1999 г. не говорится об административной и гражданско-правовой ответственности за совершение коррупционного правонарушения.

Модельный закон 2003 г. в отличие от модельного закона 1999 г. не отождествляет понятия «коррупция» и «коррупционные правонарушения». Согласно ч. 2 ст. 2 данного закона коррупционное правонарушение определено как деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность. Поэтому в ст. 8 модельного закона 2003 г. выделяется четыре вида коррупционных правонарушений: гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки, административные правонарушения, преступления. Согласно ч. 1 ст. 2 модельного закона 2003 г. коррупция – это 1) подкуп (получение или дача взятки); 2) любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства; 3) незаконное предоставление выгоды.

Понятие коррупции, закрепленное в модельном законе 2003 г., шире, чем в модельном законе 1999 г., так как коррупция предполагает получение выгоды не только для себя, но и для близких субъекта коррупционного правонарушения, причем выгода включает в себя имущество, льготы и/или преимущества, в том числе неимущественного характера.

Модельный закон 2003 г. закрепляет четкую систему коррупционных правонарушений, однако он не выделяет правонарушения, создающие условия для коррупции. В ст. 8 данного закона не только названы виды коррупционных правонарушений, но и закреплено понятие каждого вида правонарушений, а также содержатся перечни административных коррупционных правонарушений (8 правонарушений, 6 из которых касаются отношений в сфере подготовки и проведения выборов и референдума. Данный перечень является открытым), коррупционных преступлений в форме подкупа (9 преступлений, среди которых классические коррупционные преступления в виде получения и дачи взятки), иных коррупционных преступлений (16 коррупционных преступлений: преступления в виде различных видов хищений, совершенных с использованием служебного или должностного положения, а также различные виды злоупотреблений полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности, служебный подлог). Административная или уголовная ответственность за совершение указанных правонарушений наступает

только в случаях, когда они закреплены в КоАП или иных нормативных правовых актах, устанавливающих административную ответственность за коррупционные правонарушения, или УК государства.

В п. 2 ст. 3 модельного закона 2008 г. коррупционные правонарушения определены как противоправные виновные деяния (действие или бездействие): преступления, гражданско-правовые деликты, административные правонарушения, дисциплинарные проступки, совершенные субъектом коррупции в целях, указанных в п. 1 ст. 3, за которые законодательством государства установлена юридическая ответственность. Особенностью данного модельного закона является отсутствие перечня коррупционных правонарушений.

Согласно п. 1 ст. 3 модельного закона 2008 г. коррупция – 1) совершение виновного противоправного деяния, носящего общественно опасный характер, направленного на использование своего служебного положения и связанных с ним возможностей для неправомерного получения материальных или иных благ и виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц; 2) предложение или предоставление таких благ; 3) подкуп. Данное определение коррупции является самым широким из предложенных модельными законами, т.к. включает в себя не только использование своего служебного положения и связанных с ним возможностей, но и деяния, направленные на его использование, получение благ не только для себя и близких, но и для третьих лиц.

Таким образом, анализ модельных законов 1999, 2003, 2008 гг. показывает, наиболее широкое определение коррупции, и, соответственно, коррупционных правонарушений, закреплено в ст. 3 модельного закона 2008 г. Основным критерием дифференциации коррупционных правонарушений на коррупционные преступления, административные коррупционные правонарушения, коррупционные проступки, коррупционные гражданско-правовые деликты в модельных законах 2003 и 2008 годов является вид ответственности, установленной за совершение коррупционных правонарушений. Система коррупционных правонарушений наиболее полно раскрыта в модельном законе 2003 г. В модельном законе 1999 г. содержится перечень правонарушений, связанных с противоправным получением благ и преимуществ, а также описан особый вид коррупционных правонарушений – коррупционные правонарушения, создающие условия для коррупции.

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УПК УКРАИНЫ

Карпов Н.С.

Возбуждение уголовного дела – начальная стадия уголовного процесса Украины. Только после возбуждения уголовного дела можно проводить следственные и иные процессуальные действия. Лишь в качестве исключения

Уголовно-процессуальный кодекс Украины (далее – УПК) разрешает до возбуждения уголовного дела проводить такие следственные действия, как осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 190), наложение ареста на корреспонденцию и снятие информации с каналов связи с целью предупредить преступление (ч. 3 ст. 187). Кроме того, согласно ч. 4 ст. 97 УПК, если необходимо проверить заявление или сообщение о преступлении до возбуждения уголовного дела, такая проверка может производиться прокурором, следователем или органом дознания в срок не более десяти дней путем отобрания объяснений от отдельных граждан или должностных лиц или истребования необходимых документов.

Анализ норм УПК, соответствующих ведомственных нормативных актов позволяет сделать вывод, что существуют две формы применения специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела: процессуальная и непроцессуальная.

Процессуальной формой применения специальных знаний следует признать ту форму, которая не просто названа в тексте уголовно-процессуального закона, а находит в нем соответствующую регламентацию (УПК устанавливает процедуру применения таких специальных знаний, обозначает соответствующие процессуальные источники, предназначенные для закрепления такой формы).

Процессуальная форма применения специальных знаний определена относительно участия специалиста при проведении вышеуказанных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 2 ст. 191 УПК следователь может пригласить для участия в осмотре места происшествия специалиста, не заинтересованного в результатах дела. В ч. 4 ст. 187-1 УПК указывается, что исследование информации, снятой с каналов связи, в необходимых случаях проводится с участием специалиста.

В соответствии со ст. 128-1 УПК вызов следователем специалиста является обязательным для руководителя предприятия, учреждения или организации, где работает специалист.

Специалист обязан: явиться по вызову; участвовать в производстве следственного действия, используя свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обращать внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением и закреплением доказательств; давать пояснения по поводу специальных вопросов, возникающих при производстве следственного действия. Специалист вправе: обращаться с разрешения следователя с вопросами к лицам, участвующим в производстве следственного действия; делать заявления, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств.

Перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь должен удостовериться в личности и компетентности специалиста, разъяснить специалисту его права и обязанности. О выполнении следователем этих требований указывается в протоколе следственного действия. В случае отказа или уклонения специалиста от выполнения своих обя-

занностей следователь должен сообщить об этом администрации предприятия, учреждения или организации для соответствующего реагирования.

Специальные знания находят свою реализацию и в непроцессуальной форме – при проведении в стадии возбуждения уголовного дела предварительных экспертных исследований. Их проведение регулируется не УПК, а законами и ведомственными нормативными актами, которые регламентируют соответствующую деятельность в государственных органах, в структуру которых включены экспертные службы.

Так, согласно п. 10 ч. 1 ст. 10 Закона «О милиции», милиция обязана проводить криминалистические исследования по материалам оперативно-розыскной деятельности. В п. 5.3 приказа МВД Украины от 30 августа 1999 г. № 682 «Об утверждении Наставления о деятельности экспертно-криминалистической службы МВД Украины» говорится о том, что в экспертно-криминалистических подразделениях проводятся исследования по оперативным материалам для органов внутренних дел. Основанием для их проведения является письменное задание руководителей оперативных подразделений с обязательным указанием их реквизитов, а также вопросов, которые подлежат разрешению.

Результат предварительного исследования как непроцессуальной формы применения специальных познаний оформляется в виде справки. В справке указываются: перечень объектов, представленных на исследование; примененные экспертные методики; ответы на поставленные вопросы; сведения о специалисте, который выполнил исследование. Если в этой справке имеются достаточные данные, которые свидетельствуют о наличии признаков определенного уголовного наказуемого деяния, органом дознания, следователем принимается решение о возбуждении уголовного дела.

Проведение предварительных исследований регламентируется и приказом Министерства юстиции Украины от 8 октября 1998 г. № 53/5 (в редакции приказа от 30 декабря 2004 г. № 144/5), которым утверждена Инструкция о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований.

В п. 1.3 этой Инструкции идет речь о том, что по поручению правоохранительных органов (в том числе для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела) могут выполняться экспертные исследования, которые требуют специальных знаний и использования методов криминалистики и судебной экспертизы. Результаты экспертных исследований излагаются в письменных заключениях специалистов. Согласно п. 4.22 Инструкции заключение специалиста составляется по структуре и содержанию заключения эксперта с такими исключениями: лицо, которое проводит исследование, называется не экспертом, а специалистом; во вступительной части заключения указывается, кто и когда обратился в учреждение или непосредственно к специалисту с заказом на проведение исследования; не указывается об ответственности лица, которое проводит исследование, за дачу заведомо ложного заключения.

На наш взгляд, нельзя не согласиться с тем, что законодатель не установил процессуальную форму данного применения специальных знаний в

первой стадии уголовного процесса. Полагаем, что ст. 97 УПК следует дополнить нормой, которая бы регулировала порядок назначения и проведения экспертных исследований в стадии возбуждения уголовного дела.

Многие ученые, исследовавшие проблему применения специальных знаний, придерживаются мнения о разрешении производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, предлагая при этом некоторые ограничения.

По этому пути пошел законодатель в некоторых странах СНГ. Например, согласно ч. 2 ст. 173 и ч. 2 ст. 226 УПК Республики Беларусь, до возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 173 Кодекса допускается назначение судебно-медицинской экспертизы для определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений и иных экспертиз, выводы которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Не могут назначаться экспертизы, связанные с применением мер процессуального принуждения в отношении физических лиц.

Данный законодательный опыт заслуживает внимания. Считаем, что ст. 97 УПК Украины также следует дополнить нормой, что до возбуждения уголовного дела допускается назначение экспертизы для определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений и иных экспертиз, заключения которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении дела.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА

Карпов Н.С., Коваленко В.В.

18 мая 2010 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «О предотвращении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма», которым Уголовный кодекс Украины (далее – УК) дополнен ст. 258⁵ «Финансирование терроризма».

Согласно ч. 1 ст. 258⁵ УК финансирование терроризма – это действия, совершенные с целью финансового или материального обеспечения отдельного террориста или террористической группы, организации, подготовки или совершения террористического акта, вовлечения в совершение террористического акта, публичных призывов к совершению террористического акта, содействие совершению террористического акта, создание террористической группы (организации). В ч. 2 этой статьи говорится о тех же действиях, совершенных повторно, из корыстных побуждений, по предварительному сговору группой лиц, в крупном размере, или если они повлекли причинение значительного имущественного ущерба. В ч. 3 ст. 258⁵ УК идет речь о действиях, предусмотренных чч. 1, 2 этой статьи, которые совершены организованной группой либо в особо крупном размере, или если они повлекли иные

тяжкие последствия. В примечании к ст. 258⁵ УК указано, что финансирование терроризма признается совершенным в крупном размере, если размер финансового или материального обеспечения превышает шесть тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан, а в особо крупном размере, если размер финансового или материального обеспечения превышает восемнадцать тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан.

В ч. 4 ст. 258⁵ УК содержится поощрительная норма: «Лицо, кроме организатора или руководителя террористической группы (организации), освобождается от уголовной ответственности за действия, предусмотренные этой статьей, если оно добровольно до привлечения к уголовной ответственности сообщило о соответствующей террористической деятельности или иным образом способствовало ее прекращению или предотвращению преступления, которое оно финансировало или совершению которого способствовало, при условии, что в его действиях нет состава другого преступления». Эта поощрительная уголовно-правовая норма представляет собой установленное государством правило поведения, соблюдение которого стимулируется устранением уголовно-правовых ограничений в связи с добровольным общественно одобряемым поведением лица.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о процессуальном порядке освобождения лица от уголовной ответственности за финансирование терроризма.

Для правильного решения этого вопроса сначала необходимо выяснить, как следует толковать такое понятие ч. 4 ст. 258⁵ УК, как «освобождение от уголовной ответственности».

Разъяснение данного понятия содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 12 от 23 декабря 2005 г. «О практике применения судами Украины законодательства об освобождении лица от уголовной ответственности». Судам разъяснено, что освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от применения в отношении лица, совершившего преступление, установленных законом ограничений определенных прав и свобод путем прекращения уголовного дела, которое осуществляет суд в случаях, предусмотренных УК, в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Украины (далее – УПК).

Однако в УПК нет соответствующей статьи, которая бы определяла процессуальный порядок прекращения уголовного дела при наличии указанного материально-правового основания. Таким образом, существует пробел в уголовно-процессуальном законе, который необходимо преодолевать по правилам аналогии закона. Следовательно, прокурор, суд в рассматриваемой ситуации должны применять те нормы УПК, которые определяют порядок освобождения от уголовной ответственности при наличии обстоятельств, предусмотренных Общей частью УК. Таким образом, прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному ч. 4 ст. 258⁵ УК, необходимо осуществлять по правилам ст. 7¹ УПК.

Решение о прекращении уголовного дела может быть принято только после всестороннего, полного и объективного исследования всех его обстоятельств и оценки собранных и проверенных доказательств. Специальное основание прекращения уголовного дела, которое предусмотрено в ч. 4 ст. 258⁵ УК, относится к нереабилитирующим основаниям принятия такого процессуального решения. Поэтому необходимо установить событие и состав преступления, доказать вину обвиняемого в его совершении, собрать все необходимые данные, подтверждающие наличие этого основания для прекращения дела.

Рассматриваемая поощрительная уголовно-правовая норма подлежит применению только в том случае, если:

1) будет доказано, что лицо осуществляло финансирование терроризма и совершенное им деяние охватывается чч. 1–3 ст. 258⁵ УК;

2) это лицо не является организатором или руководителем террористической группы (организации);

3) лицо добровольно до привлечения к уголовной ответственности сообщило о соответствующей террористической деятельности или иным образом содействовало ее прекращению или предотвращению преступления, которое оно финансировало или совершению которого содействовало;

4) в действиях лица отсутствует состав иного преступления.

Норма, предусмотренная ч. 4 ст. 258⁵ УК, подлежит применению только в том случае, если лицо до привлечения к уголовной ответственности выполнило перечисленные в ней действия. Таким образом, обязательным условием освобождения лица от уголовной ответственности является время их совершения. Такие действия должны быть совершены именно до привлечения лица к уголовной ответственности, а поэтому необходимо выяснить, как следует толковать это понятие, закрепленное в ч. 4 ст. 258⁵ УК.

Для этого необходимо обратиться к Решению Конституционного Суда Украины в деле по конституционному обращению Министерства внутренних дел Украины относительно официального толкования положения ч. 3 ст. 80 Конституции Украины (дело о депутатской неприкосновенности). После проведения системного анализа норм действующего законодательства Конституционный Суд Украины в Решении от 27 октября 1999 г. № 1-15/99 разъяснил, что понятие «привлечение к уголовной ответственности» не тождественно понятию «уголовная ответственность». Под привлечением к уголовной ответственности следует понимать определенную стадию уголовного преследования, а именно вынесение следователем мотивированного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявление этому лицу обвинения.

Согласно ст. 131 УПК следователь выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого в том случае, если имеется достаточно доказательств, указывающих на совершение преступления определенным лицом. Обвинение должно быть предъявлено не позднее двух дней с момента вынесения постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого и, во всяком случае, не позднее дня явки обвиняемого или его привода (ст. 133 УПК).

Итак, если лицо сообщило о террористической деятельности после предъявления обвинения, следствие по уголовному делу должно заканчиваться составлением обвинительного заключения. Если лицо до предъявления ему обвинения выполнило указанные в ч. 4 ст. 258⁵ УК действия, досудебное следствие подлежит окончанию вынесением следователем постановления о направлении уголовного дела в суд для решения вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности.

Согласно ст. 7¹ УПК до направления уголовного дела в суд следователь обязан выполнить ряд процессуальных действий. Во-первых, разъяснить обвиняемому сущность обвинения. Согласно ст. 140 УПК следователь, удостоверявшись в личности обвиняемого, должен объявить ему постановление о привлечении в качестве обвиняемого, разъяснить суть предъявленного обвинения и вручить копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого. О выполнении этих действий следователем составляется протокол с указанием времени и даты предъявления обвинения, который подписывается обвиняемым, следователем и защитником.

Во-вторых, следователь обязан разъяснить обвиняемому основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное ч. 4 ст. 258⁵ УК. На наш взгляд, это основание для прекращения уголовного дела необходимо разъяснять уже на начальном этапе стадии досудебного расследования – после возбуждения в отношении лица уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 258⁵ УК. Это необходимо делать для того, чтобы лицо было проинформировано о действии поощрительной уголовно-правовой нормы, при соблюдении требований которой оно подлежит освобождению от уголовной ответственности.

В-третьих, следователь обязан разъяснить обвиняемому право возражать против прекращения дела по этому основанию. Причем его позицию следует изложить в соответствующем протоколе. Направление уголовного дела в суд не может допускаться, если обвиняемый против этого возражает. В этом случае производство по делу должно продолжаться в обычном порядке. Разъясняя это право, следователь должен убедиться в том, что обвиняемому понятны последствия прекращения уголовного дела по его согласию.

В-четвертых, необходимо ознакомить обвиняемого с постановлением о направлении дела в суд для решения вопроса об освобождении его от уголовной ответственности. В УПК не определены требования, предъявляемые к этому процессуальному документу. Соответствующие разъяснения по данному вопросу содержатся в п. 13 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Украины № 12 от 23 декабря 2005 г., где указано, что это постановление должно быть мотивировано. Кроме данных о личности обвиняемого, в этом постановлении должны быть приведены доказательства совершения преступления, а также обстоятельства, на основании которых прокурор или следователь пришел к выводу о необходимости прекращения уголовного дела.

В-пятых, обвиняемому, его защитнику, в случае их требования, нужно предоставить для ознакомления все материалы уголовного дела и разъяснить их права, предусмотренные УПК.

Выполнив перечисленные процессуальные действия, следователь должен направить уголовное дело прокурору. Действия прокурора по делу, поступившему к нему от следователя с постановлением о направлении его в суд для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности, определены в ст. 232¹ УПК. Получив дело, прокурор должен проверить полноту проведенного расследования, законность постановления и принять одно из следующих решений: 1) утвердить постановление следователя и направить дело в суд; 2) отменить постановление следователя и вернуть ему дело с письменными указаниями; 3) изменить постановление следователя или вынести новое постановление.

В связи с рассмотрением данного вопроса следует обратить внимание на то, что ст. 212 УПК не предусматривает такой формы окончания досудебного следствия, как составление постановления о направлении дела в суд для решения вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности. В этой статье указано, что досудебное следствие заканчивается составлением обвинительного заключения или постановления о прекращении дела либо постановления о направлении дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. Безусловно, направление уголовного дела в суд для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности также является самостоятельной формой окончания досудебного следствия, а поэтому необходимо внести соответствующее дополнение в ст. 212 УПК.

Вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ч. 4 ст. 258⁵ УК, должен решаться судьей на стадии предварительного рассмотрения дела. Такие разъяснения даны Пленумом Верховного Суда Украины в постановлении № 6 от 30 мая 2008 г. «О практике применения уголовно-процессуального законодательства при предварительном рассмотрении уголовных дел в судах первой инстанции».

В п. 10 этого постановления указано, что по смыслу ст. 248 УПК на этой стадии могут быть прекращены как дела, поступившие в суд с обвинительным заключением, так и дела, поступившие в суд от прокурора с постановлением прокурора или следователя, согласованного с прокурором, об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности с прекращением уголовного дела. В этой стадии определена возможность прекращения дела по всем основаниям, указанным в ст. 248 УПК. Также на этой стадии дело может быть прекращено и по специальным основаниям, предусмотренным в Особенной части УК.

Рассматривая дело, судья должен убедиться, что деяние, которое вменяется в вину лицу, действительно имело место, что оно содержит состав преступления, и личность виновного в его совершении установлена. При наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 4 ст. 258⁵ УК, суд обязан освобо-

дить соответствующее лицо от уголовной ответственности. Такой вывод вытекает из содержания п. 12 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Украины № 12 от 23 декабря 2005 г., в котором подчеркивается, что суды должны учитывать, что в ряде норм Особенной части УК предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности. В таких случаях при наличии обстоятельств, предусмотренных конкретной нормой закона, суд обязан освободить соответствующих лиц от уголовной ответственности.

В случае несогласия с постановлением прокурора или следователя, согласованного с прокурором, о направлении дела в суд для решения вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ч. 4 ст. 258⁵ УК, судья вправе или вернуть его на дополнительное расследование на основании ст. 246 УПК (если по делу допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона или не выполнены обязательные при проведении досудебного следствия действия, которые имеют значение для принятия решения по существу дела), либо вернуть дело прокурору на основании ст. 249¹ УПК (если прокурор не выполнил требований закона относительно проверки наличия основания для прекращения дела).

Как уже отмечалось, в УПК нет специальной статьи, которая бы определяла процессуальный порядок прекращения уголовного дела при наличии материально-правового основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ч. 4 ст. 258⁵ УК. Поэтому необходимо устранить этот пробел в уголовно-процессуальном законе.

Также целесообразно уточнить основание принятия решения о прекращении уголовного дела. Полагая, что существенным недостатком ч. 4 ст. 258⁵ УК есть то, что законодатель не связывает возможность ее применения с возмещением ущерба, причиненного преступлением, а также возвращением средств, которые израсходованы органами досудебного следствия при расследовании уголовного дела о преступлении, совершенном лицом, в отношении которого решается вопрос о применении указанной поощрительной уголовно-правовой нормы.

СТАТУС ПОНЯТОГО В ПРОЕКТЕ УПК УКРАИНЫ

Карпова Е.Н.

В Украине в настоящее время активно осуждается юридической общественностью проект Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – проект УПК). Этот проект УПК разработан рабочей группой по вопросам реформирования уголовного судопроизводства, которая создана в соответствии с Указом Президента Украины от 17 августа 2010 г. № 820/2010.

Проект УПК предусматривает сохранение института понятых. В отличие от действующего УПК, в проекте УПК нет отдельной статьи «Привлечение по-

нятых». Об участии понятых в следственных действиях идет речь в ч. 6 ст. 220 проекта УПК «Требования к проведению следственных (розыскных) действий».

Следователь, прокурор обязаны пригласить незаинтересованных лиц (понятых) для предъявления лица, трупа или вещи для опознания, осмотра трупа, осмотра трупа в связи с его эксгумацией, следственного эксперимента, освидетельствования лица. Исключением являются случаи применения непрерывной видеозаписи хода проведения соответствующего следственного (розыскного) действия. Понятые могут быть приглашены для участия в иных процессуальных действиях, если следователь, прокурор сочтут это целесообразным. Обыск или осмотр жилища или иного владения лица, обыск лица производятся с обязательным участием понятых независимо от применения технических средств фиксации соответствующего следственного (розыскного) действия. Понятыми не могут быть потерпевший, родственники подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, работники правоохранительных органов, а также лица, заинтересованные в результатах уголовного производства.

В ч. 6 ст. 220 проекта УПК не определено, кто является понятым, какие его права и обязанности. Поэтому предлагаем дополнить § 5 «Иные участники уголовного производства» Главы 3 проекта УПК статьей «Понятой». В этой статье необходимо указать, что понятым является не заинтересованное в исходе дела лицо, привлекаемое следователем, прокурором для удостоверения факта производства следственного действия, а также его содержания, хода и результатов. Понятой имеет право:

- 1) знать, в производстве какого следственного действия он принимает участие;
- 2) делать по поводу следственного действия, проведенного с его участием, замечания и заявления, подлежащие занесению в протокол;
- 3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он принимал участие;
- 4) требовать дополнения протокола следственного действия, а также прилагаемых к нему планов, схем и других документов и внесения в них поправок;
- 5) подписывать протокол следственного действия в той части, которая отражает обстоятельства, которые им лично восприняты;
- 6) получать возмещение расходов, связанных с участием в уголовном производстве;
- 7) при наличии соответствующих оснований – на обеспечение безопасности путем применения мер, предусмотренных этим Кодексом и другими законами Украины;
- 8) подавать жалобы на действия и решения следователя, прокурора, ограничивающие его права.

Также в предлагаемой статье проекта УПК следует предусмотреть, что понятой обязан:

- 1) явиться по вызову следователя, прокурора;

2) сообщать по требованию следователя, прокурора сведения об отношениях с лицами, участвующими в производстве по уголовному делу;

3) своей подписью удостоверять соответствие записей в протоколе выполненным действиям;

4) соблюдать порядок при производстве следственного действия;

5) подчиняться законным распоряжениям следователя, прокурора;

6) не разглашать без разрешения следователя, прокурора данные, которые стали ему известны в связи с исполнением обязанностей понятого.

Кроме того, в проекте УПК необходимо предусмотреть положение, что за невыполнение процессуальных обязанностей на понятого может быть наложено денежное взыскание.

В ч. 6 ст. 220 проекта УПК идет речь о том, что понятыми не могут быть потерпевший, родственники подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, работники правоохранительных органов, а также лица, заинтересованные в результатах уголовного производства.

На наш взгляд, перечень лиц, которые не могут быть понятыми, необходимо продолжить. Полагаем, что в предлагаемой статье проекта УПК следует указать, что понятыми не могут быть:

1) лица, не являющиеся гражданами Украины;

2) несовершеннолетние;

3) лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными;

4) лица, состояние которых делает невозможным реальное восприятие следственных действий, которые должны выполняться;

5) лица, находящиеся в служебных, семейных, или других близких отношениях с субъектами уголовного процесса.

Представляется, что в проекте УПК следует предусмотреть некоторые исключения из общего правила об участии понятых. Считаем, что целесообразно привлечение понятых к проведению следственных действий в следующих случаях: 1) в следственном действии участвует прокурор; 2) следственное действие проводится с участием лица, в отношении которого применяются меры обеспечения безопасности; 3) проводится следственное действие, связанное с изъятием и осмотром документов, содержащих государственную и иную охраняемую законом тайну; 4) следственное действие проводится в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения или когда в силу других неустраняемых объективных причин нет возможности для привлечения граждан в качестве понятых; 5) проведение следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей.

В пользу сохранения в проекте УПК института понятых можно привести следующие доводы: понятые обеспечивают процессуальные гарантии прав личности и интересов правосудия; этот институт выдержал проверку временем; привлечение понятых усиливает надежность получения доказательств с позиции их достоверности и допустимости; исключаются условия для возможной фальсификации доказательств со стороны органов уголовного преследования.

Кроме того, в процессе исследования доказательств, полученных с участием понятых, последние могут перейти в положение свидетелей обвинения или защиты. В ч. 6 ст. 220 проекта УПК по данному вопросу говорится о том, что понятые могут быть допрошены во время судебного разбирательства как свидетели проведения соответствующего следственного действия.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ БЕЗДЕЙСТВИЯ

Ключко Р.Н.

По нашим подсчетам более четверти составов преступлений из числа закрепленных в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) могут совершаться путем бездействия. В качестве объекта таких преступлений могут выступать законы и обычаи ведения войны, жизнь и здоровье человека, интересы несовершеннолетних, нетрудоспособных лиц, подопечных, конституционные права и свободы гражданина и человека, отношения собственности, порядок осуществления экономической деятельности, экологическая безопасность, общественная безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, здоровье населения, информационная безопасность, порядок управления, интересы правосудия, интересы службы, порядок исполнения воинской обязанности.

Анализ признаков объекта преступных посягательств, учиняемых путем бездействия, свидетельствует о том, что механизм причинения вреда при совершении таких преступлений предполагает разрыв определенной социальной связи, признаваемой значимой для реализации охраняемых уголовным законом личных, общественных либо государственных интересов. Учинение преступного бездействия не связано с непосредственным воздействием на человека либо материальные ценности. Можно также констатировать, что публичные интересы, по сравнению с частными, превалируют в качестве объекта уголовно-правовой охраны от преступлений, совершаемых путем бездействия.

Как признак объективной стороны конкретного состава преступления бездействие описывается в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК. Лишь в диспозициях трех статей Особенной части УК (ст. 137 «Бездействие либо отдание преступного приказа во время вооруженного конфликта», ст. 425 «Бездействие должностного лица», ст. 455 «Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти») законодатель использует термин «бездействие» при характеристике формы деяния как признака объективной стороны преступления. Категория «бездействие» употребляется также и в ст. 430 УК «Получение взятки», но лишь при характеристике форм использования должностным лицом своих служебных полномочий. В других случаях для описания признаков бездействия используются термины «неоказание», « неисполнение», «уклонение», «несообщение», «непринятие мер», «сокрытие» (пред-

полагающее несообщение), «неповиновение», «несоблюдение», «неприбытие», «неявка», а также «нарушение правил», «ненадлежащее исполнение обязанностей» и др. В форме бездействия могут совершаться и иные преступления, связанные с неисполнением обязанностей, вытекающих из самой природы естественного физиологического существования человека, которые чаще всего образуются вовне активными действиями (например, убийство матерью новорожденного ребенка посредством отказа от его кормления). В тех случаях, когда законодатель для описания в уголовном законе признаков преступления использует указание на незаконность поведения, нарушение определенных правил поведения в той либо иной сфере деятельности, для установления признаков соответствующего состава преступления требуется обращение к «неуголовным» нормативным установлениям. В таких случаях принято говорить о бланкетности диспозиции уголовно-правовой нормы. Более половины диспозиций статей Особенной части УК, устанавливающих признаки составов преступного бездействия, являются бланкетными.

Определение момента окончания анализируемых преступлений имеет важное значение для обеспечения правильной правовой оценки указанных деяний. Составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 137, 159, 160, 161 (ч. 1), 174, 175, 225, 230, 231, 237, 242, 244, 265 (ч. 2), 268 (ч. 1), 271 (ч. 1), 278 (ч. 1), 301 (ч. 1), 315, 317-1, 325 (ч. 1), 326, 371-2, 397 (ч. 1), 402, 406, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 434, 435, 436, 437, 438 (ч. 1), 439 (ч. 1), 445, 446, 447, 450 (ч. 1), 451 (ч. 1), 453 (ч. 1) УК, по своей конструкции являются формальными. Составы, предусмотренные ст.ст. 161 (ч. 2), 162, 164, 165, 176, 204, 220, 232, 243, 264, 265 (ч. 1), 267, 268 (ч. 2), 273, 276, 278 (ч. 3), 279, 280, 283, 284, 298, 299, 300, 301 (ч. 2 и 3), 302 (ч. 2), 303, 304, 305, 306, 307, 308, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 325 (чч. 2, 3), 330, 334, 336, 355, 372, 397 (ч. 2), 428, 439 (ч. 2), 453 (ч. 2), 454, 455, 456, 463, 464, 465 УК, сконструированы как материальные, причем общественно опасные последствия, характерные для этих преступлений, выступают в качестве условия для привлечения лица к уголовной ответственности. Состав бездействия должностного лица (ст. 425 УК) сконструирован как формально-материальный. Анализ конструкции составов преступлений позволяет сделать вывод о фактическом презюмировании законодателем причиняющей способности бездействия, которая в уголовно-правовой доктрине оспаривается. Анализ способов описания признаков объективной стороны формальных составов преступлений, совершаемых путем бездействия, позволяет констатировать длящийся характер значительной их части. Однако необходимо отметить, что в уголовно-правовой науке нет единства мнений по поводу отнесения некоторых преступлений против порядка осуществления экономической деятельности с материальным составом, совершаемых путем бездействия, к длящимся либо простым единичным (например, невозвращение из-за границы иностранной валюты, уклонение от погашения кредиторской задолженности, уклонение от уплаты налогов, уклонение от уплаты таможенных платежей). Столь же проблематичным следует признать и отнесение к числу длящихся некоторых преступлений против пра-

восудия, выражающихся в нарушении порядка отбывания или исполнения назначенного судом наказания либо режима превентивного надзора. Считаем, что по общему правилу преступное, по сути, одноактное неисполнение возложенной на субъекта в установленном порядке обязанности, которую он должен осуществить в установленные нормативным либо индивидуально-определенным актом сроки, не следует трактовать как длящееся преступление.

Субъективная сторона подавляющей части составов преступлений, учиняемых в форме бездействия, характеризуется наличием умысла (как обязательного либо, наряду с неосторожностью, альтернативного признака) по отношению к деянию в форме проявления пассивности. В частности, лишь в форме умысла может выражаться вина по отношению к преступному деянию в форме бездействия в составах преступлений, признаки которых закреплены в ст.ст. 137 (ч. 1), 159, 160, 161, 174, 175, 176, 204, 225, 230, 231, 232, 237, 242, 243, 244, 267 (ч. 2), 268, 271 (ч. 1), 308, 315, 317-1, 326, 355, 371-2, 397, 402, 406, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 425, 434, 435, 436, 437, 438, 445, 446, 447, 455 УК. Умыслом либо неосторожностью характеризуется отношение виновного к бездействию, предусмотренному в качестве признака объективной стороны составов преступлений, признаки которых закреплены в ст.ст. 162, 164, 165, 220, 264, 265, 271 (ч. 2), 273, 276, 278, 279, 280, 283, 284, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 325, 330, 334, 336, 372, 450, 451, 453, 454, 463, 464, 465 УК. Неосторожностью характеризуется отношение виновного к бездействию лишь при совершении преступлений, признаки которых закреплены в ч. 1 ст. 267, статьях 428, 439, 456 УК. Психическое отношение виновного к последствиям в материальных составах преступлений, совершаемых путем бездействия, напротив, чаще характеризуется неосторожностью. Отношение виновного к наступившим последствиям в форме умысла возможно лишь при учинении составов, признаки которых закреплены в ст.ст. 176, 232, 243, 264, 278 (ч. 2), 283, 304 (ч. 1), 425, 450 (ч. 2, 3), 451 (ч. 2, 3), 453 (ч. 2), 454, 455 УК. Из указанного следует, что в подавляющем числе случаев законодатель связывает уголовную ответственность за совершение преступлений путем бездействия с умыслом по отношению к акту бездействия и неосторожностью к наступившим последствиям.

Особенностью уголовно-правового воздействия за бездействие, как свидетельствует анализ содержания норм Особенной части УК, является наличие особых условий его уголовной противоправности: как правило, это признаки специального субъекта, обязанного совершить активные действия, а также наступление предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий. Последствия преступного бездействия, закрепленные в уголовном законе как признак объективной стороны состава преступления, всегда выступают либо в качестве условия привлечения виновного лица к уголовной ответственности, либо условия ее дифференциации, когда закрепляются в качестве квалифицирующих признаков. В связи с этим определяющим при характеристике негативного психического отношения лица к уста-

новленному в обществе порядку поведения в случаях проявления пассивности является отношение к неисполнению возложенной на него обязанности.

Анализ норм уголовного закона позволяет утверждать, что все составы преступлений, совершаемых путем бездействия, за исключением оставления в опасности (ч. 1 ст. 159 УК) и недонесения о преступлении (ст. 406 УК), характеризуются признаками специального субъекта преступления. Наличие у лица индивидуально определенной обязанности действовать, вытекающей из профессиональных либо служебных функций, либо из предшествующего правомерного или неправомерного поведения этого лица, создающего необходимость и обязанность активной деятельности, характеризует его как специального субъекта. Считаем необходимым обеспечение совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на основании концепции специального субъекта преступлений, совершаемых путем бездействия.

ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Козлов Т.Л.

Эффективность борьбы с коррупционными правонарушениями обусловлена адекватностью инструментария, которым пользуются правоохранительные и иные компетентные государственные органы. Последнее обстоятельство во многом зависит от правильности квалификации того или иного нарушения закона, обоснованного отнесения его: к преступлениям либо к административным правонарушениям; к посягательствам на порядок государственного управления либо на чужую (в случае коррупции – государственную или муниципальную) собственность.

В связи с этим противодействие коррупции, осуществляемое посредством предоставленных российским законом прокурору полномочий и актов прокурорского реагирования, должно опираться на научную классификацию видов коррупционных правонарушений, имея в виду, что прокурор может выступать инициатором и уголовного преследования, и административного производства, и привлечения к дисциплинарной ответственности.

Классификация коррупционных правонарушений возможна по ряду оснований. Например, по *объекту посягательства* это могут быть преступления против собственности, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и др.; коррупционные правонарушения законодательства о государственной, муниципальной службе, об использовании государственного и муниципального имущества, об осуществлении лицензирования, регистрации и иных разрешительных процедур и др.

Некоторые авторы на основе анализа правоприменительной практики, исходя из *характера действий*, образующих объективную сторону правонарушения, разделяют коррупционные проявления на два основных вида: получение выгоды и употребление должностного (служебного) положения в частных целях. Первый вид проявлений характеризуется тем, что направлен на личное обогащение служащих органов государственной власти и местного самоуправления (например, получение взятки, незаконное участие на платной основе в органах управления коммерческими организациями). Для второго вида характерным является незаконное предоставление органами публично-правовых образований определенной выгоды частным (физическим и юридическим) лицам (незаконное участие в предпринимательской деятельности, нарушение порядка размещения заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков).

В коррупционных отношениях и, соответственно, в уголовном законодательстве, могут отдельно существовать как «подкуп», так и «продажность» (дача взятки и получение взятки, в конвенционной интерпретации — активный и пассивный подкуп), может присутствовать как реальное злоупотребление должностными полномочиями, так и мошенничество с использованием служебного положения. При этом во всех случаях речь идет о коррупционных нарушениях в их крайнем проявлении — в преступлениях.

С практической точки зрения, представляет интерес классификация *по степени общественной опасности*, характеру общественно опасных последствий правонарушений. На основе этого критерия коррупционные проявления разделяют на две большие группы: коррупционные преступления и иные коррупционные правонарушения, включающие коррупционные административные правонарушения, коррупционные дисциплинарные проступки. Обоснованность представленной классификации заключается в том, что в настоящее время коррупцию рассматривают, не ограничиваясь только рамками совершения уголовно наказуемых деяний.

В то же время понимание коррупции, которое демонстрируется в международных конвенциях, посвященных борьбе с коррупцией, ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», в исследованиях ученых, говорит, прежде всего, об уголовно-правовой природе коррупционных проявлений. При этом определение коррупции, данное в Федеральном законе «О противодействии коррупции», не содержит четкого перечня коррупционных преступлений и дает общий подход к пониманию коррупционной преступности: во-первых, специальный субъект — лицо, имеющее какое-то должностное положение, в том числе в коммерческой организации; во-вторых, использование служебного положения вопреки законным интересам общества и государства; в-третьих, цель — получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц.

Действующее российское законодательство не содержит нормативного определения и единого перечня коррупционных преступлений, что влечет за

собой различия в оценках масштабов коррупционной преступности и показателей работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению этого вида преступлений.

Определенным достижением в этом направлении можно назвать ведомственный перечень *преступлений коррупционной направленности*, который впервые утвержден совместным Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30.04.2010 № 187/86/2, и в настоящее время действует в редакции Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28.12.2010 № 450/85/3 «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

К достоинству названного перечня следует отнести то обстоятельство, что в нем предпринята попытка отнесения определенных, имсющихся в Уголовном кодексе Российской Федерации, составов преступлений к числу коррупционных на основе сущностных признаков коррупции. В частности, в п. 1 Перечня даются общие критерии отнесения противоправных деяний к преступлениям коррупционной направленности: наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (к ним относятся должностные лица, указанные в примечании к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным); связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние должно быть связано с получением имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); совершение преступления только с прямым умыслом.

Одновременно оговариваются исключения, которыми являются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды.

При этом переход к формированию статистической отчетности о зарегистрированных и расследованных коррупционных преступлениях на основе этого перечня начался только в 2011 году. В частности, в мае указанного года был издан приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 116, который утвердил и ввел в действие, начиная с отчета за первое полугодие 2011 г., новую форму статистического отчета о работе прокурора по надзору

за исполнением законодательства о противодействии коррупции и о результатах расследования уголовных дел коррупционной направленности.

Что касается профилактики коррупции в ее уголовно-правовом, криминологическом понимании, то здесь речь идет об обеспечении соблюдения субъектами правоприменения требований законодательства о противодействии коррупции в части внедрения установленных мер, направленных на предупреждение коррупции. Нарушение этих норм рождает большой массив коррупционных правонарушений административного и дисциплинарного характера. Посредством законодательных новелл в практику деятельности государственных и муниципальных органов введены специальные институты и механизмы, носящие превентивный по отношению к коррупции характер: обязанности служащих сообщать о склонении их к коррупционным правонарушениям, представлять сведения о доходах в отношении себя, супруга и несовершеннолетних детей, предотвращение и урегулирование конфликта интересов и ряд других.

Введя в правовое поле такую категорию, как конфликт интересов, законодатель предусмотрел и организационный механизм его урегулирования. Для решения этих задач в федеральных государственных органах образуются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов.

Приведенные примеры антикоррупционных механизмов на государственной и муниципальной службе призваны обеспечить профилактику и предупреждение коррупционных проявлений в среде служащих. При этом федеральное законодательство возлагает на органы государственной власти обязанность по принятию в пределах своей компетенции мер, связанных с противодействием коррупции. Поворотным этапом в формировании системы профилактики стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 21.09.2009 № 1065, который прямо предусмотрел создание в федеральных государственных органах подразделений кадровых служб по *профилактике коррупционных и иных правонарушений* с конкретным кругом полномочий.

Наряду с реализацией мероприятий по совершенствованию законодательства, важным результатом развития государственной и муниципальной службы последних лет явилось фактическое применение механизмов, процедур и институтов, связанных с предупреждением коррупции и ответственность за функционирование которых несет руководство государственных и муниципальных органов, в том числе участие представителей научных и образовательных учреждений, других организаций в качестве независимых экспертов в составе конкурсных, аттестационных комиссий органов власти; внедрение должностных, административных регламентов и целого ряда других.

Именно эта деятельность органов государственной власти и местного самоуправления активизируется средствами прокурорского надзора. Анализ статистики за 2008–2011 годы позволяет говорить о том, что ядро правонарушений коррупционной направленности составляют нарушения в сфере государственной и муниципальной службы – в среднем 30–40 % от всего мас-

сива. Для сравнения, от общего числа правонарушений, скажем, по сведениям 2009 года (263 715), доля коррупционных правонарушений в сфере бюджетного законодательства составила 9,5 % (25 004); в сфере размещения заказов для государственных и муниципальных нужд – 7,5 % (19 781); в сфере использования государственного и муниципального имущества – 6,2 % (16 466).

На долю государственных и муниципальных органов приходится наибольшее количество выявляемых коррупционных проявлений – около 80 %. Собственно коррупция в виде взяточничества, должностного подлога, злоупотребления должностным положением, нецелевого расходования бюджетных средств из корыстной заинтересованности характерна, прежде всего, для государственного аппарата. И здесь следует обратить внимание на тот факт, что с выделением из состава Генеральной прокуратуры Российской Федерации (а с 2011 года полным обособлением) Следственного комитета Российской Федерации с передачей ему функций предварительного расследования преступлений, острое прокурорского надзора направлено на выявление правонарушений неуголовного характера.

Основная масса выявляемых нарушений носит дисциплинарный характер, административный – в меньшей степени. Подобные нарушения хотя и определяются в качестве коррупционных (имеющих коррупционную направленность), однако не являются коррупцией в узком, уголовно-правовом (конвенционном) смысле.

Фактически прокурорами выявляются и пресекаются нарушения правовых норм, введенных специально для предупреждения коррупционных проявлений в виде взяток, злоупотреблений, присвоений и т. п. в органах государственной власти и местного самоуправления. И в этом выражается основное содержание прокурорской деятельности в части профилактики коррупции (не нужно забывать о более широком понятии «противодействие», которое также реализуется органами прокуратуры и включает помимо общего надзора также надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, оперативно-розыскной деятельностью соответствующих органов и другие направления работы.).

Законодательство Российской Федерации предусматривает также целый комплекс других мер, направленных на предупреждение коррупции. В частности, среди таковых определены: формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов; рассмотрение в государственных и муниципальных органах не реже одного раза в квартал вопросов правоприменительной практики противодействия коррупции; предъявление квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, а также проверка сведений, представляемых указанными гражданами; развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства о противодействии коррупции и др.

КАК СЛОВЕНИЯ РАБОТАЕТ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Корошец Д.

В соответствии с обычными общими конституционными принципами, закрепленными практически во всех конституциях мира, в первую очередь принципом верховенства закона, компетентные органы государства работают над конкретизацией положений ратифицированных международных договоров до степени, позволяющей обеспечить их прямое применение. Особенно важно проводить такую работу над материальным уголовным законодательством, положения которого должны находиться в строгом соответствии с принципом легальности (*lex certa*), и в первую очередь над уголовными наказаниями, которые в упомянутых договорах в большинстве случаев определяются в самых общих чертах. По этой причине представляется естественным, в том числе исходя из самой природы права, что государства принимают различные меры по конкретизации международных договоров, и еще более естественным, что положения международного законодательства подталкивают их к этому. Складывается впечатление, что некоторые государства, в особенности из числа так называемых новых европейских демократий (включая Словению), идут в этом направлении еще дальше. Их политика в области борьбы с преступностью предусматривает включение в уголовный кодекс не только всех норм так называемой общей части материального уголовного права, но и всех преступлений, а также недопущение их дублирования в других законодательных актах. По этой причине указанные государства стремятся как можно прочнее закрепить в уголовном кодексе все нормы международного уголовного права. В результате прямое применение международного уголовного законодательства становится возможным только посредством использования бланкетных норм. В нормах уголовных кодексов применяются такие характеристики, как «в нарушение международного законодательства» и «незаконно». Таким способом государства посредством положений, конкретизирующих бланкетные нормы, применяют все положения международного права, которые были официально ратифицированы или приобрели статус общепринятых, и избегают создания отдельных кодексов международного уголовного права.

Следует более подробно остановиться на некоторых проблемах, с которыми сталкивается словенский законодатель при попытках введения положений Римского статута Международного Уголовного Суда в действующий Уголовный кодекс Республики Словения (далее – УК РС). Наиболее показательным в этом отношении является вопрос об ответственности руководителя.

Как известно, в 1991 году Словения приобрела международный правовой статус независимого государства после того, как, с одной стороны, пострадала от разрушительных дезинтеграционных процессов в бывшей Федеративной Республике Югославия (СФРЮ), а с другой – сама сыграла в них

важную и активную роль. С 1 мая 2004 г. Словения является членом Евросоюза (ЕС), она была принята в Шенгенскую зону и ввела евро. В этом смысле Словения, если можно так выразиться, является полным членом ЕС.

Совершенно новый Уголовный кодекс независимой Республики Словения ("*Kazenski zakonik Republike Slovenije*" – УК РС 95) был принят новым Парламентом Республики Словения в сентябре 1994 г. и вступил в силу согласно содержащимся в нем положениям 1 января 1995 г. Изменения вносились в него несколько раз. В 1999 году главным мотивом внесения изменений была гармонизация с требованиями ЕС *acquis communautaire* и увеличение максимального срока лишения свободы с 20 до 30 лет, однако изменений и поправок в особенной части было немного, и они были незначительными во всех отношениях. Следующий раз изменения в УК РС вносились в 2004 году. Они затронули в основном особенную часть УК РС. Некоторые изменения, а именно те, которые касались так называемых международных преступлений, и те, которые включали некоторые важные изменения общей части, рассматриваются как шаг в сторону так называемой зоны европейского уголовного права.

В 2008 году Словения получила совершенно новый Уголовный кодекс (УК РС 08). В нем изменению подверглись некоторые важные парадигмы общей части (среди прочего, был ликвидирован жестко раскритикованный теоретиками отдельный институт материального права, получивший название преступлений второстепенного значения, также были исключены все санкции в отношении невиновных исполнителей противоправных действий, обычно совершенных в результате психических расстройств, вызванных злоупотреблением алкогольных напитков).

Как было сказано выше, словенский законодатель, руководствуясь желанием обеспечить прозрачность и последовательность уголовного правопорядка, стремится включить все преступления в уголовный Кодекс. Отдельных законодательных актов нет даже в области международной преступности. Гл. 14 Уголовного кодекса Словении «Преступления против человечности» предусматривает ряд преступлений, которые максимально приближены к классическим военным и другим преступлениям против человечности, содержащимся в различных правовых инструментах в области международного уголовного права. Вот наименования этих преступлений: геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия, вербовка несовершеннолетних, терроризм – и это далеко не полный список.

Все положения этой главы Уголовного кодекса Словении считаются классической, традиционной для Словении неотъемлемой частью словенского уголовного законодательства, хотя они и не охватывают все материальные нормы, связанные с человечностью и международным уголовным правом, действующие в Словении. Согласно ст.ст. 8 и 153 Конституции Республики Словения опубликованные договоры, ратифицированные Национальным собранием, вступают в силу немедленно и имеют приоритет над национальным законодательством. Законы, противоречащие таким договорам, должны быть признаны неконституционными.

Словения подписала Римский статут Международного Уголовного Суда 7 октября 1998 г. Римский статут был ратифицирован Национальным собранием 22 ноября 2001 г. После ратификации словенские специалисты в области уголовного права стали писать о том, как ввести положения Римского статута в Уголовный кодекс Словении. Не было сомнений, что Римский статут следует ввести в Уголовный кодекс, никто не предлагал принятие отдельного кодекса о международных преступлениях. В то же время, все пишущие юристы Словении подвергли сомнению каждый из возможных способов введения положений об ответственности руководителя, содержащихся в общей части Римского статута, в общую часть Уголовного кодекса Словении. Позвольте мне кратко пояснить, в связи с чем возникли эти сомнения.

В Римском статуте, как известно, ответственность руководителя за проступки подчиненных предусмотрена ст. 25/III/b, которая криминализирует различные виды подстрекательства (приказ, подстрекательство и побуждение) к преступлениям, попадающим под юрисдикцию Международного Уголовного Суда. Кроме того, ответственность руководителя предусмотрена также ст. 28, которая криминализирует различные виды участия в допущении таких преступлений. Статья устанавливает ответственность командиров (и лиц, эффективно исполняющих обязанности командиров), а также иных начальников, не имеющих военного статуса (члены правительства, руководители предприятий и политических партий), не предпринявших всех необходимых и разумных мер в рамках своих полномочий для предотвращения или пресечения преступлений подчиненных (в Римском статуте это сформулировано следующим образом: *«[...] такое лицо либо знало, либо, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать, что эти силы совершили или намеревались совершить такие преступления [...]»*). Во втором случае (с гражданскими начальниками) случайное игнорирование информации, указывающей на намерение подчиненных совершить преступление, не является достаточным основанием для привлечения их к ответственности. Римский статут считает «сознательное игнорирование» такой информации (неосторожность) минимальным условием для наступления ответственности. Это означает, что согласно Римскому статуту начальник может быть привлечен к ответственности за халатность в отношении международного преступления или даже преступления с умышленным окрасом (*dolus coloratus*, как в случае с геноцидом, предусмотренным ст. 6 Римского статута).

Кроме того, начальники (военные и гражданские) могут быть привлечены к ответственности, как если бы они совершили преступления сами, если они не смогли наказать преступления, совершение их подчиненными (*«[...] не предпринявших всех необходимых и разумных мер в рамках их полномочий [...] для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования»*).

Это означает, что привлечение к уголовной ответственности возможно, даже если бездействие руководителя имело место спустя долгое время после со-

вершения преступления подчиненными. Здесь уместно вспомнить институт «укрывательства», который в наиболее развитых юрисдикциях уже отсутствует.

Складывается впечатление, что создатели Римского статута в своем законном стремлении прийти к такому доктринальному аппарату, который позволил бы Суду привлекать к ответственности высшее военное и гражданское руководство за совершение ими виновных деяний, даже если они сами не были напрямую вовлечены в совершение жестоких действий, создали институт международного права, который является противоречивым и предположительно вызовет немало проблем при применении на национальном уровне.

Словения, как и многие другие государства, разработала свой инструмент привлечения к уголовной ответственности за бездействие на основе немецкой доктрины. Как правило, все преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Словении, сформулированные как *delicta comissiva*, могут быть совершены и как *delicta comissiva per omissionem*, т. е. в результате пассивности (так называемое совершение преступления путем бездействия). Такое решение никогда не оспаривалось современными словенскими теоретиками права.

Главные классические основания для привлечения к уголовной ответственности за преступления, совершенные в результате бездействия, содержатся в Уголовном кодексе и разрабатываются словенскими теоретиками уголовного права: а) в каждом конкретном случае бездействие должно иметь такое же значение для возникновения незаконных последствий, как и действие; б) исполнитель должен находиться в положении гаранта (того, кто в соответствии со своими обязанностями должен был предотвратить возникновение незаконных последствий). Лицо может находиться в положении гаранта в силу закона, опубликованного договора, ратифицированного Национальным Собранием, трудового договора (включая контракты военнослужащих), а также в результате угроз в отношении предыдущего действия исполнителя (включая деяния, совершенные в военное время и в схожих обстоятельствах). Необходимо подчеркнуть, что суды Словении очень узко интерпретируют указанные положения. Многие теоретики уголовного права высказывают критические соображения по поводу того, что при отправлении уголовного правосудия в Словении редко применяется институт совершения преступления путем бездействия.

В словенском уголовном праве, а именно в общей части уголовного кодекса, нет института ответственности руководителя. Подобного рода участие в совершении преступления, если это участие активно, будет рассматриваться как подстрекательство (если приказы руководителя не криминализированы как *delictum sui generis*), а с другой стороны – пассивное участие в совершении преступления будет рассматриваться в соответствии с общими правилами, предусмотренными для совершения преступления путем бездействия.

В соответствии с уголовным правом Словении ответственность за участие по неосторожности в совершении умышленных преступлений, предусмотренная Римским статутом (ст. 28), логически исключается. Иными сло-

вами, правила словенского уголовного законодательства, касающиеся совершения преступления путем бездействия, не позволяют установить уголовную ответственность за неосторожную пассивность при совершении любого из преступлений, предусмотренных Римским статутом, поскольку все они могут быть совершены только преднамеренно. В словенской теории уголовного права предмет указанной статьи рассматривается как отдельное преступление, которому в Римском статуте была дана слишком общая формулировка и слишком общее наименование. Иными словами, Словения прилагает большие усилия для введения некоторых норм международного уголовного законодательства в свое национальное законодательство. Сложности часто носят не политический характер, а связаны со значительными догматическими расхождениями в правовых системах.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Куница Е.В.

П. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 12.09.2011 № 409 «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь» предусматривает создание по сути нового звена в структуре правоохранительных органов республики путем выделения следственного аппарата из системы органов прокуратуры, подразделений предварительного расследования из системы органов внутренних дел и системы органов финансовых расследований Комитета государственного контроля.

В числе задач, которые будет призван решать Следственный комитет Республики Беларусь, первое место занимает всестороннее, полное, объективное и оперативное расследование преступлений в соответствии с подследственностью (подп. 11.1 п. 11 Положения о Следственном комитете Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10.11.2011 № 518).

Вполне очевидно, что реализация столь масштабной новации потребует в кратчайшие сроки внесения значительных изменений в уголовно-процессуальное законодательство, которые, несомненно, коснутся и полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного процесса.

По нашему мнению, подобные изменения требуют крайне взвешенного и продуманного подхода в целях не нарушения процессуального баланса полномочий участников уголовного процесса. При этом полагаем разумным в данном вопросе исходить, в том числе, из опыта (особенно негативного) ряда зарубежных государств со схожей системой досудебного производства, в которых уже были предприняты попытки реализации идеи разделения проку-

порского надзора и руководства следствием (речь, прежде всего, идет о Российской Федерации и Казахстане).

Так, в Российской Федерации (далее – РФ) Федеральными законами от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и от 06.06.2007 № 90-ФЗ «О внесении изменений в УПК Российской Федерации» был значительно изменен правовой статус прокурора в уголовном судопроизводстве и его соотношение с процессуальным положением органов предварительного следствия и дознания.

В результате прокурор утратил руководящую роль при осуществлении уголовного преследования органами предварительного следствия. В частности, были кардинально преобразованы или упразднены такие его полномочия, как: дача следователю обязательных для исполнения письменных указаний; соединение, выделение уголовных дел, выделение материалов; дача согласия на производство наиболее значимых следственных и иных процессуальных действий (после проведенных преобразований данное право передано руководителю следственного органа, за исключением возбуждения уголовного дела, которое, по общему правилу, более не требует согласования); право участвовать в производстве следственного действия; отстранять следователя от дальнейшего производства расследования в связи с допущенными им нарушениями закона; отменять незаконные и необоснованные постановления следователя и др.

Были существенно сокращены полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования. В частности, из компетенции прокурора изъяты такие полномочия, как возбуждение уголовного дела, проведение расследования в полном объеме или в части производства отдельных следственных и иных процессуальных действий. По сути, единственным полномочием по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осталось направление уголовного дела в суд.

Таким образом, в новых условиях правового регулирования в Российской Федерации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства из ранее существующих за прокурором сохранены лишь функция процессуального руководства дознанием, а также в сокращенном виде функция надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания.

Наряду с этим в значительной степени были расширены полномочия руководителя следственного органа, что поставило следователя в положение полной процессуальной зависимости от данной фигуры.

Как показывает опыт России, резкое снижение потенциала прокурорского надзора за предварительным следствием создает почву для многочисленных нарушений прав и свобод личности, а монополия руководителей следственных подразделений по руководству следователями не только не укрепляет авторитет и процессуальную самостоятельность последних, но и может создать серьезные предпосылки для коррупционных проявлений.

В такой ситуации отдельные российские исследователи вынуждены ставить вопрос уже не столько о своевременности и эффективности прокурорского надзора, сколько о его целесообразности в принципе.

Исходя из изложенного, полагаем, что при пересмотре надзорных полномочий прокурора следует исходить, прежде всего, из того обстоятельства, что при любой организации следствия он остается ответственным за законность уголовного преследования и, по существу, осуществляет правосудную функцию на досудебной стадии уголовного преследования.

На досудебных стадиях уголовного процесса прокурор выступает гарантом обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Поскольку деятельность органов дознания и предварительного следствия по раскрытию и расследованию преступлений зачастую связана со значительным ограничением конституционных прав и свобод личности в уголовном процессе (право на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции и др.), необходимость обеспечения объективного и беспристрастного надзора за неукоснительным соблюдением в процессе применения таких мер требований закона несомненна.

В то же время, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, прокурор выступает гарантом обеспечения законности и установленного порядка уголовного судопроизводства на досудебных стадиях. При этом он не просто следит за строгим соответствием каждого процессуального действия и решения органов предварительного расследования и их должностных лиц процессуальной форме, но и, что особо важно, обеспечивает единообразное понимание и неукоснительное соблюдение основополагающих принципов уголовного судопроизводства.

Очевидно, что для эффективной реализации возложенных на прокурора задач он, как минимум, должен обладать более высоким процессуально-правовым статусом, располагать большими властными полномочиями по отношению к начальнику следственного подразделения.

Поэтому считаем целесообразным сохранить за прокурором большинство тех полномочий, которыми он наделен согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству.

В то же время следует исключить и передать в ведение начальника следственного подразделения отдельные полномочия прокурора по осуществлению процессуального руководства расследованием уголовных дел (передавать уголовное дело от одного следователя другому; поручать предварительное расследование уголовного дела группе следователей, формировать ее состав и возглавлять группу следователей и другие полномочия, конкретный перечень которых подлежит серьезной проработке).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ВИД НАКАЗАНИЯ – ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Куприенко И.М.

1. В большинстве стран мира политика в области уголовных наказаний в 80-е – начале 90-х гг. XX в. склонялась в пользу альтернативных видов наказания и иных мер уголовной ответственности в противовес тюремному заключению. Это тенденция, прослеживаемая во всех принятых международным сообществом документах в области уголовного правосудия, в которых тюремное заключение рассматривается как исключительная мера наказания в отношении тех преступников, для которых другие принудительные меры воздействия не эффективны.

2. Современный этап развития национального законодательства также характеризуется отказом от чрезмерной репрессивности в сфере применения наказаний, что одновременно предполагает усиление защитных (охранительных) составляющих иных видов наказания, не связанных с изоляцией осужденных от общества. К сожалению, введение альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности существенно не повысило их эффективность в качестве альтернативы лишению свободы.

3. Очевидно, что развитие альтернативных видов наказания и иных мер уголовной ответственности следует понимать как совершенствование правового регулирования практики их исполнения и отбывания в целях обеспечения эффективного достижения целей уголовной ответственности.

4. Успешно применяемой санкцией в странах Европы считается наказания в виде общественных работ. Во многих государствах данный вид наказания занимает третье место в списке альтернатив тюремному заключению после штрафов и probation.

Вместе с тем внедрение общественных работ в качестве наказания без учета сущности этого наказания и необходимых механизмов организации их принудительного исполнения в ряде стран (Венгрия, Чехия) привело практически к полному их отмиранию.

5. Положительный опыт системного и поэтапного применения наказания в виде общественных работ можно проследить на примере Финляндии и Латвии.

В Финляндии с середины 60-х гг. XX в. целью политики в области уголовного правосудия явилось решительное сокращение применения тюремного заключения посредством введения новых альтернативных санкций. В 1994 году был реализован пилотный проект в четырех судебных округах Финляндии по применению общественных работ. Задача проекта сводилась к тому, чтобы общественные работы применялись только в качестве замены тюремного заключения на срок до восьми месяцев. Поэтому судья должен был выполнять процедуру, состоящую из двух этапов. Сначала судья должен был принять решение о наложении наказания за преступление, не рассматри-

вая возможность назначения общественных работ в качестве альтернативной меры. Затем, если наказание определялось в виде тюремного заключения на срок до восьми месяцев и при согласии осужденного выполнять общественные работы (при условии, что он ранее он не подвергался неоднократно наказанию в виде лишения свободы), такому осужденному судья мог назначить наказание в виде общественных работ. Если осужденный не соблюдал требований, предъявляемых к выполнению общественных работ, суд обычно принимал решение о замене этого вида наказания тюремным заключением. Только после оценки такой практики применения общественных работ это наказание было предусмотрено в УК в качестве самостоятельного.

В Латвии общественные работы сегодня могут назначаться по 87 видам преступлений из 496, предусмотренных УК Латвии. Нарушение порядка и условий отбывания данного наказания влечет за собой тюремное заключение, при котором 8 часов общественных работ приравниваются к одному дню тюремного заключения.

6. Практика применения данного наказания показала, что эффективность исполнения общественных работ невозможна без хорошо организованного механизма принудительного обеспечения исполнения общественных работ. Уязвимость контролируемого исполнения данного наказания предполагает, что до того как это наказание будет назначаться самостоятельно, его шире следует внедрять в качестве дополнительной санкции в систему применения таких мер уголовной ответственности, как осуждение с отсрочкой исполнения наказания, условным неприменением наказания и осуждения без назначения наказания.

ПРАВИЛА ОЦЕНКИ СУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА КАК КРИМИНООБРАЗУЮЩЕГО ПРИЗНАКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Лосев В.В.

Очевидно, что, несмотря на все отрицательные моменты использования оценочных признаков в законодательной технике и справедливую критику как со стороны теоретиков, так и со стороны правоприменителей, «существование оценочных понятий в законе неизбежно». Задача науки, как отмечает В.Н. Бибило, рассматривая проблему судебного усмотрения, состоит в том, чтобы выработать надежные критерии оптимального соотношения в законе формально определенных и оценочных понятий, добиться, чтобы одни и те же оценочные понятия однозначно толковались, а также чтобы терминологически и понятийно они совпадали с явлениями, которые отражают.

В связи с использованием в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) оценочных признаков, в том числе при определении общественно опасных последствий, одними из наиболее проблемных для применения

являются нормы гл. 35 УК «Преступления против интересов службы». В ст.ст. 424–426 УК, которые предусматривают уголовную ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями, бездействие должностного лица и превышение власти или служебных полномочий, сформулированы материальные составы преступлений. В качестве альтернативных обязательных признаков основного состава они, наряду с причинением имущественного ущерба в крупном размере, включают наступление таких последствий, как существенный вред правам и законным интересам граждан либо существенный вред государственным или общественным интересам. Исключение составляют только два варианта преступного поведения должностных лиц: бездействие, сопряженное с попустительством преступлению, и превышение власти с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств, признаваемые преступлениями независимо от причинения вреда.

Понятие «существенный вред» относится к оценочным признакам состава преступления, вследствие чего установление его содержания представляет значительную сложность. Четких критериев разграничения существенного и незначительного вреда, т. е. преступного и не преступного поведения должностного лица, нет, что на практике приводит к неоправданному расширению уголовной репрессии. Поэтому к указанной проблеме все чаще обращаются как теоретики, так и практики.

Следует признать обоснованным высказанное в литературе предложение при определении содержания понятия «существенный вред» идти по пути формирования примерного (ориентирующего) перечня обстоятельств, которые могут быть признаны существенным вредом как криминообразующим признаком преступлений против интересов службы, предусмотренных ст.ст. 424–426 УК (далее – «примерный перечень»).

Для его формирования можно предложить следующие правила и ограничения, призванные не допустить необоснованного включения в «примерный перечень» обстоятельств, которые либо вовсе не могут признаваться общественно опасными последствиями, либо не являются существенным вредом.

1. В «примерный перечень» следует включать лишь общественно опасные последствия. Создание опасности как возможность наступления вреда, являющееся само по себе действием, не может быть признано последствием – как материальным, так и нематериальным. Н.А. Бабий, обоснованно относя составы создания опасности к формальным, отмечает, что «опасность и последствия исключают друг друга, существование одного из этих явлений означает отсутствие другого явления. Констатация наличия опасности – это констатация отсутствия последствий». Поэтому не может быть признано общественно опасным последствием предлагаемое в литературе для включения в примерный перечень проявлений существенного вреда от злоупотребления сотрудником таможни служебными полномочиями действие, создающее опасность – «вовлечение в торговый оборот несертифицированных товаров, товаров, не отвечающих требованиям безопасности».

2. В самом уголовном законе определено, что существенным вредом в составах преступлений против интересов службы признается совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий преступления, не названного в гл. 35 УК (ч. 1 примечаний к гл. 35 УК). Ключевым здесь является термин «преступление». Тем самым совершение должностным лицом с использованием своих служебных полномочий административного или дисциплинарного правонарушения, равно как создание условий для их совершения, сокрытие таких проступков и неприятие мер по привлечению виновного к административной или дисциплинарной ответственности не может быть признано существенным вредом. При отсутствии других общественно опасных последствий такое противоправное поведение не может влечь уголовной ответственности. Однако в литературе уже предлагается считать существенным вредом «грубое нарушение норм нетарифного регулирования» (что является действием, а не последствием) либо если «посредством злоупотребления ... были сокрыты ... административные правонарушения».

3. Учитывая названное выше законодательное положение (ч. 1 примечаний к гл. 35 УК), нельзя признавать существенным вредом, к примеру, от злоупотребления служебными полномочиями совершение этим же лицом другого должностного преступления – получения взятки. Получение взятки должностным лицом за совершенное им злоупотребление служебными полномочиями квалифицируется как самостоятельное преступление и не может быть само по себе существенным вредом (в виде подрыва авторитета) другого преступления – злоупотребления служебными полномочиями. Нельзя отрицать, что получение взятки подрывает авторитет: но, во-первых, подрывает авторитет должностного лица, ее получившего, а не всей организации, где оно работает, и, во-вторых, получение взятки не может быть криминаобразующим признаком злоупотребления служебными полномочиями.

4. Не имеет смысла признавать существенным вредом (что подразумевает его неимущественный, в отличие от ущерба в крупном размере, характер) тот вред, который, по сути, является имущественным. Если ущерб может быть четко определен в рублевом исчислении и соотносен с размером базовой величины на день его причинения, оценка существенности вреда здесь не нужна. Формализованный критерий криминаобразующего признака «ущерб в крупном размере» законодательно определен в ч. 2 примечаний к гл. 35 УК. Именно имущественным ущербом, а не, как предлагается, существенным вредом следует считать «вред от злоупотребления сотрудником таможни, который оформил товар в режиме ложного транзита через границу с целью освобождения его собственника от уплаты таможенных платежей в крупном размере». Это прямой ущерб бюджету государства в размере неуплаченных таможенных платежей.

5. В самом уголовном законе заложен ориентир: существенным вредом в ст.ст. 424–426 УК может быть признан и тем самым включен в «примерный перечень» вред, соотносимый по своей общественной опасности с имущественным ущербом в крупном размере (сумма в 250 и более раз превышающая

базовую величину), поскольку эти понятия перечисляются в одном ряду последствий. Тем самым видится не совсем оправданным высказанное предложение дополнить примечание к гл. 35 УК указанием на то, что «существенный вред охраняемым уголовным законом интересам не может составлять менее 100 базовых величин, правам и законным интересам граждан с учетом их имущественного положения — менее 30 базовых величин».

6. Нежелательно определять оценочный признак, используя оценочные понятия. Вместе с тем, поскольку этого избежать вовсе невозможно, применять их следует взвешенно, не размывая еще больше границы определяемого понятия «существенный вред». Включаемое в «примерный перечень» обстоятельство не должно быть излишне широким.

Разработка подобных правил должна быть продолжена. Их соблюдение позволит уменьшить количество ошибок при применении уголовного закона. Вместе с тем проблема составления «примерного перечня» — комплексная. Поскольку самыми различными могут быть проявления общественно опасных последствий должностных преступлений, потребуется привлечение специалистов и иных отраслей знаний — экономистов, политологов и т. д. Сформированный с учетом предложенных правил и ограничений «примерный перечень» с различной степенью обобщения может быть закреплён как в самом тексте УК, так и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, а также приведен в научной литературе для использования в практике правоприменения.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Маркова О.В., Яскевич А.В.

История становления и развития рыночных отношений в экономике Европы, России и Беларуси, кредитно-финансовой сферы и банковской системы свидетельствует, что наряду с позитивными процессами все этапы реформ сопровождаются негативными явлениями и тенденциями, порождающими экономическую преступность.

Проблема банковской преступности всегда находилась в поле зрения ученых разных специальностей (экономистов, социологов, криминологов и т. д.). В основном внимание уделялось проблемам теневой экономики и коррупции, выявлению схем и способов совершения финансовых махинаций в банковской сфере, изучению социальной базы формирования экономической преступности.

Вместе с тем анализ содержания специальной литературы по рассматриваемой проблематике позволяет сделать вывод о необходимости формиро-

вания новых концептуальных основ и совершенствования имеющихся методик выявления и расследования преступлений в сфере банковской деятельности. Изучение практики расследования и предупреждения преступлений в банковской системе показывает, что они обладают особенностями, которые не учитываются в большинстве методических рекомендаций, что в свою очередь приводит к снижению эффективности следственной и оперативной работы по преступлениям рассматриваемой категории.

Представляется, что банковскую преступность необходимо рассматривать и как односложное явление, и как результат синтеза криминальных тенденций сращивания экономической и общеуголовной преступности. В этом плане весьма показательны такие виды преступлений, как изготовление либо сбыт поддельных платежных средств; невозвращение из-за границы валюты; незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями; подлог проспекта эмиссии ценных бумаг и другие.

Также весьма плодотворным для сотрудников оперативных подразделений и предварительного расследования является более глубокое изучение банковского законодательства, что дает возможность глубже понять саму систему, особенности возникающих в ее недрах общественных отношений, содержание позитивных и негативных действий персонала в различных ситуациях. Помимо этого, существует реальная возможность не только определить рамки и границы правового поля, но и вычленив отдельные слабые звенья в законодательстве, которыми могут воспользоваться лица, серьезно готовящиеся обойти или скрытно нарушить закон в преступных целях.

Вместе с тем в силу подвижности (изменяемости) экономических условий функционирования банков, появления фактов временного, зачастую субъективного характера законодательство не может оперативно на них реагировать. В этих случаях без ведомственного нормотворчества нельзя обойтись. Благодаря своевременному реагированию на изменяющуюся экономическую ситуацию путем издания приказов, инструкций, правил многие возможности совершения противоправных деяний для потенциальных преступников оказываются закрытыми.

Следует также отметить, что в отличие от других сфер экономической деятельности банковская система как объект преступных посягательств рассматриваемой направленности имеет ряд особенностей. Во-первых, банковские учреждения представляют собой, в силу специфики деятельности, довольно закрытые кредитно-денежные структуры, располагающие к тому же конфиденциальной информацией, которая может составлять банковскую тайну. Во-вторых, во многом по этой причине, сотрудники правоохранительных органов не имеют прямого доступа ко всем операциям и документам банка, что ограничивает возможности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В-третьих, банковские учреждения имеют собственные службы безопасности, и неизбежно возникает необходимость не столько взаимодействия с ними (на это они идут неохотно по указанным выше и другим причинам), сколько контроля их деятельности. Помимо указан-

ных обстоятельств, необходимо учитывать особую «непроницаемость» (непрозрачность) коммерческих банков.

Для банковской системы характерно постоянное присутствие различных рисков, которые неизбежны в силу совершаемых операций с огромными денежными средствами. Несмотря на то что их «поток» имеют как бы встречный, обоюдный характер (деньги выдаются, но деньги и собираются), необходимость выдачи физическим и юридическим лицам ссуд, кредитов, субсидий, инвестиционных вложений в развитие экономики, ее отдельных отраслей и направлений обуславливает риск несвоевременного возврата или вовсе невозврата выданных средств. Банковские риски, таким образом, могут являться ориентиром для сотрудников правоохранительных органов при предупреждении, выявлении и расследовании латентных преступлений, совершаемых в сфере банковской деятельности.

При расследовании таких преступлений особое значение имеют элементы структуры этих преступлений, а именно: обстановка их совершения, способы совершения, следовоспринимающие документы или электронные массивы информации, личность преступников.

Сама обстановка совершения правонарушений в сфере банковской деятельности складывается из разнообразных факторов. Многие из них либо способствуют, либо не оказывают должного заслона совершению противоправных деяний. Однако видится, что определяющим в разработке методики расследования преступлений данной категории является способ совершения этих преступлений. Именно выявление способа совершения противоправного деяния позволяет быстро устранить, изобличить виновных и выяснить обстоятельства предмета доказывания, найти материальные и идеальные отбрасывания содеянного. Обусловленность криминальных деяний постоянно действующими факторами приводит к повторяемости способов, в результате чего выявляются типичные из них, что позволяет выработать соответствующий алгоритм действий сотрудников правоохранительных органов в типичных оперативно-розыскных и следственных ситуациях, а также предложить каталог тактических рекомендаций по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых в банковской сфере.

Весьма важным для расследования является то, что все элементы криминалистической структуры рассматриваемых противоправных деяний находятся в тесной взаимосвязи, которые можно разделить на три вида: однозначные, альтернативно-однозначные и вероятностные. Соотношение того или иного вида закономерной связи между элементами криминалистической структуры, способствует более полному и эффективному расследованию преступлений.

Результаты исследования криминалистической структуры преступлений в банковской сфере позволяют решить триединую задачу: во-первых, понять природу конкретного преступления; во-вторых, из анализа одинаковых преступлений выделить, сгруппировать и осмыслить характерные групповые признаки; на этой основе, в-третьих, выработать рекомендации организационно-

тактического характера, подойдя вплотную к моделированию следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в типичных ситуациях. Это, в свою очередь, дает возможность определить оптимальные пути и средства выявления признаков преступлений в банковской сфере, разработать на этой основе типовые организационные, методические и тактические решения.

О КВАЛИФИКАЦИИ ПОПУСТИТЕЛЬНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Марчук В.В.

1. Положения ч. 2 ст. 425 УК дают основание определить попустительством как умышленное невоспрепятствование должностного лица готовящемуся или совершаемому преступлению при условии, что данное должностное лицо в соответствии с его полномочиями обязано было и могло это сделать. При этом должностное лицо должно руководствоваться корыстной или иной личной заинтересованностью. Попустительство преступлению является одним из вариантов бездействия должностного лица. Однако при квалификации попустительства не требуется наступления последствий в виде причинения ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан, государственным или общественным интересам.

2. Обязанность совершать по службе действия, направленные на воспрепятствование готовящемуся или совершаемому преступлению, относится непосредственно к компетенции представителей власти, проходящих государственную службу в правоохранительных органах. Например, согласно ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», каждый сотрудник органов внутренних дел на всей территории Республики Беларусь независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени в случае обращения к нему должностных лиц и других граждан с заявлением или сообщением о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, либо в случае непосредственного выявления таковых обязан принять возможные меры по пресечению преступления, установлению и задержанию лиц, совершивших преступление.

Необходимость воспрепятствования готовящемуся или совершаемому преступлению вытекает и из служебных обязанностей должностных лиц, осуществляющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Так, в соответствии с трудовым законодательством уполномоченное должностное лицо нанимателя при организации труда работников обязано обеспечивать здоровые и безопасные условия труда на каждом рабочем месте, осуществлять постоянный контроль за уровнями опасных и вредных производственных факторов, обеспечивать сохранность имущества нанимателя и т. д. Формы воспрепятствования в зависимости от характера начавшегося преступления и компетенции соответствующего должностного лица в таких случаях могут быть самыми разными (принятие реше-

ния о временном приостановлении производства работ, отстранение работника, задержанного по месту работы в момент совершения хищения, от работы и т. п.). Обязанность противодействовать не исключает применения должностным лицом принудительных мер, необходимых для задержания лица, совершающего преступление, в рамках реализации права на захват, предоставленного гражданам ст. 109 УПК.

3. Formой воспрепятствования может быть сообщение в правоохранительные органы о готовящемся или совершаемом преступлении. В некоторых случаях такого рода обязанность непосредственно возлагается на должностное лицо соответствующим нормативным правовым актом. Следует отметить, что ч. 2 ст. 406 УК возлагает на любое лицо, находящееся в сфере уголовной юрисдикции Республики Беларусь, обязанность сообщать в правоохранительные органы о достоверно известном готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении. Если реализация достоверно готовящегося преступления указанных категорий предполагается в сфере деятельности организации, в которой должностное лицо выполняет свои функциональные обязанности, то недонесение им о таком готовящемся преступлении охватывается попустительством преступлению и не требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 406 УК. Однако если должностное лицо, действуя вопреки интересам своей службы, сознательно, руководствуясь, например, личной заинтересованностью, не сообщило в уполномоченные органы о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении, которое имело место за пределами сферы деятельности организации, то не исключается квалификация по совокупности преступлений: недонесение о преступлении (ч. 1 ст. 406 УК) и бездействии должностного лица. При этом факт недонесения в рамках уголовно-правовой оценки бездействия должностного лица следует признавать существенным вредом. Квалификация по совокупности преступлений исключается, если со стороны действующего вопреки интересам службы должностного лица имело место недонесение о совершенном преступлении другой категории.

4. Попустительство совершению преступления должно быть заранее не обещанным. Если попустительство было заранее обещанным со стороны должностного лица, то оно квалифицируется по совокупности как бездействие должностного лица и соучастие (в виде пособничества) в совершении соответствующего преступления.

5. Правовая оценка поведения должностного лица, бездействовавшего во исполнение приказа или распоряжения своего руководителя (начальника), которое было сопряжено с попустительством преступлению либо повлекло наступление соответствующих вредных последствий, должна осуществляться на основании положений ст. 40 или ч. 3 примечаний к гл. 37 УК. Вместе с тем следует иметь в виду, что посредственное причинение в таких случаях возможно при условии, если бездействующее по приказу или распоряжению должностное лицо в рамках служебных отношений находилось в субординационной зависимости от лица, отдавшего незаконный приказ или распоряжение. Кроме того, при расследовании такого рода дел следует учитывать, что в системе строгого слу-

жебного подчинения должна соблюдаться определенная процедура разрешения сомнений по содержанию поступившего приказа. Например, п. 5 Дисциплинарного устава должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь предписывает, что должностное лицо в случае сомнения в правомерности полученного им для исполнения приказа обязано незамедлительно сообщить об этом в письменной форме непосредственному начальнику, начальнику, отдавшему приказ, или вышестоящему начальнику. Если непосредственный начальник, а в его отсутствие вышестоящий начальник, подтверждает этот приказ, должностное лицо обязано его исполнить, за исключением случаев, когда исполнение приказа является административным правонарушением или преступлением. Ответственность за исполнение должностным лицом неправомерного приказа несет письменно подтвердивший этот приказ начальник.

6. Практический интерес представляет уголовно-правовая оценка бездействия государственного должностного лица, в служебные обязанности которого входит совершение действий по выявлению и раскрытию преступлений. Сознательное неприятие должностным лицом мер по выявлению и раскрытию преступлений является грубейшим нарушением законности (неприятие мер ответственным должностным лицом по регистрации заявления о совершенном преступлении; неприятие должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, мер по задержанию преступника, уклонение от выполнения обязанностей по собиранию и установлению фактических обстоятельств дела и др.). Сознательное заранее не обещанное бездействие должностного лица по выявлению и раскрытию совершенного преступления ставит его в один ряд с укрывателями преступлений, в том числе тяжких или особо тяжких преступлений. Вместе с тем дополнительной квалификации по ст. 405 УК в данном случае не требуется. В ст. 405 УК предусмотрена ответственность за физические активные по своему характеру действия виновного лица, направленные на сокрытие тяжкого или особо тяжкого преступления (предоставление преступнику транспортного средства, обеспечение поддельными документами, сокрытие орудий совершения преступления и т. п.). В таком случае содеянное охватывается ст. 425 УК.

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Мельничук К.В.

Знание истории российского уголовного законодательства – необходимое условие формирования наиболее четкого представления о современном уголовном законе и основных направлениях его совершенствования.

Ведущими источниками уголовного права Древней Руси являлись обычай, международные договоры, Церковные Уставы Великих князей, Русская

Правда, Кормчая книга. Регулируя социальные отношения посредством установления уголовно-правовых норм, представленные акты составляли стройную юридическую систему.

Дальнейшее развитие норм об ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних связано с изданием Уложения царя Алексея Михайловича – Соборного Уложения 1649 г. В тексте Уложения присутствует значительное число установлений, «ограждающих интересы малолетних».

Законодательная деятельность во времена царствования Петра I в области уголовного права носила более интенсивный характер и привела к появлению некоторых уголовно-правовых норм, закрепленных в Воинском (1716 г.) и Морском артикулах (1720 г.). Артикулы Петра I содержали ряд новых решений вопросов ответственности за преступления против детей.

Материальные, имущественные интересы несовершеннолетних, находившихся под опекой, в первую очередь несовершеннолетних дворянского и иных обеспеченных сословий, также волновали государство. Впервые идея ответственности опекунов была озвучена в Именном Указе 1796 г. «О допущении малолетних к апелляции...»

Существенным шагом вперед в развитии уголовного права явилось принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Первые упоминания о действиях взрослого лица, связанных с вовлечением несовершеннолетнего в преступление, встречаются именно в Уложении (ст. 147): «когда доказано, что несовершеннолетний вовлечен в преступление другим совершеннолетним, то мера следующего ему наказания может, по усмотрению суда, быть уменьшена одной или двумя степенями, но, однако же, без изменения рода определенного законом за то преступление наказания». Она, по существу, явилась своеобразной законодательной моделью, прообразом ныне действующей уголовно-правовой нормы. Этот вывод подтверждается результатами сравнительного анализа ст. 147 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и ст. 150 УК. Сегодня законодатель косвенно определил правовое основание рассматриваемого состава, а именно: деяние – «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», субъект – «совершеннолетний», потерпевший – «несовершеннолетний», а также назвал способы совершения преступления: обещание, обман, угрозы или иной способ.

Революция 1917 г. и гражданская война привели к ослаблению государственного контроля во всех сферах общественной жизни. 4 марта 1920 г. был принят декрет СНК РСФСР «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», в соответствии с которым была разработана и утверждена постановлением Наркомпроса, НКЗдрава и НКЮ «Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних», которая возлагала на комиссии обязанность привлекать к судебной ответственности взрослых лиц (ст. 14).

В УК РСФСР 1922 г. статьи, устанавливающей уголовную ответственность взрослых лиц за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, не было.

В 1926 году был принят новый УК РСФСР, который декриминализировал норму об уголовной ответственности взрослых лиц за вовлечение несовершеннолетних в проституцию и установил уголовную ответственность родителей за принуждение детей к занятию нищенством (ч. 2 ст. 158 УК РСФСР 1926 г.). Из всех деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность, УК РСФСР 1926 г. преступным признавал только одно – принуждение детей к занятию нищенством. Такая ситуация существовала до середины 30-х гг. и кардинально изменилась с принятием постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», а в 1936 году УК РСФСР был дополнен нормой, в которой говорилось об ответственности за подстрекательство несовершеннолетних и понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством.

В Постановлении СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», вызванном обстановкой военного времени, обращалось внимание на лиц, провоцирующих указанное поведение несовершеннолетних.

Дальнейшее развитие в уголовном законодательстве, связанное с ответственностью за вовлечение несовершеннолетних в преступления и антиобщественную деятельность, произошло в связи с принятием нового УК РСФСР, который 27 октября 1960 г. был утвержден Верховным Советом РСФСР. В Кодексе в ст. 210 была предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Содержание этой статьи имело ряд преимуществ по отношению к предшествовавшим ей уголовно-правовым нормам. В частности, для описания рассматриваемого общественно опасного деяния законодатель применил понятие «вовлечение», наделив его весьма широким смысловым значением. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1965 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР» редакция ст. 210 была изменена. С 19 июля 1965 г. объективная сторона рассматриваемого состава преступления указывала также на вовлечение несовершеннолетних в пьянство и склонение их к употреблению наркотических веществ.

В 1974 и 1987 годах Указами Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР» в УК РСФСР 1960 г. были криминализированы такие социальные явления, как вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, влекущих одурманивание, и склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств нашло свое отражение в УК РФ, принятом в 1996 году и вступившем в силу с 1 января 1997 г. УК РФ содержит самостоятельную главу: «Преступления против семьи и несовершеннолетних». УК РФ предусматривает несколько составов преступлений, которые охраняют несовершеннолетних от вовлечения их в

совершение преступлений или антиобщественных действий: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ). Необходимо уточнить, что с момента вступления в силу действующего УК РФ (01.01.1997) и до настоящего времени в УК РФ внесен ряд изменений. Эти изменения коснулись и интересующих нас норм, направленных на защиту интересов несовершеннолетних и семьи от преступных посягательств. В основном изменения коснулись ст. 151 УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий. Первоначально ответственность по ст. 151 УК РФ (в редакции 1996 г.) наступала за «вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством». Кроме того, для наступления ответственности по ч. 3 ст. 151 УК РФ одним из квалифицирующих признаков являлась систематичность совершения данного преступления.

В соответствии с ФЗ от 8 декабря 2003 г. в ст. 151 УК РФ были внесены значительные изменения: исключено из данной статьи занятие проституцией и включено в качестве квалифицирующего признака в ст. 240 УК РФ; внесено изменение, прямо указывающее на возраст субъекта данного преступления, — «совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Кроме того, ст. 151 УК РФ дополнена примечанием, раскрывающим основания и условия освобождения от уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством.

Также на основании ФЗ № 211 от 24 июля 2007 г. в ч. 4 ст. 150 УК РФ был включен еще один квалифицирующий признак вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления: «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Таким образом, деяния, запрещенные в ст. 150 и 151 УК РФ, — вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений и иных антиобщественных действий — наиболее широкое развитие и законодательное закрепление получили лишь в УК РСФСР 1960 года. До наших дней они дошли, несколько видоизменившись с учетом времени и развития общества. Однако их социальное предназначение — защита интересов нравственного развития подрастающего поколения, воспрепятствование распространению подростковой преступности, дисциплинирование лиц, ответственных за воспитание детей, — осталось неизменным. Все это еще раз показывает нам актуальность и необходимость более детального исследования темы ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность.

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ШТРАФА ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Моисеева И.А.

23 декабря 2010 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко своим Указом № 672 утвердил Концепцию совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Одними из основных задач Концепции названы: более широкое применение средств материального воздействия на лиц, совершивших преступления, и дальнейшее расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний.

В Концепции отмечается также, что современные социальные условия позволяют сделать штраф наиболее приемлемой альтернативой лишению свободы.

Более широкое использование судами штрафа как альтернативы лишению свободы рекомендовано также международными нормативно-правовыми актами, например, Минимальными стандартными правилами ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990).

К преимуществам штрафа как уголовного наказания можно отнести: максимальную индивидуализацию наказания; возможность применения стимулирующих мер; небольшие расходы на исполнение наказания; уменьшение числа лиц, отбывающих реальное лишение свободы; исключение контакта впервые осужденных с закоренелыми преступниками; доходность для государственного бюджета.

В соответствии со ст. 50 Уголовного кодекса Республики Беларусь, размер штрафа устанавливается в пределах от тридцати до одной тысячи базовых величин.

Концепцией предлагается расширить применение штрафа в качестве основного и дополнительного наказаний, в частности, за преступления против порядка осуществления экономической деятельности (п. 16.5 Концепции). Несомненно, умелое применение штрафа способно оказывать весьма серьезное превентивное воздействие, а неблагоприятные имущественные последствия делают невыгодным совершение такого рода преступлений.

В гл. 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь преступное поведение от непроступного может отграничиваться криминообразующим количественным порогом, который выражен в конкретных денежных суммах, предусмотренных:

– в примечании к гл. 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (для 9 статей: ст. 226-1 «Незаконное использование либо разглашение сведений, внесенных в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг», ст. 227 «Подлог проспекта эмиссии ценных бумаг», ст. 232 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», ст. 234 «Лжепредпри-

нимательство», ст. 239 «Соккрытие экономической несостоятельности (банкротства)», ст. 240 «Преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство)», ст. 241 «Препятствование возмещению убытков кредиторам», ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности», ст. 255 «Разглашение коммерческой тайны»;

– в примечаниях конкретных статей Уголовного кодекса (для 6 статей: ст. 225 «Невозвращение из-за границы валюты», ст. 228 «Контрабанда», ст. 231 «Уклонение от уплаты таможенных платежей», ст. 233 «Незаконная предпринимательская деятельность», ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов», ст. 257 «Обман потребителей»).

В соответствии с примечанием к главе 25 крупным размером (сделкой, ущербом, доходом (наживой) в крупном размере) в статьях настоящей главы признается размер (сделка, ущерб, доход (нажива)) на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным размером (сделкой, ущербом, доходом в особо крупном размере) – в тысячу и более раз превышающую размер такой базовой величины.

В некоторых случаях содеянное является преступлением, если:

– сумма невозвращенной валюты превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (ст. 225);

– стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров и ценностей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (ч. 1 ст. 228);

– сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в две тысячи раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (ст. 231);

– доход от незаконной предпринимательской деятельности в тысячу и более раз превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (ст. 233);

– уклонение от уплаты сумм налогов, сборов повлекло причинение ущерба, в тысячу и более раз превышающего размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (ст. 243).

Сопоставление приведенных выше положений друг с другом приводит к выводу о том, что потребуется дополнительное вменательство в Уголовный кодекс Республики Беларусь с целью корректировки размера штрафа, который может быть назначен лицу за совершение преступления против порядка осуществления экономической деятельности. В противном случае может получиться ситуация, когда совершение менее тяжкого преступления, каковыми и являются упомянутые выше ст.ст. 225, 228, 231, 233, 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которые подразумевают наличие ущерба, превышающего в тысячу (ст.ст. 233, 243) или даже две тысячи раз (ст.ст. 225, 228, 231) размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, будет наказуемо штрафом в размере до одной тысячи базовых величин.

Еще одной из задач Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 23 декабря 2010 г. № 672, является обеспечение прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, возмещение причиненного преступлениями ущерба (вреда).

Штраф, назначенный по приговору суда за любое из преступлений, предусмотренных Особенной частью УК, взыскивается в государственный бюджет. Потерпевшие же по уголовному делу могут получить материальную компенсацию имущественного и морального вреда только в порядке разрешения судом гражданского иска в рамках уголовного дела либо в рамках гражданского судопроизводства после вынесения обвинительного приговора судом. Результатом такого порядка судопроизводства становится то, что в абсолютном своем большинстве потерпевшие не могут возместить причиненный им вред в полном объеме.

Поэтому целесообразно, на наш взгляд, назначать штраф в качестве основного наказания за преступления против порядка осуществления экономической деятельности лишь после того, как лицо, виновное в совершении преступления, полностью загладило причиненный потерпевшему вред. Именно такой подход способствовал бы реальному восстановлению нарушенных общественных отношений.

В целом, назначение наказания в виде штрафа за преступления, совершенные против порядка осуществления экономической деятельности, представляется весьма разумным шагом, так как лицо, совершившее такого рода уголовно-наказуемое деяние, обеспечивает доходность для государственного бюджета, оставаясь при этом на свободе и продолжая трудовую деятельность. Кроме того, это способствовало бы сохранению уровня дохода семьи осужденного, а также служило бы дополнительным источником пополнения бюджета за счет уплаты текущих налогов лицом, остающимся на свободе.

КАКИМ СТАЛ УКРАИНСКИЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ЗА ДЕСЯТЬ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ

Навроцкий В.А.

В этом году миновало десять лет со дня принятия (5 апреля 2001 г.) и введения в действие (1 сентября 2001 г.) действующего Уголовного кодекса Украины. Кодификация уголовного законодательства Украины состоялась позже завершения аналогичных процессов в других постсоветских государствах. Это давало возможность учесть их опыт, не повторять ошибки и, в целом, подготовить кодифицированный уголовный закон на более высоком уровне.

Очевидно, в должной мере это не удалось. Свидетельством этому являются многочисленные изменения и дополнения УК Украины. Если бы УК Украины по состоянию на момент завершения работы над ним был вполне

совершенен, имел достаточный запас прочности, то не потребовались бы, и даже стали невозможными, новеллы УК, многие из которых в свою очередь подверглись модернизации.

В Украине было уделено немалое внимание подведению своеобразного отчета о первых десяти годах действия УК 2001 г. Проведены два масштабных научных форума – 23–24 сентября во Львовском государственном университете внутренних дел проходил Международный симпозиум «Уголовный кодекс Украины: 10 лет ожиданий» (это ежегодное мероприятие, посвященное годовщине УК Украины, состоялось уже в десятый раз), а 13–14 октября 2011 г. в Национальном университете «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого» (г. Харьков) состоялась Международная научно-практическая конференция «10 лет действия Уголовного кодекса Украины: Проблемы применения, усовершенствования и дальнейшей гармонизации законодательства европейских государств». В них приняли участие ведущие украинские криминалисты и наши коллеги из России, Беларуси, Польши, Германии, ряда других государств. Состоялся и ряд более локальных мероприятий.

Можно констатировать изменение тона выступлений участников этих мероприятий по сравнению с аналогичными докладами десятилетней давности. Тогда была обстановка эйфории по поводу завершения затянувшейся кодификации и появления долгожданного УК, который, как все ожидали, будет избавлен от болячек ранее действовавшего уголовного законодательства с его нестабильностью, наличием множества источников, бессистемностью, нечеткостью терминологии, несогласованностью с нормативно-правовыми актами иных отраслей и т. п. Сейчас же преобладал тон озабоченности, главным образом, по поводу изменений и дополнений в УК Украины, многие из которых разрушают более-менее установившуюся стабильность в сфере уголовного права. Поэтому выступления и кулуарные дискуссии носили отнюдь не ритуальный характер, а вылились в скрупулезное обсуждение состояния украинского уголовного права, носили характер оценки УК Украины с учетом его развития, содержали тревогу по поводу его дальнейшего развития.

Поводов для не вполне праздничного настроения у украинских криминалистов есть немало. Ведь УК Украины 2001 г. за десять прошедших лет подвергся изменениям, которые во многом и многими оцениваются неоднозначно из-за их многочисленности, несогласованности с устоявшимися теоретическими постулатами, сложностью для понимания и применения. По существу, это во многом иной закон по сравнению с тем, каким он вышел из-под пера членов рабочей группы при его подготовке.

Всего за десять лет изменения в УК Украины вносились 87 законами и 2 решениями Конституционного Суда Украины. Существует устойчивая тенденция к увеличению числа изменений. Если за первые пять лет действия УК он изменялся 33 раза, то за последующие 5 лет принято уже 54 закона об изменениях уголовного закона. Большинство новелл касаются Особенной части УК: в целом изменено 24 % статей Общей части (26 статей, одной статьей эта часть дополне-

на) и 45 % статей Особенной части УК (154 статьи, в том числе 44 статьями УК дополнен, 10 статей из него исключено, включая 7 вновь введенных).

И дело не только и не столько в количестве изменений, а в их качестве. Преимущественно, к законодательной деятельности в части текущих изменений в УК не привлекаются украинские ученые, их предложения – игнорируются. Следует ли удивляться тому, что весьма часто изменения в УК не достигают поставленных целей, ибо имеет место ослабление уголовной ответственности вместо декларируемого ее усиления, и, наоборот, кажущаяся декриминализация и депенализация фактически ухудшает положения лица, устранение одних недостатков в УК ведет к появлению новых.

Нестабильность украинского уголовного законодательства обусловлена многими факторами, среди которых не последнее место занимает стремление решить важные общественные проблемы уголовно-правовыми средствами, популизм на почве криминализации и декриминализации, решение «персональных вопросов» через изменение УК. Важно иметь в виду, что фактически сфера уголовно-правовой регламентации существенно изменяется и без формальных изменений в УК в силу высокого уровня бланкетности норм уголовного права Украины.

Стоит отметить и то, что УК Украины перестал быть единственным источником уголовного закона. Ведь ст. 17 Закона Украины от 23 февраля 2006 г. «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» предусматривает, что суды при рассмотрении дел применяют Конвенцию о защите прав человека и основополагающих свобод 1950 г. и протоколы к ней и практику Европейского суда по правам человека как источник права.

Характеризуя в целом УК Украины с учетом изменений, внесенных в него за десять прошлых лет, практику применения данного закона, можно констатировать такие наиболее яркие его черты:

- он является крайне нестабильным, о чем свидетельствует количество и характер законодательных новелл;
- уголовный закон становится бессистемным, все более сложным и по форме, и по содержанию;
- имеет место расширение криминализации;
- до сих пор не проведено согласование требований международно-правовых актов и положений УК;
- уголовно-правовые нормы продолжают применяться избирательно;
- уголовный закон не принимает вызовы настоящего.

Ведь ни одно из громких уголовных дел («отравление» Ющенко, убийство Гонгадзе и т. п.) не завершилось приговором. УК не способен реагировать на проявления сепаратизма, ненасильственную узурпацию власти, масштабные разворовывания народных богатств.

Естественно, возникает вопрос о будущем уголовного закона Украины. Возможны, по меньшей мере, три пути его развития:

- дальнейшие текущие изменения;

- принятие новой редакции УК 2001 г.;
- новая кодификация.

К сожалению, ни для принятия новой редакции, ни тем более, для кодификации нет надежд. Прежде всего потому, что нет общественного и государственного «заказа», основанного на осознании потребности в более-менее кардинальных изменений в уголовном законодательстве, соответственно, нет достаточно глубоких теоретических наработок относительно модели развития отрасли. Поэтому и в дальнейшем следует ожидать таких же несистематизированных, неоправданных, неожиданных изменений.

Было бы глубокой ошибкой считать, что развитие современного украинского уголовного права характеризуется лишь негативными тенденциями. К позитиву следует отнести то, что уголовное право все же существует, к нему апеллируют государственные органы как к реальному инструменту осуществления власти, и оно остается надеждой рядовых граждан.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ИНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Осинчик Д.В.

Взрывы на массовом мероприятии в г. Минске 4 июля 2008 г. и в Минском метрополитене 11 апреля 2011 г. обусловили пристальное внимание общественности к проблеме противодействия терроризму. Причастные к ним лица – Д. Коновалов и В. Ковалев – установлены, изобличены и привлечены к уголовной ответственности. Наиболее тяжким преступлением, в совершении которого обвиняемые были признаны виновными, является предусмотренное ст. 289 (терроризм) Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Следует отметить, что в национальном законодательстве существует определенная непоследовательность в применении термина «терроризм». В упомянутой статье Уголовного кодекса он определяется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений, причинения ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации общественного порядка, либо устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности».

При этом угроза совершением этих действий уже определена как «угроза совершением акта терроризма» (ст. 290 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Наряду с этим в уголовном законодательстве предусмотрено свыше десяти составов преступлений, которые могут быть отнесены к проявлениям террористической деятельности. Например, ст. 359 вводится понятие

террористического акта, которое по своему содержанию отлично от акта терроризма и предполагает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля в отмеченных целях терроризма, за исключением устраниения населения.

В свою очередь, в ст. 124 Уголовного кодекса (террористический акт против представителя иностранного государства) цели преступления ограничены лишь провокацией международных осложнений или войны, а основное содержание преступного деяния составляют уже не только посягательство на жизнь, но и другие насильственные действия против иностранца, похищение или лишение его свободы.

В понятии «международный терроризм» (ст. 126 Уголовного кодекса) при совершении преступления на территории иностранного государства либо в отношении государственного или общественного деятеля иностранного государства интегрированы понятия «терроризм» (в значении, определенном в ст. 289), «акт терроризма» (в значении, используемом в ст. 290) и «террористический акт» (в значении ст. 359).

Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. «О борьбе с терроризмом» также не вносит ясность в вопрос о том, что же такое терроризм, акт терроризма или террористический акт. В ст. 3 этого закона при определении термина «терроризм» перечислены составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 124, 126, 289, 290, 359 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Там же в понятие «акт терроризма», помимо непосредственного совершения указанных деяний, включены: повреждение информационных систем, систем управления; посягательство на жизнь представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захват и (или) удержание заложников, похищение человека; создание опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространение угроз в любой форме и любыми средствами; совершение иных действий, создающих опасность для жизни и здоровья людей, причинения ущерба в крупном размере или наступления иных общественно опасных последствий. Причем данное определение сформулировано таким образом, что направленность на достижение целей терроризма является основанием для отнесения к актам терроризма лишь деяния, предусмотренного ст. 289 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Законом также вводится термин «террористическая деятельность», который охватывает, наряду отмеченными преступлениями, организацию незаконного вооруженного формирования, создание организации, организованной группы для совершения акта терроризма, а равно участие в таком акте, вербовку, вооружение, обучение и использование террористов, а также финансирование такой деятельности. Тем самым фактически обозначается различие между терроризмом и террористической деятельностью, которая по своему содержанию шире понятия «терроризм». Хотя под борьбой с терроризмом со-

гласно этому же закону понимается предупреждение, выявление, пресечение и минимизация последствий террористической деятельности.

Одновременно следует отметить, что в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. «О противодействии экстремизму» термины «экстремизм» и «экстремистская деятельность» употребляются как равнозначные.

Несовершенство понятийного аппарата законодательных актов, регламентирующих вопросы противодействия терроризму, влечет возникновение различных проблем в организации и осуществлении правоохранительной деятельности, может поставить под сомнение законность тех или иных действий правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений террористической направленности.

Например, для пресечения деятельности незаконного вооруженного формирования целесообразно проведение контртеррористической операции, что подразумевает введение специального правового режима в зоне ее проведения. Этим режимом предусматриваются отдельные ограничения прав граждан, в связи с чем его применение требует особой бдительности с точки зрения соответствия закону.

Вместе с тем Законом Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» определено, что данная операция представляет собой специальные мероприятия, направленные на пресечение акта терроризма. В свою очередь, организация незаконного вооруженного формирования отнесена к террористической деятельности, и пресечение его действий не всегда будет направлено на пресечение акта терроризма. Следовательно, в данном случае проведение контртеррористической операции не предусмотрено законом.

Также следует обратить внимание на отсутствие четкого законодательного определения незаконного вооруженного формирования. В ст. 286 (бандитизм) Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена ответственность за создание банды, то есть вооруженной организованной группы с целью нападения на предприятия, учреждения, организации или на граждан. Исходя из смысла ст. 287 (создание незаконного вооруженного формирования) Уголовного кодекса Республики Беларусь, банды являются одной из разновидностей данных формирований. Если их организация отнесена к террористической деятельности, что следует из Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом», то для пресечения действий банд могут применяться соответствующие правовые механизмы. Кроме того, предоставление банде финансовых средств для осуществления преступной деятельности может рассматриваться как финансирование терроризма, что образует отдельный состав преступления. Однако бандитизм во многих случаях не имеет никакого отношения к терроризму и не преследует его цели.

Существует множество других примеров непоследовательного применения в законодательстве основных понятий противодействия терроризму. Устранение этой проблемы могло бы положительно отразиться не только на качестве регулирования общественных отношений в этой сфере, но и на повышении эффективности антитеррористической деятельности в целом.

В уголовном законодательстве элементы противодействия терроризму могли бы быть реализованы более последовательно, вплоть до усиления ответственности за совершение целого ряда преступлений, если они были направлены на достижение террористических целей. Тем самым уже мог бы быть достигнут определенный профилактический эффект, хотя в целом предупреждение терроризма не столько правовая, сколько общесоциальная проблема. И законодательство должно правильно ориентировать на ее решение все заинтересованные стороны, от государственных органов до общественных объединений и граждан.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Павловец Г.А.

Безусловно, сегодня на практике для дополнительной фиксации хода и результатов следственных действий отдается предпочтение цифровым средствам, доминирующие позиции среди которых занимают фотоаппараты, видеокамеры и диктофоны. Однако, как показали данные проведенного анкетирования, наиболее распространенным способом для дополнительной фиксации является фотосъемка. Причиной тому является в большинстве своем отсутствие (или недостаточное количество) иных технических средств. Кроме того, как показывает анализ практики, в 4 % случаев лицо, проводящее следственное действие, для его фиксации использует мобильный телефон. Однако отсутствие в теории работ, посвященных правовым основам применения данных средств, становится причиной того, что субъект криминалистической фиксации сталкивается, во-первых, с проблемой выбора данного устройства в качестве средства фиксации, во-вторых, с проблемой его описания в протоколе следственного действия. Из личного практического опыта можно констатировать, что молодые сотрудники, имеющие достаточные знания в области цифровых и компьютерных технологий, тем не менее, часто не могут их применить в силу устоявшихся традиций в области научно-технических средств фиксации.

Все вышесказанное позволяет констатировать, что сегодня для повышения эффективности фиксации доказательственной информации и в целом процесса расследования уголовных дел назрела необходимость использования всего арсенала цифровых средств, что, в свою очередь, обуславливает потребность теоретического обоснования допустимости их использования. К таким техническим средствам можно отнести: мобильный телефон, сканер и графический планшет. В данной работе будут затронуты вопросы, касающиеся сканеров и графических планшетов.

В практической деятельности в ходе фиксации доказательственной информации часто возникает необходимость в получении образа плоских пред-

метов, документов, как с текстовым, так и с графическим содержанием. Традиционно для этих целей используются методы репродукционной фотографии с помощью устройств типа «Уларус-2», СБ-2, «КП-8М» и др. Современные цифровые и компьютерные технологии открыли новые возможности для простого и оперативного получения цифровых изображений данных объектов путем сканирования.

Сканер – это устройство, предназначенное для ввода текстовой или графической информации путем преобразования ее в цифровой вид для последующего использования, обработки, хранения или вывода. Существует несколько видов сканеров: ручные, листопротяжные, слайдовые, барабанные, проекционные и планшетные. Сегодня наибольшее распространение получили планшетные сканеры.

Современный планшетный сканер имеет хорошее оптическое разрешение, высокую скорость сканирования. Наличие интерфейса USB 2.0 дает возможность мгновенного переноса электронной копии на компьютер. Дополнительная функция сканера – слайд-модуль – позволяет применять сканеры в специфической роли – сканировать изображения, зафиксированные на фотографическую пленку обычным фотоаппаратом, без применения специальных слайд-сканеров. В данном случае сканирование выступает как звено фото-процесса, следующее за негативным процессом, а преобразование информации с фотопленки в цифровую форму занимает минимальное время и способствует оперативности получения твердых копий изображений.

Крышка «Z-lid» позволяет сканировать также трехмерные оригиналы, ограничивая попадание лишнего света. Оригинальная конструкция крышки «Z-lid», помимо тонких бумажных документов, позволяет сканировать объемные объекты. Крышка сканера снабжена раздвижным петлевым шарниром, который при необходимости увеличивает расстояние между ней и стеклом экспонирования. Это дает возможность разместить на стекле объемные или хрупкие оригиналы, а также уменьшить количество постороннего света, падающего в сканер во время работы.

В последние годы в экспертных подразделениях с целью регистрации отпечатков в криминалистической дактилоскопической системе АДИС используются, наряду с планшетными, электронные дактилоскопические сканеры, позволяющие осуществлять метод «живого» дактилоскопирования.

Научно-технический прогресс в этой области не стоит на месте. Подтверждением этого служит разработанный специально для криминалистических целей совместно с организациями «Industrial Research» и «Right Hemisphere» трехмерный сканер. Предназначено данное устройство для получения трехмерного изображения мест преступлений. Чтобы получить четкое изображение интересующих предметов, достаточно медленно провести сканером над нужным объектом. Если необходимо исключительно общее представление о месте преступления, без подробной детализации, устройством можно провести быстро. Для получения таких изображений сканер использует цифровую видеокамеру, совмещенную с лазером, посредством ко-

того определяется расстояние. Затем эти сигналы – видеоряд и данные о расстоянии – передаются в компьютер для последующей обработки, уровень которой можно выбрать самостоятельно, задавая большую или меньшую детализацию. Окончательный результат – трехмерная модель места происшествия, которую можно рассматривать на компьютере с разных сторон при помощи манипулятора «мышь». Преимущества такого способа фиксации даже в сравнении с видеосъемкой очевидны.

Трудно переоценить значение планов и схем для фиксации доказательственной информации. Бывают случаи, когда даже тщательно написанный протокол и многочисленные фотоснимки, выполненные по всем правилам судебной фотографии, не способны передать информацию настолько наглядно и доступно, как схема или план. Качественно составленные план или схема передают обстановку места происшествия или другого следственного действия, что способствует лучшему восприятию информации, отраженной в протоколе и на фотографиях. В своей первой работе, посвященной собиранию доказательств, Р.С. Белкин называл составление планов и схем графическим описанием, отмечая, что они «существенно дополняют, облегчают, а иногда и сокращают словесное описание объектов и действий и служат его наглядной иллюстрацией».

Результаты проведенного исследования приложений к протоколам дали основания для вывода о том, что сегодня для составления схем и планов используют исключительно ручку или карандаш. К помощи линейки прибегают не во всех случаях, тем более, если речь идет о составлении схем и планов в «полевых условиях». В большинстве своем планы и схемы составляются от руки, что, естественно, негативно сказывается на качестве таких приложений.

Безусловно, чертежи, планы и схемы выступают источником доказательственной информации. В связи с этим В.В. Бирюков считает необходимым совершенствование методики их составления. В современных условиях, по его мнению, для этих целей целесообразно использовать потенциал компьютерных технологий. В частности, он предлагает для решения этой задачи пользоваться программой «Microsoft Power Point», входящей в стандартный пакет программ «MS Office».

Однако удобство составления схем, планов, эскизов и так далее с помощью манипулятора «мышь» или тачпада (для ноутбука) сомнительно. В последнее время для этих целей в различных областях деятельности получили распространение дигитайзеры или, иначе, графические планшеты.

Дигитайзер (англ. *digitizer*) (графический планшет) – устройство, преобразующее аналоговый сигнал в дискретную цифровую форму для ввода графической информации (чертежи, графики, планы местности) в компьютер, позволяющее вводить двухмерное, в том числе и многоцветное, изображение. В состав графического планшета входит специальный указатель (перо) с датчиком. Собственный контроллер посылает импульсы по расположенной под поверхностью планшета сетке проводников. Получив два таких сигнала, контроллер преобразует их в координаты, передаваемые в компьютер. Планшете-

ты, предназначенные для рисования, обладают чувствительностью к силе нажатия пера, преобразуя эти данные в толщину или оттенок линии. Для составления схем, планов и чертежей рекомендуется использовать специальные направляющие или линейки, которыми снабжены графические планшеты. Для подключения дигитайзера обычно используется последовательный порт компьютера. Аналогичным образом работают системы для рукописного ввода информации, только рукописные буквы преобразуются в числовой вид при помощи специальной программы распознавания.

О необходимости эффективного использования планшетов в следственной деятельности высказался А.К. Коротких. Так, в частности, по его мнению, для результативного и полного осмотра на современном этапе возникла необходимость в разработке планшета нового поколения, который, наряду с другими функциями, позволит осуществить составление двух- и трехмерного плана, исключая при этом надобность в использовании специализированных чертежных средств (карандаша, линейки, циркуля и т. д.).

Таким образом, в современных условиях для повышения эффективности предварительного расследования необходимо более широко использовать весь арсенал научно-технического прогресса в области цифровых технологий для фиксации доказательственной информации. Для достижения указанной цели представляется целесообразным улучшать материально-техническую базу правоохранительных органов, разрабатывать теоретические положения организации и тактики применения цифровых средств фиксации в процессе расследования уголовных дел.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КРИТИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ

Перевалов Д.В.

В современных условиях все большую актуальность приобретает проблема обеспечения безопасности критически важных объектов (далее – КВО). В Республике Беларусь данной проблематике также придается важное значение. В частности, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, в качестве основного направления нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности предусмотрена разработка и внедрение современных методов и средств защиты информации в информационных системах, используемых в инфраструктуре, являющейся жизненно важной для страны, отказ или разрушение которой может оказать существенное отрицательное воздействие на национальную безопасность (абз. 5 п. 51, абз. 2 п. 54).

КВО обосновано могут рассматриваться как объекты, нарушение (прекращение) функционирования которых может привести к одному из следующих тяжких последствий:

- к утрате государственного управления страной или административно-территориальной единицей;

- к потере управления экономикой страны или административно-территориальной единицы;

- к необратимому негативному изменению (или разрушению) государственного управления или экономики страны или административно-территориальной единицы;

- к существенному снижению уровня безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на территории административно-территориальной единицы или страны, на длительный период времени.

Одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере обеспечения безопасности КВО является разработка правовых мер их защиты и охраны, в том числе уголовно-правовых мер.

Правовые меры обеспечения безопасности КВО могут быть определены как совокупность требований нормативных правовых актов, действующих в области функционирования и обеспечения безопасности КВО, а также действий уполномоченных юридических и физических лиц по их реализации.

В систему правовых мер обеспечения безопасности КВО представляется целесообразным включать общеправовые и специально-правовые меры. При этом общеправовые меры направлены на создание условий по обеспечению безопасности КВО и включают в себя уголовно-правовые меры.

Уголовно-правовые меры обеспечения безопасности КВО выражаются в применении положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за противоправные деяния в области обеспечения безопасности опасных производственных и иных опасных объектов, а также в некоторых других областях. В качестве таких мер могут рассматриваться следующие преступные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь: умышленное уничтожение либо повреждение имущества (ст. 218); недобросовестная охрана имущества (ст. 220); ложная экономическая несостоятельность (банкротство) (ст. 238); сокрытие экономической несостоятельности (банкротства) (ст. 239); преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство) (ст. 240); дискредитация деловой репутации конкурента (ст. 249); распространение ложной информации о товарах и услугах (ст. 250); нарушение требований экологической безопасности (ст. 265); прием в эксплуатацию экологически опасных объектов (ст. 266); непринятие мер по ликвидации последствий нарушений экологического законодательства (ст. 267); сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды (ст. 268); загрязнение либо засорение вод (ст. 272); загрязнение атмосферного воздуха (ст. 274); нарушение правил безопасности при обращении с генно-инженерными организмами, экологически опасными веществами и отходами (ст. 278); терроризм (ст. 289); угроза

совершением акта терроризма (ст. 290); нарушение правил обращения с радиоактивными материалами (ст. 325); нарушение правил обращения с сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 334); нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 336); выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 338); нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355); диверсия (ст. 360).

Важнейшей задачей уголовно-правовых мер обеспечения безопасности КВО является защита таких объектов от противоправных действий. Защите от преступных действий подлежат наиболее важные для жизнедеятельности государства объекты, противоправные действия, в отношении которых влекут, как правило, значительные общественно опасные последствия, указанные выше.

Специфической особенностью данной группы мер обеспечения безопасности КВО является то, что они защищают от преступных посягательств разнородные общественные отношения, которые возникают и длятся в сфере функционирования КВО. При этом в процессе обеспечения безопасности КВО уполномоченными государственными органами уголовно-правовые меры напрямую связаны с оперативно-розыскными. Данные группы мер, неразрывно связанные друг с другом, образуют единый и довольно специализированный механизм предупреждения, выявления и пресечения преступлений. Модели преступных деяний, заложенные в диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, которые указаны выше, позволяют строить оперативно-розыскную работу по обнаружению признаковготавливаемых преступлений.

Вместе с тем требует рассмотрения вопрос о криминализации деяний в отношении критически важных элементов КВО, которые приводят к их разрушению или повреждению, в результате чего происходит прекращение либо нарушение нормального функционирования такого объекта, влекущее наступление тяжких последствий.

К таким деяниям могут относиться следующие действия персонала КВО:

1) повреждение сетей водоснабжения (водоотведения) и сооружений на них, повлекшее нарушение или прекращение водоснабжения населения и иных потребителей либо отведение и очистку сточных вод, если они повлекли тяжкие последствия;

2) нарушение правил эксплуатации электрических или теплоиспользующих установок, систем связи или жизнеобеспечения, средств управления технологическими процессами, повлекшее гибель людей, животных, возникновение пожара или аварии на опасных производственных объектах.

Криминализация таких деяний позволит создать законченную систему уголовно-правовых мер обеспечения безопасности КВО.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ – ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ

Поляцук Н.А.

Законы и иные нормативные правовые акты должны обеспечивать реализацию поставленных целей, приводить к социально полезным результатам, а именно: упрочнению правового порядка, снижению уровня правонарушений, созданию условий для реализации прав граждан и иных субъектов права. Вместе с тем такие результаты достигаются только в случаях, когда нормативные правовые акты подготовлены на качественно высоком уровне и соответствуют всем условиям для их эффективной реализации. Недостаточно высокая эффективность уголовно-правовых средств борьбы с преступностью и коррупцией выдвинула на первый план необходимость модернизации законодательства с целью устранения из него положений, способствующих совершению преступлений. Одним из направлений в данной сфере является криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов.

Во многих государствах, в том числе и в Республике Беларусь, с учетом международно-правовых стандартов криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов уже рассматривается в качестве одного из средств противодействия преступности в целом и коррупции в частности и представляет собой одну из мер, необходимую для построения антикоррупционной системы государства, способствующую сохранению в обществе стабильности и правопорядка. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в международных актах, посвященных борьбе с преступностью и коррупцией, в той или иной степени находят свое отражение и вопросы, связанные с осуществлением криминологической (антикоррупционной) экспертизы, даже если само это понятие в них и не употребляется. Тем не менее, эти документы намечают пути к криминологической экспертизе правовых актов и их проектов как важному инструменту противодействия той опасности, которую представляют собой преступные деяния.

Необходимо отметить, что в законодательстве зарубежных государств и международных документах чаще всего употребляется более узкий термин «антикоррупционная экспертиза», в то время как в Республике Беларусь речь идет о криминологической экспертизе в целом. Антикоррупционная экспертиза так, как ее понимают в других странах, в Республике Беларусь в настоящее время рассматривается как разновидность криминологической экспертизы, одна из задач которой заключается в выявлении любых криминогенных проявлений, включая и коррупционные. Исходя из этого, по нашему мнению, антикоррупционная экспертиза может быть представлена как разновидность более широкого понятия – экспертизы криминологической. То обстоятельство, что особенно активно в различных государствах обсуждается не криминологическая, а антикоррупционная экспертиза, объясняется особым акцентом

на профилактике именно коррупционных правонарушений. Следует отметить, что в Республике Беларусь изначально проведение криминологической экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов также предусматривалось с целью исключения из них положений, создающих условия для коррупции, несмотря на то, что экспертиза, как и в настоящее время, называлась криминологической, а не антикоррупционной. Подтверждением тому служит Указ Президента Республики Беларусь от 8 января 2003 г. № 8 «Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2003 год», в котором закреплялась необходимость внесения изменений и дополнений в Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», касающихся проведения обязательной криминологической экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов.

Криминологическую экспертизу связывают с оценкой эффективности действия норм права или нормативных правовых актов в целом, однако чаще всего ее представляют как одно из средств или один из механизмов борьбы с преступностью и коррупцией. Исходя из преамбул указов Президента Республики Беларусь, посвященных криминологической экспертизе, она рассматривается, в первую очередь, в качестве одного из средств, способствующих дальнейшему совершенствованию системы мер по предупреждению преступности и создания надлежащих условий для прогнозирования возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов, а также служит предотвращению возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов, обеспечению их эффективного влияния на укрепление законности и правопорядка. Так или иначе, основная цель криминологической (антикоррупционной) экспертизы заключается в выявлении, устранении и (или) предотвращении криминогенности (коррупциогенности) проектов нормативных правовых актов, ликвидации содержащихся в них рисков криминогенного характера (коррупциогенных рисков).

На сегодняшний день можно утверждать, что институт криминологической экспертизы в Республике Беларусь достаточно полно регламентирован соответствующими нормативными правовыми актами. В частности, правовые и организационные основы криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) закреплены:

- в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» № 361-З от 10 января 2000 г. в результате внесенных в него в 2004 году изменений и дополнений;
- в Указе Президента Республики Беларусь «О криминологической экспертизе» № 244 от 29 мая 2007 г. вместе с Положением о порядке проведения криминологической экспертизы;
- в Указе Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» № 230 от 6 июня 2011 г.

Кроме того, государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», осуществляющим в том числе и проведение

криминологической экспертизы, разработаны методические рекомендации по проведению криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов) Республики Беларусь, утвержденные Приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 46.

Таким образом, можно констатировать, что в Республике Беларусь создана система нормативных правовых актов, регламентирующая осуществление криминологической экспертизы.

Важность и значимость криминологической экспертизы в сфере профилактики и предупреждения преступлений подтверждается и тем обстоятельством, что в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» она рассматривается в качестве одной из основных мер общей профилактики правонарушений, представленных в гл. 3 Закона. Ст. 22 Закона предусматривает «иные основные меры общей профилактики правонарушений», к числу которых относит и проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов в случаях и порядке, установленных Президентом Республики Беларусь.

Учитывая международный опыт и законодательство зарубежных государств, можно удостовериться, что криминологическая (антикоррупционная) экспертиза действительно может выступать (и выступает) в качестве эффективного средства по предупреждению преступлений, в том числе и коррупционных, и чаще всего вопрос о ее необходимости поднимается в связи с проведением антикоррупционной политики либо предупреждением преступности в целом. Таким образом, криминологическая экспертиза – хотя и не панацея, но все же реальная превентивная мера в борьбе с преступностью и коррупцией. Важно, чтобы она стала не случайным элементом нормотворческого процесса, а превратилась в его системную составную часть.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, – УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА

Пыталев Р.М.

В теории уголовного процесса общепризнанной является концепция трех основных уголовно-процессуальных функций: обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Бесспорно, все эти функции направлены на достижение цели уголовного процесса – осуществление правосудия по конкретному уголовному делу, поскольку содержанием понятия «функция» является целенаправленная деятельность, т. е. деятельность, направленная на решение определенной задачи. Но это юридическая цель правосудия – осуждение виновного в преступлении и ограждение от необоснованного осуждения невиновного. Социальная же цель правосудия при таком научном подходе выпадает из поля зрения теории. Сегодня можно считать общепризнанным в теории, что социальной целью правосудия по уголовным делам является восста-

новление правопорядка, а, следовательно, и возмещение вреда, причиненного преступлением, как неотъемлемого его элемента. По этой причине еще в теории советского уголовного процесса была сформулирована и научно обоснована необходимость включения в понятие «уголовно-процессуальные функции» функции возмещения вреда, причиненного преступлением (В.Т. Нор, В.Я. Понарин). Такой концептуальный подход трудно оспорить, поскольку, если есть законодательно определенная цель, необходима соответствующая процессуальная функция, содержанием которой является деятельность, направленная на ее достижение. В противном случае постановка цели бессмысленна, так как возможность ее достижения не реализуема на практике. Выдвинутая концепция являлась и продолжает являться новаторской, поскольку до этого достижение социальной цели правосудия по уголовным делам полностью поглощалось идеей борьбы с преступностью, а возмещение вреда, причиненного преступлением, считалось факультативной задачей уголовного процесса. Концепция объединила единой целью различные способы возмещения вреда, причиненного преступлением: добровольное возмещение вреда, реституцию, гражданский иск и возмещение вреда по собственной инициативе суда, наполнив ими содержание сформулированной уголовно-процессуальной функции. Трансформация ошибочной, на наш взгляд, концепции «соединенного процесса» в концепцию «возмещения вреда» явилась значительным шагом вперед, однако, к сожалению, не получила в теории уголовного процесса дальнейшего развития. Следующий вопрос, который детерминирован концепцией возмещения вреда, – это вопрос о принадлежности функции возмещения вреда. В теории уголовного процесса общепризнано, что функцию возмещения вреда, причиненного преступлением, исполняет орган, ведущий уголовный процесс, чего нельзя утверждать о практике. Орган, ведущий уголовный процесс, – понятие собирательное, включающее орган уголовного преследования и суд (п. 19 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь – далее УПК). Орган уголовного преследования, в свою очередь, – также понятие собирательное: орган дознания, следователь, прокурор (п. 22 ст. 6 УПК). Конкретной обязанности исполнения рассматриваемой функции УПК ни на одного участника уголовного процесса не возлагает, как правило, используя термин «вправе». Единственным прямым указанием уголовно-процессуального закона является требование ч. 2 ст. 27 УПК, устанавливающей обязанность органа уголовного преследования обеспечить доступ потерпевшего к правосудию и принять меры по обеспечению возмещения причиненного вреда. Но, во-первых, потерпевшие – это только физические лица (ч. 1 ст. 49 УПК), а меры по обеспечению возмещения причиненного вреда – это изъятие вещей (ст.ст. 208–209, 211 УПК) и наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих имущественную ответственность за их деяния (ч. 1 ст. 132 УПК). Иными словами это действия, направленные на решение лишь части задачи возмещения вреда, причиненного преступлением. Во-вторых, орган уголовного преследования является только одним из органов, ведущих уголовный процесс. Из этого сле-

дует, что установленный уголовно-процессуальным законом порядок деятельности по рассматриваемому вопросу явно не является системным. Вместе с тем понятно, что любая деятельность, в том числе и уголовно-процессуальная, может быть эффективной только в том случае, когда функция является предметной (направлена на системное решение определенной задачи) и относительной, т. е. принадлежит конкретному исполнителю. Поскольку предмет функции определен и научно обоснован – возмещение вреда, причиненного преступлением (объединяющее все имеющиеся в действующем законодательстве способы и формы возмещения вреда), – постольку следующим шагом в разработке выдвинутой концепции является отнесение этой функции к конкретному исполнителю. Единственным участником уголовного процесса, на которого может и, по нашему мнению, должна быть возложена уголовно-процессуальная функция возмещения вреда, причиненного преступлением, – это прокурор. Прокурор как участник уголовного процесса призван, с одной стороны, осуществлять уголовное преследование и поддерживать государственное обвинение в суде, а с другой стороны, осуществлять надзор за соблюдением законности и обеспечивать защиту интересов государства, организаций и граждан, нуждающихся в защите (ст. 34 УПК). Вряд ли в области юриспруденции есть лицо, более нуждающееся в помощи, чем потерпевший от преступления, независимо от того физическое это лицо или организация, и такую помощь может и должен оказать прокурор, исполняя функцию возмещения вреда, причиненного преступлением. Возложение на прокурора функции возмещения вреда, причиненного преступлением, необходимо по следующим основаниям:

1. Причиненный преступлениями вред за последние десять лет составил в Республике Беларусь суммарно около 1 млрд долларов США, а эффективность деятельности по его возмещению не удовлетворительная (около 30 % с учетом всех факторов).

2. Достижение социальной цели правосудия по уголовным делам является неотъемлемым элементом нормативного правового регулирования общественной практики и противодействия преступности, включая профилактику преступлений.

3. Уголовное преследование осуществляется за преступление, а объективным содержанием преступления является причинение вреда (вред выступает в качестве единого основания и уголовной и имущественной ответственности).

4. Сущность компетенции прокурора наиболее соответствует рассматриваемой функции.

5. Опыт советского уголовного процесса, в котором на прокурора была возложена обязанность возмещения вреда, причиненного преступлением (правда только в отношении государственных и общественных интересов).

6. Исполнение прокурором функции возмещения вреда, причиненного преступлением, обеспечит организацию и координацию уголовно-процессуальной деятельности в достижении социальной цели правосудия по уголовным делам.

Прогнозируемый социально-экономический эффект характеризуется существенным повышением доверия к правоохранительной системе и государству в целом, возвращением в законный гражданский оборот значительных экономических ресурсов.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Раскина Т.В.

Официальная статистика свидетельствует, что сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации ежегодно совершается порядка 1 500 уголовно-наказуемых деяний коррупционной направленности. Удельный вес виновных в данных преступлениях нельзя признать высоким. На протяжении последних трех лет он составляет 0,2–0,3 % от общего количества лиц, несущих службу в ОВД. Вместе с тем внушает опасение следующее.

Общественно-опасные последствия данного криминального явления трагичны. Проникновение коррупции в ОВД и сращивание ее с правоохранительной деятельностью влечет за собой безнаказанность лиц, виновных в совершении административных правонарушений, преступлений; укрывательство преступлений и рост латентности нарушений криминального и некриминального характера; невозмещение потерпевшим причиненного материального и морального ущерба; угрозу экологической безопасности; снижение авторитета Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и всей правоохранительной деятельности.

В 2009 году темпы прироста количества сотрудников ОВД, совершивших преступления коррупционной направленности, по сравнению с 2008 года в 66 раз опередили темпы прироста фактической численности сотрудников ОВД.

В 2010 году количество виновных в этих преступлениях, по сравнению с предшествующим периодом, значительно снизилось. Это произошло на фоне сокращения общей численности сотрудников ОВД. Однако темпы сокращения фактической численности сотрудников ОВД опередили темпы снижения количества виновных в коррупционных преступлениях сотрудников ОВД в 15 раз. Кроме того, данное сокращение можно признать положительным фактом только условно, поскольку удельный вес сотрудников ОВД, совершивших преступления коррупционной направленности, остался на прежнем уровне.

В первом полугодии 2011 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, сохранилась тенденция снижения и общего количества сотрудников ОВД, и совершивших криминальные коррупционные деяния. Темпы названных сокращений почти приблизились друг к другу. Однако удельный вес виновных не только не сократился, а даже увеличился с 0,1 до 0,2 %.

В самом МВД России принимаются определенные административно-правовые и организационные мероприятия, направленные на противодействие коррупции и обеспечение «внутренней законности». Сказанное касается нормативно-правового регулирования в сфере внутренних дел, деятельности специального антикоррупционного подразделения – Главного управления собственной безопасности (ГУСБ) МВД России. В 2011 году в составе Департамента государственной службы и кадров (ДГСК) МВД России создано Управление организации профилактики коррупционных и иных правонарушений.

Борьба с коррупцией в ОВД должна быть направлена не только на выявление и привлечение к установленной законом ответственности виновных лиц, но и, главным образом, на устранение обстоятельств, создающих саму возможность совершения преступлений коррупционной направленности. «Хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений» (Ш. Монтескье).

Основные детерминанты коррупции в ОВД порождены значительным ослаблением морально-психологической подготовки кадрового состава; неадекватным характеру несения службы материально-техническим, социальным обеспечением и денежным вознаграждением; общим развалом системы профилактики преступности.

Работа по противодействию коррупции в ОВД, не ограничиваясь принятием законов, должна включать в себя все системные элементы по выработке действенного механизма их правоприменения, укреплению материального положения сотрудников ОВД, созданию эффективной системы общественного (возможно, и общественно-государственного) контроля за деятельностью ОВД.

Вероятно, не последнюю роль в противодействии рассматриваемому криминальному явлению может иметь официальное использование технических средств слежения за сотрудниками ОВД. Повсеместное их применение, скорее всего возможно, не будет оправданным. Однако установление их на постах ГИБДД, в подразделениях собственной безопасности, экономической безопасности и противодействия коррупции и т. д. должно оказать положительное влияние на снижение коррупционных проявлений в рядах сотрудников ОВД.

Усиление правового воспитания и морально-психологической готовности к несению службы будущих сотрудников ОВД в специальных учебных заведениях также должно способствовать укреплению законности и профилактике коррупционных нарушений.

Вместе с тем данные антикоррупционные меры должны быть составной частью единой государственной политики противодействия коррупции во всех структурах власти и управления, судебском сообществе.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рахатко Ю. Т.

В теории уголовного права имеются различные мнения по вопросу терминологического обозначения негативных последствий деяния. В связи с этим в уголовно-правовой литературе можно встретить такие определения, как «общественно опасные последствия», «преступные последствия», «последствия преступления», «преступный вред», «преступный результат», «ущерб» и другие.

В науке уголовного права сложилось несколько точек зрения на решение проблемы смысловой идентификации терминов, которые характеризуют последствия преступления. Существует точка зрения, согласно которой последствия следует рассматривать в широком и узком смыслах слова.

Так, Н.Д. Дурманов отождествляет понятия «последствие» и «ущерб», указывая на то, что ущерб, причиненный объекту посягательства, каковы бы ни были формы и объем этого ущерба, и является последствием, образующим необходимый элемент каждого преступления.

М.П. Ковалев в своей работе «Проблемы учения об объективной стороне состава преступления» также отмечал идентичность понятий «последствие» и «ущерб» и говорил о том, что сама юридическая природа последствия в значительной мере определяется характером объекта, в отношении которого это последствие выступает в качестве ущерба.

Несколько иное мнение высказывают В.Т. Смирнов и А.А. Собчак, предлагая понятия «ущерб» (натурально-вещественное выражение вреда), а также «убытки» (денежная оценка вреда, подлежащего компенсации) рассматривать как подвиды вреда.

Схожего мнения придерживается и М.М. Бабаев, который дифференцирует соответствующие понятия и выделяет понятие «последствия», определяемое с помощью родового понятия «вред», и подчиненные видовые понятия «урон», «ущерб», «убытки».

Я.М. Брайнин, А.А. Герцензон, М.Ф. Орзих предлагают использовать в юридических конструкциях и юридической лексике термины «преступный результат» или «результат преступной деятельности». Они также предлагают разграничить понятия «последствия преступления» и «преступный результат», поскольку последнее, по их мнению, обозначает признак объективной стороны преступления.

На разграничение понятий «результат преступления» и «последствия преступления» указывает и С.В. Землюков, ссылаясь на то, что результат преступления — это социально вредное изменение охраняемого законом объекта, произведенное целенаправленным воздействием лица либо косвенно наступившее от такого воздействия, а последствие преступления — это тоже социально вредное изменение охраняемых законом отношений, но причиненное

неосторожным поведением лица либо наступившее от произведенного этим лицом преступного результата. Последствием, по его мнению, является также вредное изменение охраняемого законом объекта, происшедшее при виновном воздержании лица от совершения требуемого действия.

Я.М. Брайнин к последствиям относит всякие изменения, которые производит преступное действие во внешнем мире, а к преступному результату – те последствия, которые имеют значение для наличия состава преступления, т. е. прямо и непосредственно вытекают из данного преступления.

Возражая на это, А.С. Михлин отмечает, что Я.М. Брайнин правильно указал, что в двух случаях последствия преступления играют различную роль. Однако метод для их разграничения, к которому прибегает Я.М. Брайнин, с точки зрения А.С. Михлина, вряд ли углубил представление о последствиях преступления, так как их разграничение может только запутать вопрос, но никак не разрешить его. Позиция А.С. Михлина связана с тем, что, несмотря на неодинаковое выражение и различную роль последствий преступлений, для решения вопросов о привлечении к уголовной ответственности лица значение имеют лишь последствия исключительно уголовно-правового характера.

Стоит отметить, что Уголовный кодекс Республики Беларусь уделяет большое внимание формулированию понятия «последствие преступления», стараясь избегать многозначности в терминологии. Так, в кодексе встречаются понятия «вред», «ущерб», «иные тяжкие последствия», которые, в свою очередь охватываются термином «общественно опасные последствия». Универсальность данного термина обусловлена не только позицией уголовного законодателя, но и тем, что общественно опасные последствия любого преступления охватывают социально значимые последствия, наступающие в результате деформирования общественных отношений.

Учитывая вышеизложенное, наиболее целесообразным представляется использование понятия «общественно опасные последствия преступления», которое является самым широким и универсальным для обозначения всех разновидностей негативных изменений в общественных отношениях, охраняемых уголовным законом.

ПРЕВЕНТИВНЫЙ НАДЗОР КАК МЕРА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОКАЗАНИЕ НЕОБХОДИМОГО ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Рочева Е.А.

Одним из основных международных документов, регулирующих исполнение мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества, являются принятые в 1990 году VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступно-

сти и обращению с правонарушителями Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), которые содержат свод основных принципов для содействия альтернативам лишению свободы, а также минимальные гарантии для лиц, в отношении которых они применяются.

Пункт 10 Токийских правил уделяет внимание надзору за правонарушителями с целью сокращения рецидива правонарушений и содействию такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность повторного совершения преступления.

В современном мире подобная мера имеет различные названия: «надзор чиновником по пробации» в Венгрии, «полицейский надзор» в Кении, Латвии, «социально-судебное наблюдение» во Франции, «превентивный надзор» в Беларуси.

Превентивный надзор за осужденными представляет собой специальную меру уголовной ответственности, установленную решением суда на определенный срок для наблюдения за их поведением, предупреждения с их стороны преступлений и оказания на них необходимого профилактического воздействия (ч. 1 ст. 80 УК).

Превентивный надзор характеризуется введением для поднадзорного осужденного существенных режимных ограничений. Кроме исполнения ряда требований (прибыть в установленный срок к избранному месту жительства и зарегистрироваться в органе внутренних дел; уведомлять орган внутренних дел о перемене места работы и (или) жительства), лицо, находящееся под превентивным надзором, может выезжать за пределы района (города) по служебным и личным делам только с согласия органа внутренних дел. Суд также может обязать такое лицо соблюдать дополнительные предписания (не посещать определенные места, не покидать свое жилище в определенное время суток, а также являться в орган внутренних дел для регистрации от одного до четырех раз в месяц). Необходимо иметь в виду, что ограничения и запреты, установленные для поднадзорного, должны иметь исключительно профилактический характер и не носить карательной направленности.

Достижение целей превентивного надзора во многом зависит от организации работы органов внутренних дел, на которые в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом (ст. 14) возложено осуществление превентивного надзора. Это и своевременное заведение дел о превентивном надзоре ОВД, и передача материалов в отдел уголовного розыска для заведения дел оперативной проверки, регулярная проверка соблюдения правил надзора по месту жительства поднадзорных, истребование сведений у администраций предприятий о поведении, истребование письменных объяснений в связи с нарушениями установленных надзором ограничений, проведение профилактических бесед, содействие в бытовом и трудовом устройстве.

По сведениям МВД, в 2010 году на учете органов внутренних дел состояло 86 456 лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость. Из них в отношении 1 166 (1,1 %) лиц был установлен превентивный надзор.

Несоблюдение требований превентивного надзора без уважительных причин либо уклонение от него влечет уголовную ответственность в соответствии со ст. 421 либо со ст. 422 УК соответственно.

Анализ статистических данных Министерства юстиции Республики Беларусь свидетельствует о том, что в среднем за несоблюдение требований превентивного надзора в 2003–2010 годах ежегодно осуждалось 26,7 % лиц, которым был установлен превентивный надзор, за уклонение от превентивного надзора за тот же период – 6,4 %.

Исследование личностных особенностей осужденных, к которым применялся превентивный надзор, показал преобладание негативных составляющих: незанятость общественно полезным трудом среди выявленных за несоблюдение требований превентивного надзора (ст. 421 УК) лиц на протяжении 2007–2010 годов составила в среднем 82,5 %, а среди лиц, выявленных за уклонение от превентивного надзора (ст. 422 УК) – 95,6 %. Учитывая указанные данные, не вызывает удивления сопоставление статистических данных наложения и взыскания штрафа за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 24.12 КоАП (несоблюдение требований превентивного надзора): от суммы штрафа, назначенной судом, взыскивается не более 16 %.

Таким образом, существование контингента людей, ранее судимых, не занятых общественно полезным трудом, не учащих и склонных к совершению повторных правонарушений, негативно влияет на общество и увеличивает комплекс криминогенных факторов, способствуя распространению криминальной субкультуры, вовлечению в преступную деятельность новых лиц, уменьшая доверие населения к правоохранительным органам.

Для таких лиц существует объективная необходимость постпенитенциарной социальной адаптации, обусловленная так называемым «остаточным криминогенным эффектом», часто выражающимся в ослаблении самоконтроля, отрицательном психическом состоянии, утратой прежних социальных ролей и связей. Причем важно как создать препятствия для возобновления старых и возникновения новых социально негативных связей, так и оказать социальную, психологическую и иную помощь в установлении социально одобряемых связей и отношений.

Однако проблемы, например, с трудоустройством лиц, отбывавших наказание в исправительных учреждениях, зачастую обусловлены невысоким профессиональным уровнем и отрицательной социально-нравственной установкой личности осужденного. В то же время, подразделения органов внутренних дел не обладают необходимыми возможностями для осуществления индивидуальной профилактики. Целесообразно рассмотреть вопрос о возложении деятельности по осуществлению превентивного надзора на специальные подразделения органов внутренних дел, обязанностью которых являлись бы не только наблюдение за поведением с целью предупреждения с их стороны преступлений, но и подготовка программы ресоциализации осужденных, включающая в себя взаимодействие с различными государственными органами и общественными организациями, в том числе религиозными.

Ст. 64 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными устанавливает, что «обязанности общества не прекращаются с освобождением заключенного. Поэтому необходимо иметь государственные или частные органы, способные проявлять действенную заботу об освобождаемых заключенных, ... помогая им вновь включиться в жизнь общества».

Таким образом, помощь в трудоустройстве, в организации нормальных материально-бытовых условий служат предпосылками для успешного решения задачи предупреждения рецидива. Не меньшее значение для этого имеет создание вокруг освобожденного лица психологической атмосферы, основу которой составляет требовательность к социально одобряемому поведению и моральная поддержка со стороны общества. Безусловно, эти меры могут дать результат только в том случае, если сами лица, освобожденные из мест лишения свободы, будут заинтересованы в изменении своих жизненных приоритетов.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Рубис А.С.

На необходимость использования данных криминалистики в судебной практике (в деятельности как государственного обвинителя, так и суда) и включения вопросов техники и тактики судебного следствия в задачи криминалистики указывалось давно. Еще в конце XIX века известный русский юрист И.Я. Фойницкий обращал внимание на важное практическое значение разработки и применения особых «приемов процессуального исследования» доказательств для стадии судебного следствия. Однако несмотря на то, что и в советское время, и в современный период вопросы криминалистического обеспечения судебного следствия явились предметом острых дискуссий, монографических исследований, диссертационных работ, ни юридическая наука, ни практика правоприменения не выработала единых подходов к определению исследуемого понятия. Более того, среди ряда практиков (в основном судей) криминалистическое обеспечение судебного следствия видится как нечто противоестественное деятельности суда, как попытка «заставить» суд оперировать инструментарием эксперта-криминалиста. Так ли это на самом деле? Полагаем, что нет. Деятельность и по выявлению преступлений, и по их предварительному расследованию, равно как и по осуществлению судом правосудия, является постоянно развивающимся процессом доказывания. Доказывание по существу происходит при проведении каждого проверенного оперативного и следственного действия, принятии каждого процессуального решения как при выявлении и расследовании преступлений, так и при рассмотрении уголовного дела в суде. Доказывание, в своей сути, – это деятельность по установлению соответствия и тождества между данной (наличной, построенной) криминалистической моделью системы «преступление» (то есть выяв-

ленными следами-отражениями преступной деятельности и преступного поведения в соответствующих средах) и его уголовно-правовой (материальной) матрицей посредством реализации уголовно-процессуальных норм и правил. При этом, реализуя свои полномочия, и государственный обвинитель, и суд обязаны учитывать тот факт, что специфика приобретения знаний о совершенном преступлении каждым участником процесса доказывания определяется: 1) моментом познания; 2) процессуальным интересом; 3) объектом познания; 4) способом познания; 5) средством познания; 6) способом удостоверения познанного.

А в силу того, что прокурор, например, должен осуществлять контроль за всеми указанными параметрами исследуемого процесса, его процессуальный интерес состоит, прежде всего, в том, чтобы каждый субъект познания на конкретном его этапе должным образом фиксировал этот этап в строго определенной процессуальной форме. При этом системно не контролируя криминалистические способы и средства познания, прокурор не в состоянии качественно осуществлять надзор за способами удостоверения познанного, т. е. за процессуальными формами и методами реализации криминалистических знаний со стороны уполномоченных субъектов. Такой же по существу процессуальный интерес и у суда, который в соответствии со ст. 18 УПК Республики Беларусь решение о виновности либо невиновности обвиняемого выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке, что невозможно не только без исследования криминалистического содержания процессов доказывания, но и без определенного регулирующего воздействия со стороны суда на данные процессы. В связи с этим используя ставшую хрестоматийной триаду Р.С. Белкина, можно утверждать, что криминалистическое обеспечение судебного следствия представляет собой систему криминалистических знаний и, соответственно, основанных на них навыков и умений, позволяющих лицам, производящим судебное разбирательство, использовать научные криминалистические средства, методы и технологии в целях успешного решения задач уголовного судопроизводства. Причем в структуре криминалистического обеспечения судебного следствия обе его составляющие имеют одинаково важное и детерминирующее друг друга значение. В равной степени это и теоретическое тактико-криминалистическое обеспечение судебного следствия, предполагающее обязательность знаний со стороны уполномоченных лиц в области криминалистической тактики. С другой стороны, это основанные на этих знаниях практические навыки и умения указанных лиц в использовании соответствующих тактических средств и иного криминалистического инструментария.

Следовательно, криминалистическая тактика судебного следствия — это не только система научных положений криминалистики, психологии, логики и иных наук и разрабатываемых на их основе рекомендаций по планированию судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих проверку, оценку и реализацию доказательств, но и практическая система тактических приемов оптимального производства судебных и следственных

действий, осуществляемых для установления истины по делу в условиях неизменности состава суда, равенства и состязательности сторон, гласности, устности, непосредственности судебного разбирательства. Иными словами, это разрабатываемая наукой криминалистикой, апробированная судебной практикой система положений и рекомендаций по избранию и применению с учетом сложившейся судебной ситуации допустимых тактических приемов, а также наиболее эффективной и целесообразной линии поведения при исследовании доказательств в целях успешного решения задач уголовного судопроизводства.

Говоря о тактике судебного следствия, следует отметить, что в процессе судебного доказывания в наибольшей степени меняется его структура по отношению к предыдущим этапам. На данной стадии элемент убеждения проявляется наиболее отчетливо, так как государственный обвинитель непосредственно сам должен осуществлять доказывание, т. е. убеждать суд в относимости, допустимости, достоверности и достаточности представляемых доказательств. Для этого прокурор использует: 1) тактические приемы предъявления («подачи») доказательств; 2) их систему (моделирование); 3) генезисный анализ доказательств; 4) особые тактические и психологические приемы проведения судебного следствия. Причем с учетом последовательности допроса сторонами судебного следствия обвиняемого, потерпевшего, свидетелей и других лиц в литературе сложилось мнение, что суд перестал быть субъектом криминалистической тактики. В известной степени это так, поскольку он перестал выполнять несвойственные ему обязанности — изобличать обвиняемого, получать информацию обвинительного характера от потерпевших и свидетелей. Однако такое положение не означает полной инертности судьи, отсутствия каких-либо тактических решений с его стороны в процессе судебного следствия.

Об интересе и практиков, и ученых криминалистов к тактике судебного следствия свидетельствуют современные публикации и монографические исследования по данной проблематике, ввиду чего рассуждения об отмирании криминалистической тактики для суда по меньшей мере преждевременны. Бесспорно, такая специфическая черта судебного следствия, как осведомленность сторон о содержании материалов дела, не позволяет принимать методы, основанные на оперировании информацией, неизвестной другой стороне (на использовании приемов создания определенной осведомленности, метода косвенного допроса и т. д.), направленные на установление и фиксацию элементов криминалистической структуры системы «преступление» и т. д. Однако говорить об отсутствии тактики деятельности суда по реализации и оптимизации им процесса судебного следствия означало бы вступить в противоречие с объективно существующими реалиями. Именно в связи с этим целесообразно акцентировать внимание на том, что особую роль в формировании нового взгляда на тактику судебного следствия имеет и оптимизация представлений о месте суда в его структуре, разработка практиками эффективных рекомендаций совершенствования судебной деятельности по принятию процессуально значимых решений.

Совершенно очевидно, что требования ст. 18 УПК о разграничении функции обвинения, функции защиты и разрешения дела судьей в определенной степени обуславливают использование судьей криминалистических средств в ограниченных пределах, поскольку основу тактики судебного следствия составляет все же деятельность стороны обвинителя. Тем не менее, как мы уже указывали, полностью отказаться от использования криминалистических рекомендаций в своей деятельности судья не может. Как справедливо отмечается в литературе, такая часть процессуальной деятельности суда, как обеспечение равноправия сторон по их участию в процессе доказывания в условиях состязательности, требует от судьи постоянного управления процессом рассмотрения дела, отслеживания изменения обстановки судебного следствия. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о возможности проявления активности судьи при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции.

Представляется очевидным, что в определенных ситуациях суд просто обязан проявлять активность в исследовании доказательств. Несмотря на то что в УПК не содержится указаний на обязанность суда участвовать в доказывании, и он может ограничиться исследованием только представленных сторонами доказательств, в зависимости от степени полноты которых вынести соответствующий приговор, судья не может на протяжении всего судебного следствия оставаться пассивным участником процесса.

Так, сложная ситуация складывается, например, в случае отсутствия защитника у обвиняемого (когда он отказывается от него «по причине, не связанной с материальной») или в случае ненадлежащего выполнения защитником своих обязанностей (так называемая «защита по назначению»). Судье ничего не остается, как исследовать доказательства защиты, что противоречит ст. 18 УПК, зато соответствует принципу презумпции невиновности. Суд не может допустить формирования такой ситуации, когда поведение сторон обвинения и защиты в судебном следствии приведет к положению, при котором выяснение существенных обстоятельств дела не будет проведено, важные моменты события преступления будут опущены, либо права некоторых участников судебного следствия окажутся нарушенными.

Пассивность суда по реализации ст. 18 УПК не может быть абсолютной еще и потому, что в ходе судебного следствия могут возникнуть (и постоянно возникают) ситуации, требующие активного участия в ее разрешении со стороны судьи. Бездействие судьи в одной из таких ситуаций может привести к ненадлежащему проведению судебного следствия, к совершению судебных ошибок, а значит, к вынесению несправедливого приговора, что недопустимо.

Теперь в контексте настоящего исследования несколько слов об участии суда в процессе доказывания. Ряд авторов считает, что в условиях состязательности уголовного процесса суд в исследовании доказательств должен занимать пассивную роль. Другие, наоборот, настаивают на статусе суда как субъекта доказывания. Разрешая этот спор, следует обратиться к анализу норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Представляется, что, беспристрастно анализируя УПК, можно сделать парадоксальный

вывод о том, что законодатель фактически относит суд к субъектам, уполномоченным собирать доказательства (по УПК БССР это было его обязанностью). Ст. 103 УПК (собираание доказательств) гласит, что суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе в пределах своей компетенции вправе по находящимся в их производстве материалам и уголовному делу [...] вызывать лицо для проведения следственных и других процессуальных действий или дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие предусмотренные настоящим Кодексом следственные действия; требовать от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела; требовать производство ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц. В судебном разбирательстве именно суд определяет порядок представления и исследования доказательств (ст. 325 УПК); проверяет и оценивает доказательства, полученные на досудебных стадиях, допрашивая обвиняемого (п. 2 ст. 327 УПК); потерпевшего (ст. 329 УПК); свидетеля (п. 3 ст. 330 УПК); эксперта (п. 2 ст. 335 УПК); по собственной инициативе может назначить экспертизу (ст. 336 УПК). Закон не запрещает суду проводить и другие процессуальные судебно-следственные действия, такие, как осмотр вещественных доказательств (ст. 337 УПК), осмотр местности и помещения (ст. 340 УПК), проведение следственного эксперимента (ст. 341 УПК), предъявления для опознания (ст. 342 УПК), освидетельствование (ст. 343 УПК), поскольку указанные действия направлены на проверку имеющихся в деле фактических данных, являющихся основной структурной составляющей понятия «доказательство». Именно исследуя (проверяя и оценивая) представленные в судебное заседание фактические данные, суд (и только суд) в конечном итоге признает их доказательное значение, фиксируя в протоколе судебного заседания. Именно суд формирует итоговый вывод и решение о доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Таким образом, в условиях состязательности уголовного процесса, в деятельности суда, не являющегося органом уголовного преследования, присутствуют все элементы процесса доказывания, а его исключение из субъектов доказывания является если не обоснованным, то, по крайней мере, весьма дискуссионным.

Мы согласны с мнением о том, что тенденции развития современной криминалистики позволяют говорить, что понятие «криминалистическая характеристика рассмотрения уголовных дел», наряду с «криминалистической характеристикой преступлений» и «криминалистической характеристикой расследования», является структурным элементом единой криминалистической методики раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Все эти характеристики не являются тождественными, не поглощаются одна другой, а в научных и практических целях их необходимо различать. Такой подход позволяет расширить категориальный аппарат криминалистической науки и способствует более углубленному ее изучению. Криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел оттал-

кивается от криминалистической характеристики преступления и криминалистической характеристики их расследования, в то же время ориентируется на них, на их информационную базу. Она имеет свою внутреннюю специфическую базу саморазвития, которая позволяет понять в генезисе специальный криминалистический (а не уголовно-процессуальный) ход, этапы, и самое главное – поисковую сущность деятельности суда (судьи) криминалистическими средствами, техническими приемами и методами с учетом складывающейся судебной-следственной ситуации.

Одним из эффективных методов установления таких судебных ситуаций и преодоления судебных ошибок является метод ситуационного моделирования. Ситуационное моделирование как метод исследования ситуаций включает в себя построение модели реальной ситуации и проведение с ней различного рода мыслительных экспериментов: проигрывание направления ее развития и (или) «проигрывания» на ней предполагаемых решений по управлению ситуацией с целью выбора оптимального. При планировании судебного следствия судья должен мысленно создать модель реальной судебной ситуации, учитывая поведение сторон, их правовую позицию на досудебных стадиях, и проиграть на ней возможные варианты ее развития и варианты ее разрешения. Поэтому и план судебного следствия должен быть многовариантным, учитывающим различные судебные ситуации. Сущность планирования судебного следствия состоит в определении обстоятельств, подлежащих обязательному установлению по уголовному делу, а также необходимых процессуальных действий и разработке тактически наиболее целесообразного порядка их проведения. Кроме этого, изучив материалы дела и планируя судебное следствие, судья должен предвидеть возможность заявления в ходе судебного разбирательства тех или иных ходатайств, в том числе и тех, в удовлетворении которых органами расследования было отказано, и быть готовым к их разрешению на основе требований закона.

Планирование должно учитывать вытекающее из принципа состязательности разделение судебного следствия на три части: исследование доказательств, представленных стороной обвинения, стороной защиты, и самое главное – деятельность, предпринимаемая судом по получению новых доказательств по своей инициативе и независимо от сторон. Тактический план судебного следствия должен составляться всегда. Особенно по объемным многоэпизодным делам, в которых собрано большое количество разных по виду и содержанию доказательств, удержать которые в памяти затруднительно. Моделирование в процессе судебного следствия поможет избежать такой судебной ошибки, как неполнота судебного следствия, даст возможность правильно определить пределы доказывания. Если объем информации, необходимый для построения криминалистической модели системы «преступление», не систематизирован, то помимо того, что его просто тяжело удержать в памяти, у судьи, безусловно, возникнут трудности в определении достаточности этого объема информации для вынесения приговора. При условии, что эта информация распределена по «ячейкам» модели криминалистического события, су-

дья имеет полную картину, что уже исследовано, а какую информацию необходимо еще собрать. Если собрать дополнительную информацию невозможно, то это может служить судье основанием либо для вынесения оправдательного приговора, либо для прекращения производства по делу. Кроме этого, использование указанного метода позволит значительно снизить затраты при производстве судебного следствия.

Мы говорим о тактике суда, в том числе и потому, что государственному обвинителю в процессе судебного следствия необходимо учитывать алгоритм действий суда на том или ином этапе доказывания и в соответствии с этим корректировать линию государственного обвинения, т. е. формировать собственные тактические приемы судебного следствия.

В равной степени сказанное можно отнести и к деятельности суда, который, конструируя тактический рисунок своего поведения, не может не учитывать тактических приемов государственного обвинения.

Представляется, что нет необходимости обосновывать еще раз тезис о том, что механическое перемещение криминалистической тактики на тактику судебного следствия невозможно и способно погубить саму идею. Те положения криминалистической тактики, которые могут быть использованы в судебном следствии (а их достаточно много), должны быть творчески адаптированы применительно к особенностям судебного следствия и, соответственно, к особенностям тактической деятельности субъектов доказывания.

На вопрос, по какому пути должно пойти создание и развитие тактики судебного следствия, даются разные ответы. По нашему мнению, тактика судебного следствия (в широком понимании этого слова) должна опираться на базовые положения криминалистической тактики и войти в нее органической частью, но с обязательным введением в нее особой тактики исследования обстоятельств и фактов, влияющих на доказывание меры наказания обвиняемому.

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Савчук Т.А.

В системе мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК), домашний арест занимает второе место по степени строгости после заключения под стражу. Домашний арест не находит широкого применения, о чем свидетельствует правоприменительная практика: данная мера пресечения применялась с санкции прокурора в 2005 году в отношении 548 обвиняемых, в 2006 – 503, 2007 – 493, 2008 – 481, 2009 – 408, 2010 – 366 обвиняемых.

Указ Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответствен-

ности и порядка их исполнения» содержит требование использовать заключение под стражу по мотивам тяжести по ограниченному перечню преступлений: против мира и безопасности человечества, государства, военные преступления, сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека (п. 16.9). Как отметил заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь А. Стук, в свете реализации данного Указа шире стали применяться такие меры пресечения, как залог и домашний арест. Так, существенно возросло применение домашнего ареста – 183 случая в первом полугодии 2011 г. против 98 в аналогичном периоде 2010 г., активно данная мера пресечения используется в Могилевской области – 73 (28).

В юридической литературе домашний арест имеет как сторонников, так и противников. Аргументируя нецелесообразность применения данной меры пресечения, отдельные авторы (Бородинов В.В., Гусельникова Е.В.) указывают на то, что она не имеет под собой практического обоснования, введение ее в уголовно-процессуальное законодательство является «данью моде» (Кабилова С.А., Заман Ш.Х.). Другие ученые справедливо полагают, что домашний арест – эффективная мера пресечения, поскольку оставляет обвиняемого в привычной среде, влияет на снижение преступности, экономически выгодно государству. В публикациях, посвященных домашнему аресту, отмечается, что он не находит широкого применения, поскольку отсутствует реальный механизм осуществления надзора за поведением находящихся под домашним арестом и нормативный правовой акт, регулирующий исполнение данной меры пресечения.

Согласно ч. 1 ст. 125 УПК прокурор (заместитель) является одним из должностных лиц, наделенных правом определять перечень сопровождающих домашний арест мер. Не умаляя полномочий указанных должностных лиц, полагаем, что данный перечень должен определяться лицом, производящим расследование и принимающим решение о домашнем аресте, но может быть дополнен или изменен прокурором (заместителем), что подразумевает предварительное согласование вопроса о возможности применения домашнего ареста и конкретных сопровождающих мер. Это обусловлено тем, что следователи располагают всеми необходимыми сведениями, позволяющими установить те или иные запреты и оценить возможность их дальнейшей реализации. И как верно отмечает Л.И. Кукреш, «только они хорошо знают все личные особенности обвиняемого или подозреваемого, их искренность в оценке содеянного, возможности по обеспечению соблюдения предписанных правоограничений». Кроме того, ч. 1 ст. 125 УПК не отражает полномочий суда о принятии решения о домашнем аресте и сопровождающих его мерах, когда дело находится в производстве суда. В связи с этим полагаем, что ст. 125 УПК нуждается в корректировке.

УПК (ч. 6 ст. 119) устанавливает, что органом, осуществляющим надзор за исполнением домашнего ареста, являются органы дознания. На практике исполнение данной меры пресечения осуществляется органами милиции, как правило, в лице участковых инспекторов, а в случае установления наблюдения, ох-

раны жилища и (или) обвиняемого, подозреваемого – специальным подразделением в системе Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Представляется, что надзор может осуществляться не только органом дознания, но и должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, по ряду причин. Во-первых, следователь, определяя перечень сопровождающих домашний арест мер, должен принимать определенные решения (действия), направленные на реализацию устанавливаемых запретов. Во-вторых, он вправе изменить (отменить) их по своему усмотрению, исходя из изменившихся обстоятельств дела. В-третьих, п. 5 ч. 2 ст. 125 УПК устанавливает возложение обязанности на обвиняемого (подозреваемого) лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за его поведением, что косвенно допускает участие указанных должностных лиц в осуществлении надзора.

УПК содержит требование, что домашний арест, примененный органом уголовного преследования с санкции или по указанию прокурора (заместителя), отменяется (изменяется) лишь с его согласия (ч. 5 ст. 119 УПК). О том, как должно оформляться такое согласие – устно или в виде письменной резолюции – УПК умалчивает. Представляется, что в этом случае речь должна идти не о согласии прокурора, а о даче санкции. В соответствии со ст. 36 закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» санкция дается на проведение процессуальных и иных действий или оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением прав и законных интересов граждан. В УПК (п. 38 ст. 6) под санкцией прокурора понимается письменное решение прокурора (заместителя) о проведении процессуальных действий. Отмена (изменение) мер пресечения является процессуальным действием, поэтому решение об отмене, изменении домашнего ареста (равно как залога и заключения под стражу) должно приниматься с санкции прокурора (заместителя). В связи с этим представляется целесообразным внести соответствующие изменения в ч. 5 ст. 119 УПК, заменив слова «с согласия прокурора или его заместителя» на слова «с санкции прокурора или его заместителя».

Изучение нами надзорных производств в прокуратурах г. Минска, г. Витебска и Минской области за 2007–2010 годы по уголовным делам, где в качестве меры пресечения применялся домашний арест, показало, что в ряде случаев имеет место нарушение требований п. 6 ч. 5 ст. 34 УПК. Так, указания прокуроров о применении домашнего ареста вместо заключения под стражу имели место не в отдельном документе, как этого требует названная норма УПК, а в виде резолюции на соответствующем постановлении. Несоблюдение процессуальной формы дачи письменных указаний затрудняет реализацию права на обжалование вышестоящему прокурору данного решения надзирающего прокурора как следователем, в производстве которого находится уголовное дело, так и обвиняемым, подозреваемым, в отношении которых применяется домашний арест.

На основании вышеизложенного, полагаем, что предложенные автором рекомендации позволят повысить эффективность качества прокурорского

надзора за применением домашнего ареста, решить отдельные вопросы осуществления надзора за обвиняемыми, подозреваемыми, к которым применяется данная мера пресечения, и, как следствие, — приведут к наиболее широкому использованию домашнего ареста в ходе досудебного производства.

ЭКОНОМИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, РАССЛЕДОВАНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Свиридов Д. А.

Экономическое развитие страны возможно только при наличии условий для осуществления предпринимательской деятельности в различных масштабах. Вместе с тем необходимо признать, что негативное влияние на экономику государства оказывает такое явление, как незаконная предпринимательская деятельность. Так, например, при осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации или без специального разрешения (лицензии), что является формой незаконной предпринимательской деятельности, нечисляются и не уплачиваются налоги и обязательные платежи. В случае неприятия мер, масштабы такой деятельности могут стать достаточно весомыми, что приведет к существенным потерям бюджета и, как следствие, к невозможности полноценного осуществления государством своих функций.

Незаконное предпринимательство препятствует деятельности законопослушных субъектов экономических правоотношений. Поскольку они полностью уплачивают налоги и обязательные платежи, то финансовых ресурсов у них становится меньше, чем у субъектов незаконной предпринимательской деятельности. В результате этого они оказываются в неравных конкурентных условиях с организациями и лицами, осуществляющими незаконное предпринимательство. Субъекты данного вида правонарушения причиняют вред и обычным потребителям, поскольку они уклоняются от всех видов государственного контроля, включая санитарный, не соблюдают стандарты и т. д.

Так как незаконное предпринимательство осуществляется, как правило, под видом легальной предпринимательской деятельности, его следы закономерно отражаются в экономической информации. Под экономической информацией понимаются различные сведения о фактах хозяйственной, коммерческой и финансовой деятельности субъектов хозяйствования. При этом важна не вся экономическая информация, а только криминалистически значимая, в которой закономерно находит отражение деятельность по подготовке, совершению и сокрытию следов незаконного предпринимательства и которую целесообразно использовать для выявления, расследования и профилактики данного вида преступлений. Полное использование экономической информации даст возможность повысить эффективность деятельности по выявлению, расследованию и профилактике данного вида преступлений. Попро-

сы выявления признаков незаконного предпринимательства на основе экономической информации, ее использования в ходе расследования уголовных дел, с учетом складывающихся в настоящее время экономических отношений, исследованы недостаточно. Незаконная предпринимательская деятельность осуществляется обычно в процессе или под видом законной экономической деятельности, поэтому финансовые и хозяйственные операции, из которых складывается данная деятельность, находят закономерное отражение в экономической информации. Учитываются следующие факторы: следы преступной деятельности, в том числе и незаконного предпринимательства, находят закономерное отражение не на одном, а одновременно на нескольких носителях экономической информации, которые находятся у разных участников хозяйственных, финансовых и коммерческих операций, в процессе или под видом которых осуществлялась незаконная предпринимательская деятельность; не все участники данных операций могут знать о том, что имела место незаконная предпринимательская деятельность; участники операций, совершаемых в процессе незаконной предпринимательской деятельности, имеют, как правило, противоположные интересы и поэтому для обеспечения защиты своих интересов сохраняют документы, подтверждающие участие в этих операциях различных сторон.

Полностью все носители экономической информации, в которых закономерно нашла отражение незаконная предпринимательская деятельность, не утрачиваются. Также практически невозможно внести во все носители экономической информации искажения с целью маскировки преступления, поскольку эти носители находятся у различных физических и юридических лиц, имеющих различные интересы. Таким образом, отражение в носителях экономической информации преступной деятельности, включая незаконное предпринимательство, обусловлено объективными причинами и является закономерным.

Незаконная предпринимательская деятельность, отражаемая в экономической информации, носит скрытый, не явно выраженный характер, и поэтому необходимы специальные средства для обнаружения признаков этой деятельности. В связи с этим важное значение при расследовании незаконной предпринимательской деятельности имеет выявление изменений в содержании экономической информации, возникающих в результате совершения преступления, с целью обнаружения следов преступной деятельности, позволяющих установить основные обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовным делам.

Исходя из типичных несоответствий в содержании экономической информации, возникающих под влиянием незаконной предпринимательской деятельности, можно утверждать, что наиболее эффективным средством их обнаружения являются приемы, разработанные на основе методов экономико-криминалистического анализа, который характеризуется аналитическим использованием экономической информации в целях выявления признаков преступлений в сфере экономической деятельности.

Исследование записей в регистрах бухгалтерского, налогового и управленческого учетов позволяет установить способ совершения преступления, место и время, а иногда и причастных к преступлению лиц. Анализ содержания учетных и иных связанных с ними документов позволяет сформировать информационную базу, необходимую для установления основных обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

При этом важное значение имеет способ преступной деятельности, так как оказывает непосредственное влияние на характер признаков преступной деятельности. Исходя из признаков преступной деятельности, можно определить состав носителей экономической информации, в которых они закономерно отражаются. В свою очередь знание способа совершения преступления, его признаков и состава носителей экономической информации позволяет разработать методические рекомендации по выявлению, расследованию и профилактике незаконной предпринимательской деятельности.

В настоящее время назрела необходимость решения следующих задач в области борьбы с незаконной предпринимательской деятельностью:

- разработать криминалистическую классификацию способов незаконной предпринимательской деятельности;
- разработать методические приемы выявления признаков незаконной предпринимательской деятельности;
- исследовать возможности использования экономической информации для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о незаконном предпринимательстве;
- подготовить научно обоснованные рекомендации по использованию специальных экономических знаний с целью формирования качественной доказательственной базы по делам о незаконной предпринимательской деятельности.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Соркин В.С.

Проблематика, связанная с оптимизацией процессуальных полномочий прокурора в ходе досудебного производства, всегда представляла научный интерес. Это затрагивало сферу, прежде всего, уголовно-процессуальных правоотношений между органами уголовного преследования, а именно прокурором и следователем. Речь идет о процессуальной самостоятельности следователя, о его взаимоотношениях (субординации) с прокурором и начальником следственного подразделения. На первый взгляд, УПК Республики Беларусь достаточно четко регламентирует упомянутую процедуру (ст.ст. 34–36). Вместе с тем предложения по кардинальному усилению процессуальной самостоятельности следователя предпринимались в соответствии с УПК Российской Федерации и принятием

ряда Федеральных законов. Думается, целесообразно проанализировать некоторые нормы и положения данных нормативных правовых актов. С 1 января 2012 г. в Республике Беларусь создается следственный комитет. Очевидно, что будут подвергнуты пересмотру процессуальные полномочия прокурора в части надзора за следствием. В связи с этим вполне обоснованными представляются опасения, что прокурор может быть лишен значительной части своих властно-распорядительных полномочий как орган уголовного преследования, что, на наш взгляд, является недопустимым.

Нельзя не согласиться с В.П. Божьевым, который констатировал, что принятие серии нормативных правовых актов, начало которой положено Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, вряд ли правильно считать акцией по реформе предварительного расследования, хотя такая оценка указанных актов присутствует у практикующих юристов и в определенной степени – в литературе. Установленные новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве точнее было бы считать изменением организации расследования преступлений или организации процессуального руководства органами расследования. В результате корректировки УПК РФ и Федерального закона о прокуратуре нашли подтверждение ранее существовавшие формы расследования: дознание и предварительное следствие. В структуру первых введено новое подразделение – специализированное подразделение дознания, возглавляемое начальником подразделения дознания и его заместителем. При этом существенно усилены полномочия прокурора по осуществлению процессуального руководства дознанием. В отношении следственных органов руководство и надзор прокурора существенно ослаблены, что привело к усилению их независимости от прокурора. Процессуальный контроль и руководство непосредственной деятельностью следователя по осуществлению расследования отныне сосредоточены, главным образом, у руководителя следственного органа (далее – РСО). У прокурора сохранились (хотя и не в полном объеме) полномочия по осуществлению надзора за деятельностью следователя, но он, как правило, не может непосредственно воздействовать на следователя, а действует через РСО.

К сожалению, спешка, недооценка необходимости соблюдения требований системного характера при формировании норм уголовно-процессуального права характерны для законодательной практики Российской Федерации последних лет. Не успели практические работники освоить новую редакцию ряда статей УПК РФ в связи с принятием законов от 5 и 6 июня 2007 г., как им вдобавку законом от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ в УПК РФ внесены еще почти полтора десятка изменений, а вскоре (конец ноября – начало декабря 2007 г.) изданы еще три закона об очередном изменении норм УПК РФ (Федеральные законы № 272-ФЗ, 322-ФЗ, 323-ФЗ).

В дальнейшем на протяжении 2009–2010 годов подобная практика получила свое продолжение: действовавший Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации во многом способствовал обеспечению процессуальной самостоятельности следователя. Однако со всей очевидностью обнаружилось

серьезные проблемы, связанные с обоснованием прокурорского надзора за следствием, которые ограничивали права и законные интересы личности в уголовном судопроизводстве, а также не способствовали реализации задач уголовного процесса. В декабре 2010 г. в Российской Федерации был принят Федеральный Закон о следственном комитете. Постепенно прокуратура в Российской Федерации стали возвращаться утраченные им ранее процессуальные полномочия по осуществлению надзора (возбуждение уголовного дела, отмена постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и т. д.).

Обращаясь к законодательству Республики Беларусь, отметим, что в соответствии с Законом о прокуратуре определено, что предметом прокурорского надзора за исполнением законодательства органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, проведение расследования, а также законность принимаемых ими решений.

В целом данное требование на практике соблюдается. Однако, по нашему мнению, нельзя согласиться с тем, что сложившаяся процессуальная модель соответствует в полной мере задачам прокурорского надзора и уголовного процесса. Безусловно, нет необходимости перенимать законодательный опыт Российской Федерации в том объеме, который сформировался в данный момент. Несмотря на ряд спорных процессуальных новаций, российский законодатель проводит целенаправленную политику по реформированию законодательства в соответствии с международными стандартами. Вместе с тем обратим внимание на ст. 35 УПК Республики Беларусь, где речь идет о полномочиях начальника следственного подразделения. В ч. 2 ст. 35 речь идет о такой процессуальной фигуре, как помощник начальника следственного подразделения (ч. 2 ст. 35 УПК Республики Беларусь). Не отрицая важности данной процессуальной фигуры, полагаем, что законодатель практически не сформулировал его процессуальный статус. Речь идет только о полномочиях в части проверки уголовных дел и дачи по ним указаний. Кроме того, указания помощника начальника следственного подразделения обжалуются начальнику, давшему поручение о проверке уголовного дела.

В связи с этим возникает ряд вопросов, ответы на которые, по нашему мнению, не получили должного разрешения в нормах УПК Республики Беларусь:

- Будет ли эффективным контроль начальника следственного подразделения над деятельностью своего помощника, который носит ведомственный характер?

- Почему указание помощника начальника следственного подразделения обжалуются начальнику следственного подразделения, а не, например, прокурору как должностному лицу, осуществляющему надзор за законностью по упомянутой отрасли прокурорского надзора?

- Распространяется ли требование ст. 36 ч. 3 в части несогласия следователя с полученными указаниями начальника следственного подразделения на действие помощника начальника следственного подразделения?

Проанализировав затронутый перечень вопросов, полагаем целесообразным внести предложение по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в данной части:

дополнить УПК Республики Беларусь специальной нормой, где будет закреплён процессуальный статус помощника начальника следственного подразделения (в мае 2010 г. УПК Республики Беларусь был дополнен ст. 38¹ – начальник подразделения дознания, где достаточно четко прописан его процессуальный статус, что позволило оптимизировать его деятельность в уголовном деле).

Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что процесс реформирования уголовно-процессуального законодательства в упомянутой части требует длительного времени. Наши предложения не являются бесспорными и не претендуют на окончательную истину. Вместе с тем выражаем уверенность в том, что дальнейшие исследования помогут выработать наиболее актуальные предложения по совершенствованию процессуального положения прокурора при осуществлении надзора за предварительным расследованием уголовных дел.

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: НЕОБХОДИМОСТЬ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Стаценко В.Г.

Официальная статистика (МВД, прокурорская, судебная) фиксирует достаточно широкий, правда, иногда трудно сопоставимый (в связи с использованием различных методик), круг данных, характеризующих состояние преступности в целом, ее отдельных видов, социально-демографические показатели и т. п. Все это позволяет произвести достаточно точную оценку состояния преступности, правда, оговоримся, не всей, а лишь *регистрируемой*, или «официальной». Доля же последней в общем объеме совершаемых преступлений, по оценкам многих специалистов, не превышает, в лучшем случае, одной трети, и есть достаточные основания утверждать, что данные официальной статистики во всем мире с каждым днем все меньше соответствуют картине действительного роста преступности.

Неизвестную (англ. *dark number*) часть преступности принято называть латентной. Проблема латентности преступности актуальна не только в связи с необходимостью выявления объективных количественно-качественных показателей преступности, но и как существенный *криминогенный* фактор, поскольку очевидными ее последствиями являются искажение представления о фактическом объеме, уровне, структуре, динамике преступности, о величине и характере ущерба, причиняемого обществу преступными деяниями; препятствие реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенные преступления; рост преступности, прежде всего, рецидивной; недостоверность криминологических прогнозов, затрудняющая реализацию уголовной политики, и др.

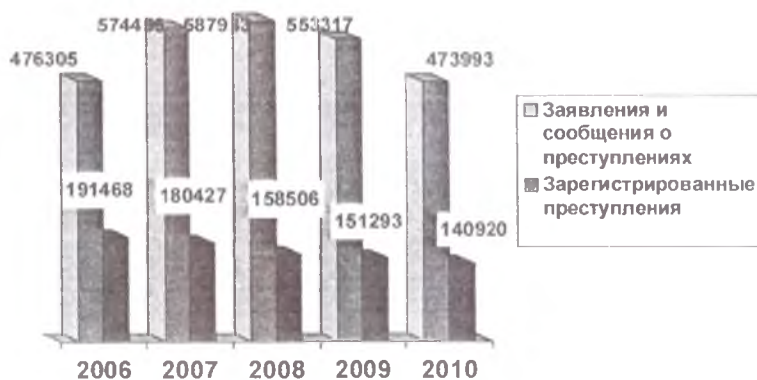
Существование латентной преступности – объективная криминологическая закономерность, характерная для всех государств. Не составляет в этом отношении исключение и Республика Беларусь.

Как свидетельствует официальная статистика, в Республике Беларусь, начиная с 2006 года, отмечается устойчивая тенденция сокращения зарегистрированной преступности, уровня преступности в расчете на численность населения. По мнению исследователей, эта тенденция снижения числа учтенных преступлений (за последних 4 года – на 26,4 %) связана, прежде всего, с декриминализацией в 2006 году части краж и других хищений, исключением из УК ст. 213 (повторное мелкое хищение), существенным снижением количества выявленных фактов краж и хулиганства, а также реальным сокращением особо опасных насильственных и корыстно-насильственных преступлений.

Не возражая против этого вывода, отметим, тем не менее, что непредвзятый анализ данных той же официальной статистики позволяет усомниться в ее репрезентативности.

Рассмотрим, в частности, соотношение таких официальных показателей, как заявления и сообщения о преступлениях, находившихся на рассмотрении ОВД и прокуратуры, и число зарегистрированных преступлений.

Динамика числа заявлений и сообщений
о преступлениях, находившихся на рассмотрении ОВД и прокуратуры,
и регистрации преступлений



Мы видим, что на фоне роста числа заявлений и сообщений о преступлениях с 2006 до 2008 года включительно на 128 625 случаев, статистика фиксирует сокращение регистрируемых преступлений на 32 962; затем число заявлений несколько снижается – в 2010 году примерно до уровня 2006 года.

при этом в 2010 году зарегистрировано на 50 548 преступлений меньше, чем в 2006 году.

На примере сопоставления статистических данных 2010 года, можно проследить, как проявляет себя известная криминологическая закономерность в виде т.н. «пирамиды уголовной юстиции»:

Таблица -- 2010 год (только МВД и прокуратура)

Рассмотрено сообщений о преступлениях	473 993
Отказано в возбуждении уголовного дела	282 974 (59,7 %)
Зарегистрировано преступлений	140 920 (29,7 % от числа заявлений)
Раскрыто преступлений	90 116 (63,9 % от зарегистрированных)
Выявлено лиц, совершивших преступления	74 109
Привлечено к уголовной ответственности	63 365
Осуждено лиц	61 054

Можно предположить, что трехкратное расхождение между числом заявленных и зарегистрированных преступлений, так же, как и между числом заявлений и числом возбужденных уголовных дел, определяется, в *существенной части*, политикой регистрирующих органов и их отношением к регистрации преступлений, и может свидетельствовать о высоком уровне искусственной латентности.

Представляет интерес совпадение экспертных оценок уровня официальной преступности (до 30 % от всей преступности) и 30-процентного уровня регистрируемых преступлений от числа заявлений.

Латентность преступности в целом определяется, прежде всего, высококачественными преступлениями, к которым относятся, в частности, такие преступления, как дача и получение взяток, умышленное причинение легкого вреда здоровью, истязания, торговля людьми, оскорбление, кража, мошенничество, вымогательство, легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, и др.

В последние 5 лет официальная статистика фиксирует существенное снижение доли насильственных и корыстно-насильственных преступлений в структуре преступности Республики Беларусь и увеличение доли преступлений против собственности и, в частности, краж (52,2 % в 2010 году). В целом, этот процесс соответствует общемировой тенденции «гуманизации преступности» по мере социально-экономического развития. Можно, видимо, прогнозировать и дальнейшее изменение структуры преступности в данном направлении.

Увеличение в структуре преступности удельного веса корыстных преступлений, очевидно, будет расширять латентную часть преступности, ибо именно корыстные преступления характеризуются, как известно, наивысшей латентностью. Следует также в качестве «информации к размышлению» отметить и обстоятельство, что при устойчивом снижении численности населе-

ния страны и его старении практически не изменилась доля криминально активного населения (от 15 до 49 лет): 49,9 % — в 1959 году, 52 % — в 2010.

При анализе преступности также важно учитывать, что общеуголовная преступность, особенно связанная с пьянством, а также вся преступность несовершеннолетних выявляется существенно более репрезентативно, чем тщательно планируемая организованная экономическая преступная деятельность, в частности, коррупционная преступность, которая, по экспертным оценкам, учитывается не более чем на 2–5 %.

Можно согласиться с мнением А.И. Долговой о том, что исследования региональных различий преступности, изменений преступности **обязательно** должны включать оценку латентности преступности в разных регионах, государствах и в разные периоды. К сожалению, в Республике Беларусь подобные исследования практически не проводились.

Отсутствие достоверных данных о масштабах латентности преступности не только не позволяет объективно оценить криминологическую картину преступности в целом и, особенно, наиболее латентных ее видов, но и определить направленность основных усилий в ее превенции. Отсюда — очевидная необходимость развертывания исследований по изучению латентной преступности.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЛЖЕПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И МОШЕННИЧЕСТВА

Хилиута В.В.

Остро дискуссионным в настоящее время продолжает оставаться и вопрос относительно правовой квалификации лжепредпринимательства с иными составами преступлений. Это связано с тем, что в качестве средства достижения своей преступной цели (получения ссуд, кредитов, прикрытия запрещенной деятельности, сокрытие занижение прибыли, доходов, извлечения иной имущественной выгоды) лица, занимающиеся лжепредпринимательством, используют обман. Например, довольно часто лжепредпринимательство является формой легализации и прикрытия крупных мошеннических операций, сопряжено с получением кредитов или является способом ухода от налогов. Создание и реальное функционирование фиктивного субъекта хозяйствования, предназначенного для осуществления незаконных и экономически упрецих целей путем обмана контрагентов и государственных органов, порождает вопрос о конкуренции данной нормы с составом мошенничества.

Следует отметить, что в правовой литературе существуют две диаметрально противоположные позиции относительно квалификации лжепредпринимательства и мошенничества.

Первая сводится к тому, что хищение в форме мошенничества не включает в число своих обязательных признаков создание фиктивной органи-

зации. Следовательно, при создании лжепредпринимательской организации с целью хищения имеются признаки двух различных общественно опасных деяний, требующих самостоятельной квалификации. Лжепредпринимательство посягает не на собственность, а на принципы осуществления хозяйственной деятельности, поэтому сам факт создания фиктивной коммерческой организации остается за рамками мошенничества. Соответственно, изъятие и обращение имущества в пользу виновного или других лиц, совершенное в рамках фиктивной организации, составом лжепредпринимательства не охватывается, и подобные действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений (ст.ст. 209, 234 УК).

Следует также отметить, что это суждение доминирует в отечественной уголовно-правовой литературе и судебной практике. В частности, подчеркивается, что лжепредпринимательство, будучи приготовлением к хищению, требует самостоятельной квалификации, поэтому данные действия надлежит квалифицировать по ст. 234 УК и ст. 209 (или ст. 210) УК. Подобно тому, как хищение в форме мошенничества не включает в число своих обязательных признаков создание фиктивной организации, так и создание фиктивного юридического лица (или индивидуального предпринимателя) не всегда предполагает умысел на хищение чужого имущества.

Так, органами предварительного следствия действия Р. были расценены как мошенничество и лжепредпринимательство при следующих обстоятельствах. Р. зарегистрировал совместно с другим лицом ООО. Причем вторым учредителем стала его знакомая, отдавшая Р. свой паспорт за денежное вознаграждение. ООО занималось приемом денежных средств у населения под высокие проценты. Однако денежные средства вкладчикам возвращены не были. Как видно, в данном случае ущерб образовался непосредственно от деятельности организации.

Вторая позиция состоит в том, что создание лжепредпринимательской структуры с целью противоправного безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц путем обмана или злоупотребления доверием и фактическое завладение чужим имуществом подобным образом следует квалифицировать как мошенничество. Как полагает в связи с этим Б.В. Волженкин, привлечение к уголовной ответственности по совокупности преступлений (лжепредпринимательства и мошенничества) возможно лишь в случае реальной совокупности данных преступлений, в частности, когда в результате лжепредпринимательства имело место извлечение имущественной выгоды, не связанное с хищением чужого имущества, но причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Сторонники данной точки зрения полагают, что лжепредпринимательство и мошенничество являются смежными преступлениями, поскольку имеют несовпадающие признаки, которые носят взаимоисключающий характер. Так, мошенничество является формой хищения, а в лжепредпринимательстве отсутствует конструктивный признак хищения — безвозмездное завладение имуществом в пользу виновного или других лиц. Несовместимость признаков

в данном случае означает, что в общественно опасном деянии могут быть признаки только одного смежного преступления, а идеальная совокупность невозможна.

Фактически, вышеупомянутое суждение полностью нашло свое закрепление в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором указано, что «в случаях создания коммерческой организации без намерения фактически осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющего целью хищение чужого имущества или приобретение права на него, содеянное полностью охватывается составом мошенничества. Указанные деяния следует дополнительно квалифицировать по ст. 173 УК РФ как лжепредпринимательство только в случаях реальной совокупности названных преступлений, когда лицо получает также иную, не связанную с хищением, имущественную выгоду (например, когда лжепредприятие создано лицом не только для совершения хищений чужого имущества, но и в целях освобождения от налогов или прикрытия запрещенной деятельности, если в результате указанных действий, не связанных с хищением чужого имущества, был причинен крупный ущерб гражданам, организациям или государству, предусмотренный ст. 173 УК РФ)».

Из всего сказанного можно сделать первый однозначный вывод, в соответствии с которым лжепредпринимательство никак не является какой-либо разновидностью хищения, скорее, наоборот, оно сопряжено с извлечением имущественной выгоды. Второй вывод касается того, что даже если лжепредпринимательство и квалифицировать в совокупности с мошенничеством, то необходимо установить и доказать самостоятельный ущерб, причиненный в результате лжепредпринимательства (а не мошенничества).

Сегодня же получается так, что квалифицируя лжепредпринимательство в совокупности с мошенничеством, правоохранительные органы фактически дважды вменяют лицу в вину причиненный ущерб – и в результате мошеннических, и лжепредпринимательских действий. Этого на самом деле нет, ибо ущерб возникает в результате противоправных виновных действий лица, связанных с обманным завладением чужим имуществом с использованием юридического лица (или статуса индивидуального предпринимателя), а не в результате регистрации или создания субъекта хозяйствования. Использование фиктивного юридического лица (или статуса индивидуального предпринимателя) является одним из средств (условий) осуществления мошеннического обмана и не более того.

По сути своей, исходя из действующей диспозиции ст. 234 УК, можно сказать, что в настоящее время лжепредпринимательство представляет собой некий конгломерат из нескольких составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена различными статьями уголовного закона (ст.ст. 209, 216, 237, 243 и др.), причем псевдолегальность лжепредпринимательства связана не с фактом создания и регистрации субъекта хозяйствования, а с фиктивностью деятельности данного юридического лица или индивидуального

предпринимателя. При существующей диспозиции ст. 234 УК возможность вменения состава лжепредпринимательства практически ставится в жесткую зависимость от факта совершения другого преступления. Однако преступно ни само по себе создание фиктивной организации и не в этом цель преступников, а получение нелегальной выгоды, извлечение преступного дохода, включая завладение чужим имуществом.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОСУДИЕ» И «СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ»

Хиревич М.Л.

Конституция Республики Беларусь закрепляет положение о том, что суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов. Употребляя понятие «правосудие» как в Конституции Республики Беларусь, так и в ряде иных актов законодательства, законодатель, однако, не раскрывает его содержания.

Судебная власть в Республике Беларусь осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства. В теории и практике уголовного судопроизводства наряду с основной функцией судебной власти, которой является осуществления правосудия по уголовным делам, с недавнего времени широкое распространение получил термин «судебный контроль». Именно поэтому вопросы содержания понятий «правосудие» и «судебный контроль», их соотношения являются одними из важнейших в теории и практике уголовного процесса и требующих своего надлежащего разрешения.

Ученые-процессуалисты под понятием «правосудие» в рамках уголовного процесса понимают регулируемую законом деятельность суда по рассмотрению и разрешению в судебных заседаниях в установленном порядке уголовных дел с применением в необходимых случаях от имени государства мер принуждения к правонарушителям в целях охраны от посягательств прав и свобод граждан, защиты нарушенного либо оспариваемого права, либо охраняемых законом интересов, а также нравственно-правового воспитания населения и предупреждения правонарушений. Нередко судебную власть отождествляют с правосудием. Указанные понятия являются близкими по содержанию, но не тождественными. По новоду их соотношения в науке уголовного процесса имеются две точки зрения. Так, одни ученые относят правосудие к функциям судебной власти. Представители же другой точки зрения рассматривают правосудие в качестве формы осуществления судебной власти. Таким образом, разрешение данного спора сводится к уяснению сущности понятий «функция» и «форма». Так, под функциями понимаются основные направления деятельности. Форму же определяют как внешнее выражение чего-нибудь, обусловленное определенным содержанием. Исходя из при-

веденных определений, правосудие следует рассматривать в качестве основной функции судебной власти.

С недавнего времени в науке уголовного процесса появилось понятие «судебный контроль». Однако, несмотря на наличие многочисленных исследований, посвященных данному феномену, до конца не выяснен вопрос о его сущности.

Некоторые представители науки и практики считают судебный контроль одной из форм правосудия. Представляется, что такая точка зрения основывается на анализе процессуальной формы осуществления судебного контроля, который, как и правосудие, осуществляется в судебном заседании. Однако судебное заседание, проводимое при осуществлении судебного контроля, имеет свою специфику. Так, например, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, рассмотрение жалобы на содержание, заключение под стражу, домашний арест, продление срока содержания под стражей, домашнего ареста осуществляется в закрытом судебном заседании. Данный институт не предполагает состязательности, защитник, если он участвует в деле, лишь имеет право, но не обязан присутствовать в судебном заседании.

Однако следует не согласиться с отнесением судебного контроля к деятельности по осуществлению правосудия по следующим основаниям. Во-первых, правосудие заключается в рассмотрении и разрешении дела по существу. При осуществлении правосудия решается главный вопрос всего производства по уголовному делу, каковым и является вопрос о виновности (невиновности) определенного лица в инкриминируемом преступлении. Ответ на него суд может дать лишь на основе всестороннего, полного и объективного исследования в процессе судебного следствия собранных по делу доказательств и сформулировать его в постановляемом им судебном приговоре. Ни в каком ином процессуальном решении суда, рассматривавшего уголовное дело по первой инстанции, акта правосудия нет. Во-вторых, понятие судопроизводства, являющееся формой реализации судебной власти в уголовном процессе, охватывает не только стадию судебного разбирательства, но и досудебное производство, разрешение вопросов, возникающих при исполнении приговора. В-третьих, сходство процессуальных форм осуществления правосудия и контроля еще не говорит о том, что вся осуществляемая судом деятельность будет являться правосудием. Ее соблюдение при осуществлении судебного контроля в наибольшей степени позволяет гарантировать законность и объективность выносимых по его итогам решений.

Следует также согласиться с мнением В.А. Азарова и И.Ю. Таричко о том, что рассмотрение судебного контроля как формы осуществления правосудия по уголовным делам может привести к размыванию границ данного понятия и к необоснованному расширению задач, стоящих перед функцией правосудия, что, в свою очередь, негативно скажется на его эффективности.

По мнению других ученых, судебный контроль представляет собой вспомогательную, обеспечительную по отношению к правосудию деятель-

ность. С данным положением трудно согласиться, поскольку деятельность суда при принятии решения по жалобе на действия (бездействие) и решения органов уголовного преследования направлена на защиту прав и законных интересов граждан, а не на обеспечение вынесения в итоге судом правосудного приговора.

Следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают судебный контроль самостоятельной функцией судебной власти, отдельной от правосудия. Судебный контроль имеет важнейшее значение для осуществления защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. На досудебных стадиях уголовного судопроизводства судебный контроль за законностью и обоснованностью решений и действий органов уголовного преследования, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, имеет своим содержанием предупреждение возможных ошибок органов предварительного расследования и исправление уже допущенных нарушений.

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь судебный контроль не нашел своего широкого применения и заключается лишь в возможности обжалования в суд некоторых решений и действий (бездействия) органов уголовного преследования. В то время как, например, в Российской Федерации к компетенции суда относится принятие решений об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, о продлении срока содержания под стражей, о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, о производстве ряда иных процессуальных действий. В связи с чем, представляется не только возможным, но и необходимым расширение полномочий судебного контроля в досудебном производстве в Республике Беларусь.

О ДАВНО ЗАТЯНУВШЕМСЯ НЕДОРАЗУМЕНИИ, ИЛИ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ВСЛЕДСТВИЕ ИНОЙ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ

Хомич В.М.

1. Наличие у лица, совершившего преступление, иной тяжелой болезни не является основанием освобождения его от уголовной ответственности и от применения соответствующего наказания. С учетом тяжести совершенного преступления и иных обстоятельств, учитываемых при избрании соответствующего вида наказания, суд может и должен назначить такое наказание, которое необходимо для достижения целей частного и общего предупреждения преступлений.

Наличие у лица тяжелой болезни учитывается судом не в аспекте реализации принципа индивидуализации, а исходя из проявления гуманного

обращения с виновным лицом, и при этом в разной степени, в зависимости от того, возникла ли эта болезнь до совершения преступления или после его совершения. При этом влияние болезни на выбор наказания и в первом, и во втором случаях зависит от тяжести совершенного преступления.

2. Назначая наказание, суд должен учесть характер болезни, принимая во внимание одновременно следующее: а) тяжесть совершенного преступления и опасность лица, его совершившего; б) фактическую (физическую) возможность лица отбывать соответствующее наказание; в) общеизвестное правовое требование – **«суд, назначая наказание, не должен преследовать цель причинить виновному физическое страдание и унижить его человеческое достоинство»**. Если первая правовая позиция не требует комментариев, то вторая и третья нуждаются в пояснении.

Следует исходить из того, что применительно к отдельным видам наказания (ч. 4 ст. 49, ч. 3 ст. 52, ч. 5 ст. 55 УК) невозможность их назначения и отбывания прямо оговаривается применительно к содержанию (каре) этих видов наказания посредством указания на нетрудоспособность осуждаемого лица (инвалид I и II группы вследствие перенесенного или существующего заболевания). Если осужденный заболел во время отбывания таких наказаний (не связанных с изоляцией осужденного от общества), то его освобождение от отбывания назначенного наказания осуществляется после установления инвалидности. Временная болезнь, когда лицо фактически не отбывает наказание, засчитывается в срок отбывания таких наказаний. Право осужденного на медицинскую помощь и лечение реализуется на общих условиях. Здесь нет проблемы – ни фактической, ни правовой, которая заключена в правовой позиции «если осужденный во время отбывания наказания страдает тяжелой болезнью (непсихической), которая препятствует отбыванию наказания, то...».

Учитывая то, что любое наказание объективно причиняет физические страдания, обусловленные его карательным содержанием, обязывает суд не исходить из приоритета возмездно-карательных начал в применении наказания, в том числе не усугублять наказанием физические страдания, связанные с болезнью, исходя из принципа гуманизма. Указанное заключение не относится напрямую к вопросу индивидуализации наказания виновному за совершенное преступление. Суд, признавая необходимым изолировать лицо, которое совершило тяжкое или особо тяжкое преступление, может назначить лишение свободы, учитывая, в том числе наличие у лица тяжелой болезни. При этом независимо от того, возникла эта болезнь до совершения преступления или после его совершения. Вопрос о том, препятствует тяжелая болезнь отбыванию назначенного наказания или не препятствует, определяется течением болезни (заболевания) и условиями отбывания наказания, позволяющими (или не позволяющими) оказывать больному осужденному необходимый объем медицинских услуг по лечению. Поэтому момент истины и правового разрешения возникшей проблемы применения института освобождения от отбывания наказания вследствие тяжелой болезни осужденного – не в наличии заболевания и времени, когда оно возникло. Он заключен в такой степени

тяжести заболевания, когда облегчение физических страданий, связанных с проявлением болезни, невозможно в режиме отбывания наказания и (или) создает ситуацию, когда осужденный перестает осознавать наказание (или, как прописано в УК Франции, медицинский мотив для осужденного становится основным и отбывание наказания утрачивает для него всякий смысл).

3. Эта проблема всегда существовала и ставилась при назначении наказания в виде лишения свободы. Наказание в виде лишения свободы – самое строгое наказание, но весь объем кары заключен в самом факте изоляции лица от общества посредством содержания его в закрытом учреждении. Международный стандарт для данного вида наказания предполагает, что во всем остальном, в том числе и в праве на гарантированную медицинскую помощь, осужденный не может быть ограничен, в том числе на облегчение его страданий (мучений) вследствие наличия тяжелой болезни. В принципе указанный стандарт в определенной степени выдерживается и в национальной системе исполнения и отбывания данного наказания. Из этого следует, что в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, свидетельствующего об особой опасности виновного, суд может назначить лишение свободы даже с учетом наличия у осужденного тяжелой болезни (в том числе включенной в известный список). Факт изоляции лица от общества и его содержание в закрытом учреждении при обеспечении в условиях изоляции требуемой амбулаторной или стационарной медицинской помощи, в принципе, гарантируется. Поэтому, когда суды отказывают в назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 70 УК), при наличии у лица тяжелой болезни в случае совершения им тяжкого или особо тяжкого преступления, и назначают все-таки лишение свободы, не следует оценивать как нарушение (или несоблюдение) принципа индивидуализации наказания.

Болезнь (даже входящая в известный перечень) не является системно образующим элементом (обстоятельством) принципа индивидуализации наказания, если функционально (физически) не содержит (не проявляет) очевидных противопоказаний к применению тех мер карательного воздействия, которые свойственны тому или иному виду наказания, независимо от того, заболело лицо до совершения преступления или после совершения преступления.

4. Действительно, формулировка ч. 2 ст. 92 УК «заболело после вынесения приговора иной тяжелой болезнью» вносит некоторую неопределенность в момент, когда же эта тяжелая болезнь должна возникнуть. Но это глубоко медицинский момент в трактовке оснований освобождения лица от отбывания наказания. Как считают специалисты, никто точно не может определить, когда возникла у лица эта болезнь, поскольку функциональное проявление болезни (ее диагностирование) и время возникновения заболевания (тем более, ее проявление) – это совершенно разные вещи. Такова естественная природа этих неприятных для человека закономерностей.

Российский УК (ч. 2 ст. 81) использует формулировку «если лицо заболело иной тяжелой болезнью после совершения преступления» (аналогично УК Украины). Однако буквально это означает, что данный институт освобо-

ждения от отбывания наказания не распространяется на лиц, которые совершили преступление после того, как заболели этой болезнью, хотя это не соответствует юридической природе (сущности и назначению) данного вида освобождения от отбывания наказания. Более того, если лицо заболело тяжелой болезнью после совершения преступления, то суд, назначив наказание такому лицу, может сразу освободить осужденного от отбывания наказания. Но таких решений российские суды при постановлении приговора не принимают, поскольку нельзя определить точно и однозначно, будет ли эта болезнь препятствовать отбыванию наказания и в какой степени.

5. Момент основания освобождения от отбывания наказания по болезни следует акцентировать на том, **препятствует ли или не препятствует тяжелая болезнь отбыванию наказания** в смысле права осужденного на общедоступные методы лечения его заболевания или смягчение страданий в связи с наличием этой болезни. Освобождение от отбывания наказания по болезни обусловлено лишь фактором, что исполнение наказания не должно физически отягчать страдания, связанные с этой болезнью. При этом не учитывается фактор, исправилось либо не исправилось данное лицо. Поэтому следует исходить из того, что во время отбывания наказания лицо страдает соответствующей тяжелой болезнью, ее течение является прогрессирующим и дальнейшее отбывание наказания несовместимо с функцией обеспечения его здоровья и облегчения его страданий. Именно эта сторона должна стать предметом судебного рассмотрения при решении судом вопроса освобождения от отбывания наказания, а не время возникновения заболевания.

В связи с этим обоснование отказов в освобождении от отбывания наказания по болезни со ссылкой на то, что лицо заболело до вынесения приговора, вызывает справедливые нарекания со стороны осужденных, поскольку основано на акцентировании тех аспектов данного института освобождения, которые являются несущественными при разрешении указанных вопросов. При этом наличие у осужденного тяжелой болезни, включенной в известный список, само по себе не является основанием освобождения от отбывания наказания, хотя большинство осужденных считают, что этого достаточно. И виновата в этом сложившаяся правоприменительная практика, она же породила многочисленные жалобы.

Однозначно следует сказать, что наличие у осужденного иной тяжелой болезни, которая включена в соответствующий список, не является безусловным и абсолютным основанием для принятия решения об освобождении, если в условиях лишения свободы имеется возможность обеспечения всеми видами медицинских услуг в плане лечения, поддержания здоровья, облегчения участи тяжелобольного осужденного.

Наиболее корректно редакция указанной нормы сформулирована не в УК Украины и России, а в УК Казахстана («лицо, страдающее иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено...»). В свое время в проекте УК нами предлагалась соответствующая редакция, но она не была воспринята.

К ВОПРОСУ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Хомич М.В.

1. Вопрос о соотношении функций прокурора в уголовном процессе, особенно в досудебной стадии, остается дискуссионным как в теории прокурорского надзора, так и уголовного процесса.

Большинство специалистов сегодня считают, что прокурор в уголовном процессе осуществляет только одну процессуальную функцию – уголовного преследования (обвинения). Надзор прокурора за соблюдением законов в ходе предварительного следствия не является в данном контексте самостоятельной функцией, поскольку функция уголовного преследования (обвинения) на основе обеспечения его законности и обоснованности является качественно приоритетной и обеспечивается особыми надзорными полномочиями. Прокурорский надзор за расследованием правомерно рассматривать как особую форму уголовного преследования, посредством чего выстраивается и обеспечивается законность и доказанность обвинения лица в совершенном преступлении. В этом заключен особый статус прокурора как субъекта уголовного преследования.

2. Только при такой законодательной конструкции полномочий прокуратуры в уголовном судопроизводстве на досудебной и судебной стадиях уголовного процесса прокурор может качественно (на принципах законности и обоснованности) обеспечить выполнение роли стороны обвинения на условиях состязательности. Это позволит сохранить единство целей участников уголовного процесса, выступающих на стороне обвинения, и обеспечить в целом бесконфликтность уголовного судопроизводства с учетом возможных амбициозных притязаний властных субъектов на исключительность своих полномочий в осуществлении уголовного преследования.

3. Утверждение, что в уголовном процессе прокурор осуществляет две самостоятельные функции – уголовного преследования и надзора – базируется на законодательных коллизиях, которые сегодня вряд ли адекватны реалиям времени и произошедшим изменениям в системе органов, осуществляющих уголовное преследование. Так, ссылаясь на ст. 37 УПК РФ, утверждают, что законодатель однозначно указывает на то, что «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной уголовно-процессуальным законом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». Кроме того, федеральный закон о прокуратуре РФ, закрепляя основные полномочия (задачи, но не функции) прокуратуры, называет, наряду с другими, надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие

и уголовное преследование. При этом упускают из внимания, что уголовное преследование, наряду с органами предварительного следствия, прокуратура осуществляет в соответствии с полномочиями, установленными УПК РФ, то есть в формате обеспечения законности и обоснованности уголовного преследования и его неотвратимости. Можно сказать, что прокурор, осуществляя уголовное преследование на досудебной стадии уголовного процесса, реализует эту функцию на принципах правосудия. В ряде европейских государств подобные полномочия прокурора в уголовном процессе на досудебной стадии включают и возможность разрешения по существу вопросов, связанных с осуществлением им уголовного преследования, включая право на отказ от уголовного преследования, в том числе по нереабилитирующим основаниям, применение некоторых мер уголовного наказания без передачи уголовного дела в суд.

4. Возбуждение и расследование уголовного дела (предварительное следствие, включая надзорные полномочия прокурора за следствием), осуществляемые в рамках УПК, являются формами (процессуальными), способами уголовного преследования.

Что касается оперативно-розыскной деятельности, то она не относится и не может относиться к формам уголовного преследования как уголовно-процессуальной деятельности, ее следует рассматривать как вспомогательную по отношению к обвинительной власти систему информационного обеспечения процесса доказывания.

5. Анализ полномочий, предоставленных прокурору законодателем для обеспечения им функции уголовного преследования, в том числе исконно надзорных, показывает, что они сформулированы комплексно и на единой основе.

Изменения и дополнения, внесенные в УПК и Закон «О прокуратуре Республики Беларусь» Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З, в полной мере реализуют наши заключения по указанной проблеме. В соответствии с ч. 1 ст. 34 УПК, прокурор как должностное лицо в пределах своей компетенции от имени государства осуществляет уголовное преследование и поддерживает государственное обвинение в суде. Надзорные полномочия прокурора за предварительным следствием и дознанием становятся функционально и по содержанию особыми полномочиями прокурора как ответственного должностного лица, осуществляющего и выражающего обвинительную власть в уголовном преследовании лиц, совершивших преступление, в том числе и в отношениях с иными субъектами, уполномоченными осуществлять уголовное преследование.

6. Раскрывая **предмет надзора** за исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания, ст. 30 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» определяет, что таковым является соответствие предварительного следствия и дознания (то есть форм и способов осуществления уголовного преследования) требованиям УПК. В свою очередь, полномочия прокурора при осуществлении надзора за

исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания также определяются УПК (ст. 31).

Об этом свидетельствует и системно-сравнительный анализ ч. 4 и ч. 5 ст. 34 УПК. Так, в ч. 4 упомянутой статьи раскрываются базовые (исходные) полномочия прокурора как одного из субъектов уголовного преследования, в том числе посредством надзора (в ходе досудебного производства по материалам и уголовному делу прокурор возбуждает уголовное дело, принимает уголовное дело к своему производству и расследует его в полном объеме, пользуясь при этом полномочиями следователя, или поручает его расследование нижестоящему прокурору либо соответствующему органу предварительного следствия; отказывает в возбуждении уголовного дела; **осуществляет надзор за расследованием уголовных дел органом дознания, следователем; осуществляет процессуальное руководство и надзор за деятельностью нижестоящего прокурора, производящего предварительное следствие**), а в ч. 5 этой статьи – конкретно надзорные способы осуществления прокурором функции уголовного преследования, которые выражают его особый статус как представителя обвинительной власти, которую он должен осуществлять, обеспечивая и гарантируя законность уголовного преследования и обвинения.

Можно говорить о полноте или неполноте указанных полномочий, но совершенно очевидно, что это особые полномочия, которые реализует прокурор при осуществлении единой функции в уголовном процессе, – функции уголовного преследования и обвинения. В связи с этим представляется высказать пока лишь одно предложение – есть необходимость вернуться к обвинительному заключению и его утверждению прокурором.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Худяков А.В.

ГУБОПиК МВД обобщена практика рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Изучением охвачен период с 2000 по 2011 год, в рамках которого, по данным Единого государственного банка данных о правонарушениях, правоохранительными органами выявлено 271 преступление.

За анализируемый период до суда дошло менее половины дел – 107, из которых обвинительные приговоры вынесены по 74. К уголовной ответственности привлечено 72 лица.

Анализ материальных составов преступлений, лежащих в основе выводов стороны обвинения о наличии в действиях лица признаков преступления, позволяет отметить следующие, наиболее часто встречающиеся, основные категории предекативных правонарушений: мошенничество; хищение путем

злоупотребления служебными полномочиями; уклонение от уплаты сумм налогов, сборов; незаконная предпринимательская деятельность.

Имеет место предъявление обвинений в совершении преступлений сразу по трем-шести составам, одним из которых является легализация. Наиболее типична данная ситуация для лиц, совершивших преступления в составе организованной преступной группы.

Вместе с тем такие основные категории правонарушений, по которым были бы вынесены обвинительные приговоры, как терроризм, включая финансирование терроризма; торговля людьми и незаконная миграция; сексуальная эксплуатация; незаконный оборот наркотических средств и оружия; подделка денежных знаков; контрабанда и другие, в качестве предикативных преступлений судом не рассматривались.

По каждому третьему уголовному делу, дошедшему до суда, выносятся оправдательный приговор в части совершения легализации, а обвинительные приговоры выносятся по другим составам. Чаще всего к ним относятся незаконная предпринимательская деятельность, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

Необходимо выделить два значительных массива уголовных дел, которые изначально были возбуждены по признакам совершения преступления, предусмотренного ст. 235 УК Беларуси.

В частности, около 20 % подобных уголовных дел объединяет то, что ввиду отсутствия в них достаточной доказательной базы органы прокуратуры не поддерживают обвинение в совершении лицами легализации, а в суд подобные дела идут по другим составам. Чаще всего к ним относится незаконная предпринимательская деятельность, уклонение от уплаты сумм налогов и сборов.

Около 25 % уголовных дел объединяет то, что органы прокуратуры выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Чаще всего (90 %) это происходит с формулировкой «за отсутствием в деянии состава преступления», что может свидетельствовать о недостаточной квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Анализ судебной практики позволяет построить обобщенную схему легализации, состоящую из нескольких этапов: получение денег в результате противоправной деятельности; размещение преступных наличных средств в финансовой системе; дробление денежных средств с целью их маскировки; обратная конвертация денег путем продажи приобретенного имущества и концентрация «отмытых» денег; расходование на жизненные повседневные потребности и подыскание законных путей для их прибыльного использования.

Для легализации преступных доходов используются разнообразные способы, которые образуют единую систему действий: перечисление безналичных средств на основе соглашения о поставке фиктивных товаров, оказания фиктивных услуг; внесение наличных денег в кассу предприятия в качестве платы за фиктивные товары (услуги); возвращение вывезенных ранее средств в виде инвестиционных или кредитных ресурсов; покупка объектов недвижимости, непосредственно контролируемых теневым субъектом; ис-

пользование криминальных финансовых посредников; закупка безналичных средств субъектов экономической деятельности, которые имеют потребность в неучтенных наличных деньгах или в скрытых платежах.

Большое практическое значение для расследования имеет установление признаков, свидетельствующих о подготовке к легализации преступных доходов, среди которых имеют место: создание лежефирм, фирм-посредников, совместных предприятий, предприятий, основанных на собственности юридических лиц и граждан других государств, в том числе фиктивных компаний в зарубежных странах; помещение денежных средств на счета отечественных банков с дроблением сумм; незаконное получение банковских кредитов с целью перевода их в зарубежные банки; совершение бартерных сделок.

Необходимо выделить наиболее типичные приемы, которые самостоятельно или в комбинации с другими применяются для сокрытия способов легализации преступных доходов: подлоги в банковских и бухгалтерских документах; манипуляции с расчетными счетами лежефирм юридических и физических лиц, незарегистрированными расчетными счетами субъектов предпринимательской деятельности; денежные переводы в адрес фиктивных юридических лиц или фирм зарубежных государств; банковские платежи по сделкам фиктивным инвесторам.

Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что часть совершенных преступлений основана на заключении сделок, которые по своему содержанию имеют сложный многоуровневый характер. Осуществление подобных сделок требует не только основательной юридической, финансовой и организационной подготовки, но и грамотного сопровождения. Лица, привлекаемые для осуществления подобных функций, а это высококвалифицированные бухгалтеры, создающие сложный аудиторский след, профессиональные юристы, привлекаемые для придания юридической силы совершаемым сделкам, остаются вне поля зрения сотрудников оперативных подразделений, поскольку напрямую не имеют отношения ни к какой из финансовых операций, связанных со схемой.

При осуществлении поиска фактов, свидетельствующих о наличии легализации преступных доходов, важное значение приобретают организационно-тактические методы. К числу таких методов относятся: экономический анализ деятельности интересующего следствия объекта; криминалистический анализ, анализ чистого капитала; поиск скрытых доходов; анализ источников доходов и последующего расхода денежных средств и материальных ценностей.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день в национальной системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма накоплен определенный практический опыт, позволяющий, пусть пока не в полной мере, но оказывать противодействие данному виду преступности.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВИЛА *NON BIS IN IDEM* В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ХЫЛЮК С.В.

Правило *non bis in idem* (в переводе с латинского «не дважды за одно») является одним из древнейших правовых принципов западной цивилизации, корни которого уходят во времена Древней Греции и Рима. По данным Вилема Ван Бокла, первое упоминание о нем датируется примерно 355 г. до н. э., когда Демосфен сделал вывод, что закон запрещает судить одного и того же человека дважды по одному и тому же поводу. Этот принцип появляется снова в *Corpus Juris Civilis* Юстиниана. В основе его лежат две латинские максимы: *nemo debet bis vexari pro una et eadem cause* («никто не должен обвиняться дважды в одном и том же правонарушении») и *nemo debet bis puniri pro uno delicto* («никто не должен быть наказан дважды за то же правонарушение»). Исторически сложилось так, что действие этого правила ограничили сферой применения уголовного права на внутригосударственном уровне.

Анализируя содержание указанного правила, судья Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононов не без оснований заявляет, что в связи с отсутствием официального признания правила *non bis in idem* в советском уголовном праве и правовой доктрине, оно недостаточно усвоено современным правосознанием. В Украине ситуация осложняется доминированием обвинительного уклона в науке уголовного права, а также непоследовательной позицией высшей судебной инстанции Украины.

С учетом описанных реалий правовой действительности и положений ст. 17 Закона Украины от 23 февраля 2006 г. «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» (практика Европейского суда по правам человека признана источником права в Украине), целесообразно обращение к решениям Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) с целью выяснения содержания правила *non bis in idem*.

Правило «не дважды за одно» закреплено в ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), которым Конвенция была дополнена в 1984 году в виде субъективного права лица не быть привлеченным к суду или наказанным дважды. Важность этого права подтверждается, в том числе, запретом его ограничения даже в чрезвычайных обстоятельствах (ч. 3 ст. 4 Протокола № 7, ст. 15 Конвенции). Практика ЕСПЧ по применению рассматриваемого положения Конвенции является весьма ограниченной: рассмотрено 28 дел, из них по 9-ти констатировано нарушение ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции. Украина не была стороной ни в одном из указанных дел.

Практика Европейского суда по правам человека по применению ст. 4 Протокола № 7 Конвенции является непоследовательной и в некоторых случаях даже противоречивой. Этот недостаток признает и сам суд. ЕСПЧ кон-

статировал в решении по делу Золотухина против России, что применял различные подходы к трактовке содержания *idem*-компонента правила «не дважды за одно». В целях устранения этих недостатков определил, что в дальнейшем ЕСПЧ поддерживает ту позицию, согласно которой ст. 4 Протокола № 7 следует понимать как запрет уголовного преследования лица дважды за правонарушения, которые базируются на тех же фактах или фактах, которые, по сути, являются такими же.

ЕСПЧ рассматривает правило «не дважды за одно» в рамках правовой системы одного государства, поэтому в его решениях нет ответа, согласуется ли с положениями *non bis in idem* привлечение лица к ответственности дважды за одно и то же, но юрисдикционными органами разных государств.

В практике ЕСПЧ действие правила «не дважды за одно» распространяется только на уголовно-правовую сферу, границы которой суд понимает гораздо шире, чем национальные юрисдикции государств-членов Совета Европы, в том числе и Украины. Принимая во внимание объект посягательства и строгость взыскания, ЕСПЧ относит к уголовно-правовым отдельные виды административных правонарушений.

Правило *non bis in idem* в трактовке ЕСПЧ составляет неразрывное единство материально-правовых и процессуально-правовых положений, следовательно, не может рассматриваться как отраслевой принцип уголовного права. Решая отдельные спорные вопросы, ЕСПЧ отдает предпочтение процессуальным аспектам. Однако правовая природа и функции уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, их соотношение на нынешнем этапе развития юриспруденции дают основания для иного решения этой проблемы.

Материально-правовая составляющая правила «не дважды за одно» сводится к решению двух вопросов. Во-первых, что подразумевается под «тем самым нарушением», за которое нельзя привлекать к суду, а также наказывать дважды. Во-вторых, что следует считать двойным наказанием.

ЕСПЧ констатирует, что одно деяние может составить идеальную совокупность преступлений уголовно-правового характера, и это не противоречит правилу *non bis in idem*. Проводя границу между теми случаями, когда одно деяние может составить идеальную совокупность преступлений, и случаями, когда инкриминирования лицу двух посягательств, которые вытекают из одних фактов, является нарушением правила «не дважды за одно», ЕСПЧ фактически формулирует некоторые подходы к разграничению составов преступлений и ограничению их от других видов правонарушений. При этом встречаются утверждения, которые корреспондируют понятию конкуренции общей и специальной нормы, а также части и целого, в частности, в деле Фишера против Австрии. ЕСПЧ не дает никаких рекомендаций относительно того, какая из конкурирующих норм подлежит применению, он лишь констатирует несоответствие одновременного инкриминирования конкурирующих норм правилу «не дважды за одно». Из отдельных решений следует, что, согласно положениям *non bis in idem*, деяние, которое получило окончательную оценку как административное правонарушение, не может признаваться пре-

ступлением или его составной, и наоборот. Однако не противоречит рассматриваемому правилу одновременное применение к лицу за те же деяния уголовно-правовой и конституционной ответственности, уголовной ответственности и финансовых санкций.

Отдельные позиции Верховного Суда Украины относительно квалификации преступлений не согласуются с трактовкой правила «не дважды за одно» в решениях ЕСПЧ. В частности, это касается рекомендаций Пленума ВС Украины дважды инкриминировать лицу последствия в виде смерти, в случае совершения умышленного убийства или иного преступления, основной или квалифицированный состав которого содержит такой признак, как тяжкие последствия. Поскольку, по мнению ЕСПЧ, нет оснований наказывать правонарушителя, негативные последствия которых полностью охватываются составом других правонарушений.

Лишение права заниматься определенной деятельностью не оценивается ЕСПЧ как наказание в уголовно-правовом понимании ввиду того, что оно не является карой для осужденного, а призвано защитить интересы других. Следовательно, применение к лицу наряду с основным наказанием этого вида наказания не является двойным наказанием. Также не нарушает правила *non bis in idem* в части двойного наказания применение к лицу помимо наказания за преступление еще и фискальных санкций. Не является двойным наказанием замена штрафа лишением свободы в случае неуплаты штрафа, хотя такую меру ЕСПЧ называет архаичной.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Чжао Лу

1. Уголовное законодательство Китая состоит не только из Уголовного кодекса КНР (далее – УК), но и из нормативных правовых актов подзаконного характера, а также толкований Верховного народного суда КНР и Верховной народной прокуратуры КНР. Если имеются расхождения между УК и толкованиями, то применяются толкования. Суд имеет право на усмотрение в установленных законом пределах, так как из содержания закона суд не всегда может прийти к выводу, что деяние является коррупционным преступлением. Таким образом, суд применяет закон, но он также должен изучить толкования закона и антикоррупционное законодательство.

Такой способ признания деяния коррупционным преступлением является сложным и не в полной мере соответствует принципу законности, поскольку преступность деяния, его наказуемость и другие уголовно-правовые последствия совершения преступления определяются только УК, который является единственным основанием уголовной ответственности. Попутно сле-

дует отметить, что такой способ толкования закона может способствовать совершению судей коррупционных деяний.

2. В уголовном законодательстве КНР предусмотрена ответственность за различные коррупционные преступления, но отдельной главы о коррупционных преступлениях в УК нет, а статьи, предусматривающие ответственность за коррупционные преступления, размещены в разных главах.

В последние годы китайский законодательный орган принял восемь законопроектов о внесении изменений и дополнений в УК, дополнив его новыми преступлениями, связанными с коррупцией, а также внеся изменения в уже существующие составы преступлений. Вместе с тем в УК еще не за все коррупционные деяния предусмотрена уголовная ответственность. По нашему мнению, это не соответствует принципу справедливости, а также затрудняет эффективную борьбу с коррупцией, тем более, что в последние годы коэффициент коррупционных преступлений возрастает быстрее, чем раньше. Кроме того, за последние двадцать лет почти пять тысяч взяточников скрылись за границей и вывезли из Китая пятьдесят миллиардов долларов.

Вместе с тем некоторые китайские ученые считают, что в УК достаточно статей, предусматривающих уголовную ответственность за коррупционные преступления. Они отмечают, что в настоящее время нет необходимости во внесении изменений и дополнений в УК, а более актуальным является принятие закона о борьбе с коррупцией. Несколько лет некоторыми известными учеными предлагались проекты такого закона, но законодательным органом соответствующий правовой акт пока не принят.

3. С учеными, которые считают, что во внесении изменений в УК нет необходимости, нельзя согласиться, исходя из следующего.

Во-первых, некоторые составы коррупционных преступлений содержат дефекты, вследствие чего в ряде случаев признание деяния преступлением зависит от усмотрения судьи из-за неясности признаков состава преступления. В связи с этим необходимо конкретизировать признаки коррупционных преступлений, чтобы ограничить судебное усмотрение.

Во-вторых, разные по степени опасности деяния влекут одинаковое наказание. Например, в ст. 385 УК предусмотрена ответственность лица за получение взятки в свою пользу или в пользу третьих лиц. Этой же статьей предусмотрена ответственность государственных служащих за получение незаконного вознаграждения. Указанные деяния различаются по степени общественной опасности, но влекут одинаковую ответственность.

В-третьих, в составах коррупционных преступлений не указывается стоимость материального и нематериального вознаграждения, хотя размер вознаграждения должен учитываться в процессе квалификации преступлений. Но нужно отметить, что с учетом развития экономики представляется нецелесообразным установление размеров незаконного вознаграждения в УК в твердых суммах. Кроме того, несмотря на то, что разные преступники имеют неодинаковую зарплату, за получение взятки в одних и тех же суммах разным лицам назначается одинаковое наказание.

4. Следует также отметить проблему, связанную с назначением наказаний за коррупционные преступления. Так, по законодательству КНР взятка в размере до пяти тысяч юаней является коррупционным преступлением, а в юридической практике получение взятки в сто тысяч юаней будет влечь лишение свободы от десяти лет до пожизненного заключения. Вместе с тем некоторыми преступниками были получены взятки в особо крупных размерах – свыше пятисот тысяч юаней, но им было назначено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше семи лет. Подобная практика не соответствует закону.

5. По нашему мнению, в УК недостаточно видов наказаний за коррупцию, а также недостаточно имущественных наказаний или наказаний, связанных с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на определенный срок. Вместе с тем в Китае установлена смертная казнь за коррупционные преступления. Но, несмотря на то, что международные организации по правам человека отмечают, что в Китае часто назначают смертную казнь, данное наказание в действительности никогда не назначалось судами за коррупционные преступления. Поэтому возникает вопрос об отмене смертной казни за коррупцию.

ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И КНР

Чжу Цзинь Цзе

После распада СССР Беларусь унаследовала советские традиции правоохранительной системы вообще и специфику предварительного следствия в частности. Что касается Китая, то в теории противодействия преступности, а также в методологии предварительного следствия на определенном этапе имело место заимствование советской модели построения таких видов деятельности. Несколько позже названные модели были обогащены собственным опытом ведения следствия в Китайской Народной Республике. В результате сформировалась оригинальная специфическая система правоохранительной деятельности, равно как и криминалистического обеспечения предварительного следствия. Анализ и сравнение развития и функционирования криминалистического обеспечения предварительного следствия в Китае и в Беларуси имеет огромное значение для криминалистики обоих государств.

На сегодняшний день преступность во всем мире имеет ряд ранее не известных характеристик, связанных с появлением новых высокотехнологичных способов совершения преступлений, что бросило серьезный вызов и поставило новые требования перед работниками органов предварительного расследования КНР.

Практика показывает, что в расследовании уголовных дел существует три основные проблемы, так называемые «три трудности»: первая – это труд-

ность выявления преступления, вторая – трудность пресечения преступной деятельности, и третья – это трудность сбора доказательств, то есть собственно предварительного следствия. Исходя из этого, можно сделать вывод, что усовершенствование работы по расследованию уголовных преступлений, поиск путей преодоления вышеуказанных «трех трудностей» является важной теоретической проблемой стратегического характера.

Несмотря на то, что в данной сфере Китай и Беларусь имеют свои специфические особенности, тем не менее имеется и много схожего. Исследование и сравнение криминалистического обеспечения борьбы с преступностью в Китае и Беларуси, на наш взгляд, обладает несомненной теоретической и практической значимостью.

Наибольший интерес в научном и методическом плане для правоохранительных органов КНР представляет опыт реформирования органов предварительного следствия в Республике Беларусь.

Осенью 2011 года в Республике Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. № 409 образован Следственный комитет Республики Беларусь. Это осуществлено путем выделения следственного аппарата из системы органов прокуратуры, подразделений предварительного следствия из системы органов внутренних дел и системы органов финансовых расследований Комитета государственного контроля. В целях создания необходимой правовой базы для деятельности Следственного комитета Республики Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 10 ноября 2011 г. № 518 утверждено Положение о Следственном комитете Республики Беларусь; Положение о порядке прохождения службы в Следственном комитете Республики Беларусь; Дисциплинарный устав Следственного комитета Республики Беларусь. В целях создания надлежащих условий для деятельности Следственного комитета Республики Беларусь Президентом Республики Беларусь 11 ноября 2011 г. подписан Указ № 523 «О некоторых вопросах Следственного комитета Республики Беларусь».

Изменение правового поля в области регулирования следственной деятельности влечет за собой достаточно серьезную перестройку организации всей как криминалистической, так и оперативно-розыскной деятельности, направленной на обеспечение эффективного предварительного следствия.

Такие радикальные реформы, по нашему мнению, требуют и совершенствования системы криминалистического обеспечения путем перехода к ее сервисному типу на всех уровнях. Исходя из опыта работы органов предварительного следствия КНР, можно сделать вывод о том, что совершенствование системы криминалистического обеспечения предварительного следствия неразрывно связано с необходимостью активизации путей выявления, пресечения и расследования преступлений посредством использования оперативно-розыскных технологий, ориентированных, кроме того, и на постоянный контроль за правопорядком в обществе.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ВИРУСНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

Шарапов С.А.

Впервые научное толкование понятия «компьютерный вирус» дано в 1984 году Фредом Козном (США), который определил его как программу, способную «заражать» другие программы при помощи их модификации с целью внедрения своих копий. Во многих странах мира деяния с использованием таких программ признаны общественно опасными и уголовно наказуемыми. В Республике Беларусь уголовная ответственность за разработку, заведомое использование специальных вирусных программ (далее – вирусные программы) и распространение носителей с ними впервые предусмотрена ст. 354 Уголовного кодекса 1999 года, вступившего в силу с 1 января 2001 г. Согласно указанной статье вирусные программы отнесены к отдельному виду вредоносных компьютерных программ, в связи с чем необходимо дать их точное определение, позволяющее однозначно идентифицировать вирусную компьютерную программу. Вместе с тем многочисленные специалисты в области права и в сфере информационной безопасности высказывают различные подходы к определению понятия вирусной программы. Одни авторы утверждают, что вирусы представляют собой программы, предназначенные для поражения других компьютерных программ: «программа-вирус – это специально созданная программа, способная размножаться, присоединяться к другим программам (то есть «заражать» их) и при запуске последних выполнять нежелательные различные операции». На основании такой позиции даже высказывается мнение, что «можно не бояться попадания в компьютер вируса ... если на «чистый» компьютер перезаписываются файлы в виде документов, информационные файлы баз данных или табличных процессоров, то есть не программы». Между тем, другие авторы заявляют, что компьютерные вирусы могут поражать не только программы, но и файлы.

Взгляды ученых на определение вирусных программ, исходя из среды их распространения, также неоднозначны. По мнению одних, «компьютерный вирус представляет собой фрагмент компьютерного кода, который может прикрепляться к другой компьютерной программе (сам по себе этот фрагмент существовать не может)». Другие с этим не соглашались, указывая, что «вирусы, прятаявшие свой код в теле других программ, сдали свои позиции. Вирус превратился в абсолютно отдельную, независимую программу, не нуждающуюся в «хозяине-переносчике». В то же время ряд исследователей вообще не относят такие «независимые» программы к вирусам, выделяя их в отдельную группу вредоносных программ: «сетевые черви – программы, которые, распространяясь по сети, не изменяют файлы, а проникают в память компьютера, вычисляя сетевые адреса других компьютеров и рассылают по этим адресам свои копии. Хотя их и называют вирусами, таковыми они не являются»; «компьютерные «черви» по характеру схожи с компьютерными ви-

русами. Отличие состоит в том, что «червь» -- это самостоятельная программа». Однако эту позицию не разделяют авторы, которые утверждают, что программы типа «сетевой червь» являются разновидностями вирусов -- сетевыми вирусами: «червь -- тип вируса, который может распространяться, не заражая отдельные программы или файлы».

В ноябре 2003 г. в Республике Беларусь введен ГОСТ 31078-2002, согласно которому «компьютерный вирус -- программа, способная создавать свои копии (необязательно совпадающие с оригиналом) и внедрять их в файлы, системные области компьютера, компьютерных сетей, а также осуществлять иные деструктивные действия. При этом копии сохраняют способность дальнейшего распространения». Вместе с тем такое определение не согласуется с позицией ряда ученых по данному вопросу, а также не в полной мере соответствует терминологии ст. 354 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в которой применяется понятие «специальные вирусные программы».

Также следует отметить, что в ходе научных исследований делается прогноз о появлении новых типов и классов вредоносных программ, не подпадающих ни под одно из существующих в юридической литературе определений.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в настоящее время ряда неоднозначных толкований понятия вирусной программы. По нашему мнению, такая ситуация может привести к формированию противоречивой правоприменительной практики и негативно отразиться на состоянии борьбы с преступлениями против информационной безопасности.

На основании изложенного полагаем, что существующие проблемные вопросы определения термина вирусной компьютерной программы требуют своего законодательного урегулирования.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Шилин Д. В.

Одной из современных негативных тенденций в общественных отношениях является вовлечение недвижимых культурных ценностей в экономическую деятельность, вследствие чего имеют место их неадекватная реконструкция и снос по соображениям экономической нецелесообразности сохранения данных ценностей в изначальном месте и состоянии. Причиной для такой тенденции выступает интенсификация экономических отношений (приватизация, увеличение темпов градостроительства, существенное повышение стоимости земельных участков в исторической части населенных пунктов и пр.). Например, в последнее время участились случаи, когда в целях освобождения наиболее ликвидных земельных участков от памятников архитектуры, требующих капитального и дорогостоящего ремонта, их переносят в иное место.

Подобные процессы неблагоприятно отражаются на сохранности материальных культурных ценностей, приводя к уничтожению, полной либо частичной утрате своей аутентичности без каких-либо серьезных уголовно-правовых последствий для виновных лиц. Кроме того, существенно снижается эффективность охраны культурных ценностей нормами уголовного права, поскольку для целей уголовной ответственности применяется рыночный подход определения стоимости объектов культурного достояния. Он основывается исключительно на фактической (балансовой) оценке объектов и не учитывает их культурологической значимости.

Вместе с тем очевидно, что культурные ценности – это объекты, нравственная значимость и основная социальная функция которых состоит именно в удовлетворении духовных потребностей общества. Такие объекты традиционно рассматриваются законодателем как разновидность обычного имущества с незначительной материальной (балансовой) стоимостью. Данному подходу способствует отсутствие в правоприменительной практике критериев, которые позволяют адекватно оценить ущерб культурному достоянию, причиненный преступлением, а также соотнести последствия утраты объектом своих давностных внешних характеристик (оцениваются по принципу остаточной стоимости обычного имущества) и культурно-исторической аутентичности (ущерб от ее потери не может быть соразмерен остаточной стоимости).

На наш взгляд, исключительно экономический (стоимостной) подход к оценке объектов культурного достояния, вовлекаемых как в легальный, так и нелегальный оборот, выступает одним из социальных факторов, снижающих эффективность уголовно-правовой охраны культурных ценностей. Данный тезис подтверждается анализом правоприменительной практики, в частности, «отказных» материалов по фактам уничтожения либо повреждения историко-культурных ценностей. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела органы предварительного расследования не принимают во внимание уникальность (редкость) уничтоженного либо поврежденного объекта, значимость (важность) для отечественной государственности событий, отраженных в культурной ценности, и др. Не учитывается также то обстоятельство, что территория, непосредственно прилегающая к памятнику архитектуры, образует неповторимый культурно-исторический ландшафт, в связи с чем ее изъятие для строительства производственного или жилого комплекса (перемещение объекта на иную территорию) нарушит целостность восприятия культурной ценности.

Полагаем, что при оценке такого ущерба (вреда) следует ориентироваться на культурологические критерии оценки причиненного вреда и опасности содеянного (физический объем, степень урона (утраты), повреждение культурной ценности как особо контролируемого и сохраняемого объекта). Что касается стоимости культурной ценности как объективированного имущества, то она может и должна учитываться в качестве дополнительного критерия при оценке опасности деяний, с учетом способа посягательства.

Преступный характер посягательств, связанных с повреждением или сносом ценностей (перемещением недвижимых объектов, вовлекаемых в хозяйственную деятельность или в связи с такой деятельностью), должен определяться их культурно-историческими критериями как объектов, обладающих особыми нравственными свойствами, а не их балансовой стоимостью как имущественного комплекса или его части.

УЧАСТИЕ НАРОДА УКРАИНЫ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Щерба В.Н.

В ч. 4 ст. 124 Конституции Украины предусмотрено, что народ непосредственно принимает участие в осуществлении правосудия через народных заседателей и присяжных. Участие народа в отправлении правосудия – это один из принципов уголовного судопроизводства. Этот принцип подвергся существенной деформации в связи с тем, что 19 мая 2011 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины относительно участия народных заседателей». В соответствии с этим Законом народные заседатели уже не осуществляют правосудие по уголовным делам.

На наш взгляд, нельзя согласиться с отменой этого института. Во-первых, объем уголовных дел, которые рассматривались с участием народных заседателей, был ограниченным. Во-вторых, участие народных заседателей в рассмотрении уголовных дел вносило определенный общественный контроль за осуществлением правосудия профессиональными судьями. В-третьих, положение о том, что народ непосредственно принимает участие в осуществлении правосудия через народных заседателей, закреплено в ч. 4 ст. 124 Конституции Украины. Таким образом, отменить этот институт можно только через внесение изменений в Основной Закон Украины. Очевидно, что Закон от 19 мая 2011 г., которым ликвидирован институт народных заседателей в уголовном судопроизводстве, является неконституционным, а поэтому его необходимо отменить.

Согласно ч. 4 ст. 124 Конституции Украины судебную власть, кроме народных заседателей, должны реализовывать в определенных законом случаях и присяжные путем осуществления правосудия в рамках соответствующих судебных процедур. Однако этот вопрос в законодательстве еще не решен. Итак, сейчас ни народные заседатели, ни присяжные не осуществляют в Украине правосудие по уголовным делам. Таким образом, можно утверждать, что принцип участия народа в отправлении правосудия, который закреплен в ч. 4 ст. 124 Конституции Украины, не действует.

Необходимо обратить внимание на следующий аспект участия народа в уголовном судопроизводстве. Если в УПК будут внесены дополнения об уча-

стии присяжных в отправлении правосудия, возникнут проблемы, связанные с его организационно-правовым обеспечением. Объясняется это тем, что в Законе Украины от 7 июля 2010 г. «О судоустройстве и статусе судей» (далее – Закон) не урегулирован порядок отбора присяжных. В ст. 63 Закона только указано, что присяжными признаются граждане Украины, которые в случаях, предусмотренных процессуальным законом, привлекаются к осуществлению правосудия.

Закон не дает ответ на следующие вопросы: каков порядок формирования списка присяжных и привлечения присяжного к выполнению обязанностей; какие требования предъявляются к присяжному, основания и порядок освобождения присяжного от исполнения обязанностей; каковы гарантии прав присяжного. В Законе также не определен минимальный возраст присяжного.

Поэтому предлагаем ст. 63 Закона дополнить положением, что суд присяжных образуется для рассмотрения по первой инстанции судебных дел, определенных процессуальным законом. Список присяжных по представлению председателя апелляционного суда формируется на основании списков избирателей комиссией. В состав комиссии входят уполномоченные представители суда, органов юстиции и соответствующего совета. В списки присяжных должны включаться граждане, постоянно проживающие на территории соответствующей области, которые отвечают требованиям этой статьи. Список присяжных утверждается решением соответствующего совета не позднее одного месяца со дня получения представления председателя суда и в тот же срок направляется в суд, а также публикуется в печатных средствах массовой информации местного совета. Списки присяжных утверждаются сроком на четыре года.

Список присяжных может формироваться и в другом порядке. Это зависит от того, как в будущем в уголовно-процессуальном законе будет определяться подсудность уголовных дел. В настоящее время согласно ст. 33 УПК все уголовные дела рассматриваются по первой инстанции районными, районными в городах, городскими судами. Если и после принятия нового УПК сохранится этот порядок определения подсудности уголовных дел, то нужно в Законе определить порядок формирования списка присяжных для рассмотрения по первой инстанции уголовных дел именно этими судами.

Нам представляется приемлемым следующий порядок. Список присяжных по представлению председателя местного суда формируется на основании списка избирателей комиссией, состав которой утверждает председатель местного совета. В состав комиссии должны входить уполномоченные представители местного суда, органов районного управления юстиции и соответствующего совета. В список присяжных следует включать граждан, которые постоянно проживают на территории района, города и соответствуют требованиям, установленным в ст. 63 этого Закона.

Также ст. 63 Закона следует дополнить нормой, что присяжным может быть лицо, достигшее 30-летнего возраста. Не могут быть присяжными лица,

указанные в части второй ст. 59 Закона. Лицо, включенное в список присяжных, обязано уведомить председателя суда об обстоятельствах, исключающих возможность его участия в осуществлении правосудия.

Кроме того, в ст. 63 Закона необходимо предусмотреть, что подлежат освобождению от исполнения обязанностей присяжного по распоряжению председателя суда по их просьбе лица, указанные в части второй ст. 60 Закона.

Важно в ст. 63 Закона определить и порядок привлечения присяжных к исполнению обязанностей в суде. Предлагаем дополнить эту статью положением, что присяжные привлекаются к осуществлению правосудия в порядке очередности на срок не более одного месяца в год, кроме случаев, когда продление этого срока обусловлено необходимостью закончить рассмотрение дела, начатого с их участием. Письменное приглашение для участия в осуществлении правосудия должно быть отправлено судом присяжному не позднее чем за две недели до начала судебного заседания. В приглашении указываются права и обязанности присяжного, перечень требований к присяжному, а также основания для освобождения его от исполнения обязанностей. Суд, который приглашает присяжного, должен письменно уведомить об этом руководителя предприятия, учреждения, организации по месту его работы не позднее чем в двухнедельный срок до начала судебного заседания. Руководитель предприятия, учреждения, организации, независимо от формы собственности, обязан освободить присяжного от работы на время исполнения им обязанностей в суде. Отказ в освобождении от работы считается неуважением к суду и влечет предусмотренную законом ответственность виновных должностных лиц. Присяжный обязан своевременно явиться по приглашению суда для участия в судебном заседании. Неявка без уважительных причин в судебное заседание считается неуважением к суду. Порядок отбора присяжных для рассмотрения дела, порядок принесения ими присяги и ее содержание определяются процессуальным законом.

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Якулин В.

Munera per gentes corrumpitur undique mentes

Взяточничество подрывает добросовестность во всем мире

Латинская пословица

Коррупция – это явление, которое существует столько же, сколько и человечество, и которое распространено во всем мире. Оно приводит к многим негативным последствиям в социальной и экономической сферах. Главными социальными последствиями коррупции являются:

- ошибочные и неадекватные правила и политика;
- низкий авторитет государственных органов;

– сокращение числа привлекательных вакансий в государственном секторе;

– неэффективная работа государственного сектора;

– рост бедности и неравенства;

– снижение числа учащихся в школах (увеличение уровня коррупции на 1 условный пункт приводит к снижению числа учащихся на 5 %);

– снижение продолжительности жизни (увеличение уровня коррупции на 1 условный пункт приводит к снижению продолжительности жизни на 2,5 года);

– подрыв верховенства права;

– замедление хода демократических и рыночных реформ;

– снижение политической стабильности;

– рост уровня преступности;

– предвзятость при принятии решений;

– нарушение политических и гражданских прав;

– нарушение фундаментального права на справедливое обращение.

Последствия в сфере экономики могут быть прямыми и косвенными. В числе основных прямых последствий можно назвать:

– уменьшение объема инвестиций (увеличение уровня коррупции на 1 условный пункт приводит к снижению объема инвестиций на 2,5 %);

– увеличение налогов (увеличение уровня коррупции на 1 условный пункт приводит к росту налогов на 7,5 %);

– снижение роста ВВП (увеличение уровня коррупции на 1 условный пункт приводит к снижению роста ВВП на 0,13 %);

– снижение ВВП на душу населения (увеличение уровня коррупции на 1 условный пункт приводит к снижению ВВП на душу населения на 425 \$).

Главными косвенными последствиями являются:

– неравенство при налогообложении;

– увеличение размера пособий на душу населения;

– неправильное распределение ресурсов и талантливых работников -- изменения в структуре государственных расходов -- снижение государственных доходов от основных товаров и услуг;

– снижение активности инновационного мышления и продуктивности;

– рост теневого рынка;

– дополнительные препятствия для экспортеров из менее коррумпированных государств на рынках коррумпированных государств-импортеров;

– снижение конкуренции и продуктивности;

– предпочтение неэффективным производителям.

Хотя негативные последствия коррупции известны уже долгое время, международное сообщество только недавно получило правовые инструменты, позволяющие бороться с этим явлением на международном уровне.

Ниже следует привести избранные положения Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности

за коррупцию, а также некоторые положения нового Уголовного кодекса Республики Словения о коррупционных преступлениях.

1. Конвенция ООН против коррупции

Конвенция состоит из Преамбулы и семьдесят одной статьи. Преамбула содержит некоторые выводы и акценты, заслуживающие особого внимания.

Государства-участники Конвенции обеспокоены серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку. Они также обеспокоены связями между коррупцией и другими формами преступности, в частности организованной и экономической преступностью, включая отмывание денежных средств.

Государства-участники убеждены, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней. Они также убеждены, что незаконное приобретение личного состояния может нанести серьезный ущерб демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку.

Государства-участники учитывают, что предупреждение и искоренение коррупции – это обязанность всех государств и что для обеспечения эффективности своих усилий в данной области они должны сотрудничать друг с другом при поддержке и участии отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин.

Статья 1 определяет цели Конвенции:

а) содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней;

б) поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятии мер по возвращению активов;

с) поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом.

Статья 2 содержит определения терминов и понятий. Для целей настоящей Конвенции:

а) «публичное должностное лицо» означает: i) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе Государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; ii) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Госу-

дарства-участника; iii) любое другое лицо, определяемое в качестве «публично-го должностного лица» во внутреннем законодательстве Государства-участника. Тем не менее для целей принятия некоторых конкретных мер, предусмотренных главой II настоящей Конвенции, «публичное должностное лицо» может означать любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника;

б) «иностранное публичное должностное лицо» означает любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия;

с) «должностное лицо публичной международной организации» означает международного гражданского служащего или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени;

д) «имущество» означает любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них;

е) «доходы от преступления» означают любое имущество, приобретенное или полученное, прямо или косвенно, в результате совершения какого-либо преступления;

ф) «приостановление операций (замораживание)» или «арест» означают временное запрещение передачи, преобразования, отчуждения или передвижения имущества, или временное вступление во владение таким имуществом, или временное осуществление контроля над ним по постановлению суда или другого компетентного органа;

г) «конфискация» означает окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа;

h) «основное правонарушение» означает любое правонарушение, в результате которого были получены доходы, в отношении которых могут быть совершены указанные в статье 23 настоящей Конвенции деяния, образующие состав преступления;

и) «контролируемая поставка» означает метод, при котором допускается вывоз, провоз или ввоз на территорию одного или нескольких государств незаконных или вызывающих подозрение партий груза с ведома и под надзором их компетентных органов в целях расследования какого-либо преступления и выявления лиц, участвующих в совершении этого преступления.

Статья 4 регулирует защиту суверенитета. Государства-участники осуществляют свои обязательства согласно настоящей Конвенции в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств:

ничто в настоящей Конвенции не наделяет Государство-участника правом осуществлять на территории другого государства юрисдикцию и функции, которые входят исключительно в компетенцию органов этого другого государства в соответствии с его внутренним законодательством.

Глава II Конвенции содержит положения, которые устанавливают меры по предупреждению коррупции в государственном и частном секторах. Хотелось бы представить положения Статьи 14, регулирующей меры по предотвращению отмыwania денег, которое наиболее тесно связано с коррупцией. В соответствии с указанным положением каждое Государство-участник:

а) устанавливает всеобъемлющий внутренний режим регулирования и надзора в отношении банков и небанковских финансовых учреждений, в том числе физических или юридических лиц, предоставляющих официальные или неофициальные услуги в связи с переводом денежных средств или ценностей, а также, в надлежащих случаях, других органов, являющихся особо уязвимыми с точки зрения отмыwania денежных средств, в пределах своей компетенции, в целях недопущения и выявления всех форм отмыwania денежных средств, причем такой режим основывается в первую очередь на требованиях в отношении идентификации личности клиента и, в надлежащих случаях, собственника-бенефициара, ведения отчетности и предоставления сообщений о подозрительных сделках;

б) без ущерба для статьи 46 настоящей Конвенции обеспечивает, чтобы административные, регулирующие, правоохранные и другие органы, ведущие борьбу с отмыванием денежных средств (в том числе, когда это соответствует внутреннему законодательству, и судебные органы), были способны осуществлять сотрудничество и обмен информацией на национальном и международном уровнях на условиях, устанавливаемых его внутренним законодательством, и в этих целях рассматривает вопрос об учреждении подразделения по финансовой оперативной информации, которое будет действовать в качестве национального центра для сбора, анализа и распространения информации, касающейся возможных случаев отмыwania денежных средств.

Государства-участники рассматривают вопрос о применении практически возможных мер по выявлению перемещения наличных денежных средств и соответствующих оборотных инструментов через их границы и по контролю за таким перемещением при условии соблюдения гарантий, направленных на обеспечение надлежащего использования информации, и не создавая каких-либо препятствий перемещению законного капитала. Такие меры могут включать требование о том, чтобы физические лица и коммерческие предприятия сообщали о трансграничных переводах значительных объемов наличных денежных средств и передачах соответствующих оборотных инструментов.

Государства-участники рассматривают вопрос о применении надлежащих и практически возможных мер для установления требования о том, чтобы финансовые учреждения, включая учреждения по переводу денежных средств:

а) включали в формуляры для электронного перевода средств и связанные с ними сообщения точную и содержательную информацию об отправителе;

б) сохраняли такую информацию по всей цепочке осуществления платежа;

с) проводили углубленную проверку переводов средств в случае отсутствия полной информации об отправителе.

При установлении внутреннего режима регулирования и надзора, согласно положениям настоящей статьи и без ущерба для любой другой статьи настоящей Конвенции, Государствам-участникам предлагается руководствоваться соответствующими инициативами региональных, межрегиональных и многосторонних организаций, направленными против отмывания денежных средств.

Государства-участники стремятся к развитию и поощрению глобального, регионального, субрегионального и двустороннего сотрудничества между судебными и правоохранительными органами, а также органами финансового регулирования в целях борьбы с отмыванием денежных средств.

Хотелось бы напомнить, что некоторые схемы отмывания денег тесно связаны со взяточничеством.

С точки зрения уголовного права наиболее важной является глава III Конвенции, положения которой определяют, какие деяния должны быть криминализованы в национальном законодательстве. В соответствии с указанной главой следующие деяния должны быть криминализованы в национальном законодательстве: подкуп национальных публичных должностных лиц, подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом, злоупотребление влиянием в корыстных целях, злоупотребление служебным положением, незаконное обогащение, подкуп в частном секторе, хищение имущества в частном секторе, отмывание доходов от преступлений, сокрытие, воспрепятствование осуществлению правосудия.

Из перечисленных положений хотелось бы представить статью 23, регулиющую отмывание преступных доходов, поскольку взятки рассматриваются как доходы от преступной деятельности. В соответствии с указанной статьей каждое Государство-участник принимает в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

а)

i) конверсию или перевод имущества, если известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений, в целях сокрытия или утаивания преступного источника этого имущества или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении основного правонарушения, с тем чтобы оно могло уклониться от ответственности за свои деяния;

ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежность, если известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений;

b) при условии соблюдения основных принципов своей правовой системы:

i) приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений;

ii) участие, причастность или вступление в сговор с целью совершения любого из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, покушение на его совершение, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при его совершении.

Для целей осуществления или применения пункта 1 настоящей статьи:

a) каждое Государство-участник стремится применять пункт 1 настоящей статьи к самому широкому кругу основных правонарушений;

b) каждое Государство-участник включает в число основных правонарушений, как минимум, всеобъемлющий круг преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией;

c) для целей подпункта (b), основные правонарушения включают преступления, совершенные как в пределах, так и за пределами юрисдикции соответствующего Государства-участника. Однако преступления, совершенные за пределами юрисдикции какого-либо Государства-участника, представляют собой основные правонарушения только при условии, что соответствующее деяние является уголовно наказуемым согласно внутреннему законодательству государства, в котором оно совершено, и было бы уголовно наказуемым согласно внутреннему законодательству Государства-участника, в котором осуществляется или применяется настоящая статья, если бы оно было совершено в нем;

d) каждое Государство-участник представляет Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций тексты своих законов, обеспечивающих осуществление положений настоящей статьи, а также тексты любых последующих изменений к таким законам или их описание;

e) если этого требуют основополагающие принципы внутреннего законодательства Государства-участника, то можно предусмотреть, что преступления, указанные в пункте 1 настоящей статьи, не относятся к лицам, совершившим основное правонарушение.

Из положений указанной главы хотелось бы озвучить статью 26, регулиющую ответственность юридических лиц, поскольку число случаев участия юридических лиц в коррупции растет. В соответствии с указанной статьей каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией.

При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной.

Возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления.

Каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции.

Глава IV Конвенции регулирует международное сотрудничество, глава V – меры по возвращению активов. В соответствии с главой V возвращение активов представляет собой основополагающий принцип настоящей Конвенции, и Государства-участники самым широким образом сотрудничают друг с другом и предоставляют друг другу помощь в этом отношении.

Глава VI регулирует оказание технической помощи и обмен информацией.

Глава VII определяет механизмы осуществления Конвенции. Заключительные положения содержатся в Главе VIII.

2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию

Государства-члены Совета Европы и другие государства, подписавшие настоящую Конвенцию, приняли настоящую Конвенцию 27 января 1999 г. Конвенция состоит из Прсамбулы и 5 разделов. В Преамбуле содержатся некоторые выводы и акценты, которые заслуживают особого внимания. Государства-участники убеждены в необходимости проводить в первоочередном порядке общую уголовную политику, направленную на защиту общества от коррупции, включая принятие соответствующего законодательства и превентивных мер.

Они подчеркивают, что коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества. Они считают, что для эффективной борьбы с коррупцией требуются расширение, активизация и надлежащее функционирование международного сотрудничества в области уголовного права.

Государства-участники напоминают, что в Резолюции № 1, принятой министрами юстиции европейских стран на их 21-й конференции (Прага, 1997 год), рекомендуется скорейшее осуществление Программы действий по борьбе с коррупцией и, в частности, содержится призыв к скорейшему принятию конвенции об уголовной ответственности, предусматривающей скоординированную квалификацию правонарушений в форме коррупции как уголовно наказуемых деяний, активизацию сотрудничества в целях преследования за такие правонарушения, а также создание эффективного контрольного ме-

ханизма, открытого для участия государств-членов и государств, не являющихся членами Совета Европы, на равной основе.

Первая статья Конвенции содержит определения понятий. Для целей настоящей Конвенции:

а) «государственным должностным лицом» считается лицо, определяемое как «государственный служащий», «должностное лицо», «мэр», «министр» или «судья» в национальном праве государства, в котором данное лицо выполняет эту функцию, как она определяется в уголовном праве;

б) термин «судья», упомянутый в подпункте (а), включает прокуроров и лиц, занимающих должности в судебных органах;

с) в случае разбирательства, касающегося какого-либо государственно-го должностного лица другого государства, государство, осуществляющее преследование, может применять определение государственного должностного лица лишь в той степени, в какой это определение не противоречит его национальному праву;

д) «юридическое лицо» означает любое образование, имеющее таковой статус в силу действующего национального права, за исключением государств или других государственных органов, действующих в осуществление государственных полномочий, а также международных организаций.

С точки зрения уголовного права наибольший интерес представляет Раздел II Конвенции, который определяет, какие деяния должны рассматриваться в качестве преступлений в национальном законодательстве и другие положения, необходимые для эффективной борьбы с коррупцией. В соответствии с указанной статьей в национальном законодательстве необходимо криминализировать следующие деяния: активный подкуп национальных государственных должностных лиц, пассивный подкуп национальных государственных должностных лиц, подкуп членов национальных государственных собраний, подкуп иностранных государственных должностных лиц, подкуп членов иностранных государственных собраний, активный подкуп в частном секторе, пассивный подкуп в частном секторе, подкуп должностных лиц международных организаций, подкуп членов международных парламентских собраний, подкуп судей и должностных лиц международных судов, использование служебного положения в корыстных целях, отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией, преступления, касающиеся операций со счетами.

Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений в соответствии с ее внутренним правом пособничество или подстрекательство к совершению любого уголовного преступления, квалифицированного в качестве такового в соответствии с настоящей Конвенцией.

В указанном разделе есть и другие интересные положения. Из этих положений хотелось бы представить те, которые устанавливают ответственность юридических лиц, определяют меры по содействию сбору доказа-

тельств и конфискации доходов, а также положения о защите сотрудничающих с правосудием лиц и свидетелей.

В соответствии со статьей 18 каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных преступлений, заключающихся в активном подкупе, использовании служебного положения в корыстных целях и отмывании денег, квалифицированных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией и совершенных в интересах любого физического лица, действующего в своем личном качестве или в составе органа юридического лица, которое занимает ведущую должность в юридическом лице, путем:

- выполнения представительских функций от имени юридического лица;
- осуществления права на принятие решений от имени юридического лица;
- осуществления контрольных функций в рамках юридического лица;
- за участие такого физического лица в вышеупомянутых преступлениях в качестве соучастника или подстрекателя.

Помимо случаев, уже предусмотренных пунктом 1, каждая Сторона принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы юридическое лицо могло быть привлечено к ответственности тогда, когда вследствие отсутствия надзора или контроля со стороны физического лица, упомянутого в пункте 1, появляется возможность совершения уголовных преступлений, упомянутых в пункте 1, в интересах этого юридического лица физическим лицом, осуществляющим свои полномочия от его имени.

Ответственность юридического лица в соответствии с пунктами 1 и 2 не исключает возможности уголовного преследования физических лиц, совершивших, подстрекавших к совершению или участвовавших в уголовных преступлениях, упомянутых в пункте 1.

Статья 22 регулирует защиту сотрудничающих с правосудием лиц и свидетелей. Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения эффективной и надлежащей защиты:

а) тех, кто сообщает об уголовных преступлениях, квалифицированных в качестве таковых в соответствии со статьями 2–14, или иным образом сотрудничает со следствием или органами, осуществляющими уголовное преследование;

б) свидетелей, дающих показания, касающиеся этих преступлений.

Меры по содействию сбору доказательств и конфискации доходов определяются в статье 23. Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться, включая меры, допускающие использование специальных следственных действий в соответствии с национальным законодательством, в целях обеспечения возможностей для содействия сбору доказательств по уголовным преступлениям, квалифицированным в качестве таковых в соответствии со статьями 2–14 настоящей Конвенции, а также для выявления, розыска, замораживания и ареста вещественных дока-

зательств и доходов от коррупции или имущества, стоимость которого эквивалентна таким доходам, на которые распространяются меры, определенные в соответствии с пунктом 3 статьи 19 настоящей Конвенции.

Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться в целях наделения ее судов или других компетентных органов полномочиями отдавать распоряжения о предоставлении или аресте банковской, финансовой или коммерческой документации в целях осуществления действий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи. Банковская тайна не является препятствием для осуществления мер, предусмотренных пунктами 1 и 2 настоящей статьи.

Раздел IV Конвенции регулирует международное сотрудничество. Заключительные положения содержатся в Разделе V.

3. Коррупционные преступления в Уголовном кодексе Республики Словения

Национальное Собрание Республики Словения на своей сессии 20 мая 2008 г. приняло новый Уголовный кодекс (далее – УК-1), который вступил в силу 1 ноября 2008 г. УК-1 содержит ряд новшеств, в результате его принятия произошла радикальная реформа материального уголовного права Республики Словения. УК-1 предусматривает семь коррупционных преступлений: получение взятки во время выборов или голосования (статья 157), принятие подарка без согласования (статья 241), вручение подарка без согласования (статья 242), получение взятки (статья 261), дача взятки (статья 262), принятие выгод за незаконное посредничество (статья 263), предоставление выгод за незаконное посредничество (статья 264).

Ниже приводятся статьи, предусматривающие получение и дачу взятки официальным лицам.

а) Получение взятки.

б) Часть 1 статьи 261 УК-1 устанавливает, что государственный служащий или должностное лицо, которое требует передачи или соглашается принять для себя или для третьего лица вознаграждение, подарок или иную выгоду имущественного характера, а также обещание или предложение такой выгоды за выполнение официального действия в рамках своих полномочий, которое не следовало выполнять, или за невыполнение официального действия, которое следовало выполнить, или за иное злоупотребление своим положением, а также лицо, которое выступило в качестве посредника при получении взятки государственным служащим, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от одного до восьми лет и штрафа.

Часть 2 данной статьи криминализирует действия государственного служащего или должностного лица, которое требует передачи или соглашается принять для себя или для третьего лица вознаграждение, подарок или иную выгоду имущественного характера, а также обещание или предложение такой выгоды за выполнение официального действия в рамках своих полномочий, которое следовало или разрешалось выполнить, или за невыполнение официального действия, которое не следовало выполнять, или за иное использова-

ние своего положения, а также лица, которое выступило посредником в даче такого рода взятки государственному служащему. Такому лицу назначается наказание в виде лишения свободы от одного до пяти лет.

Часть 3 настоящей статьи устанавливает, что государственный служащий или должностное лицо, которое требует передачи или соглашается принять для себя или для третьего лица вознаграждение, подарок или иную выгоду имущественного характера, как указано в предыдущих частях, после того, как официальное действие или бездействие уже имело место, подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок от одного года до трех лет.

Часть 4 устанавливает, что принятое вознаграждение, подарок или выгода подлежат конфискации.

б) Дача взятки

Часть 1 статьи 262 УК-1 предписывает, что лицо, которое обещает, предлагает или передает вознаграждение, подарок, или предоставляет иную выгоду государственному служащему или должностному лицу для него самого или для третьего лица за выполнение официального действия в рамках его полномочий, которое не следовало выполнять, или за невыполнение официального действия, которое следовало или разрешалось выполнить, или за иное злоупотребление положением, а также лицо, которое выступило в качестве посредника при даче взятки государственному служащему, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до пяти лет и штрафа.

Часть 2 данной статьи предусматривает так называемое «нереальное активное взяточничество». Лицо, которое обещает, предлагает или передает вознаграждение, подарок, или предоставляет иную выгоду государственному служащему или должностному лицу для него самого или для третьего лица за выполнение официального действия в рамках его полномочий, которое следовало или разрешалось выполнить, или за невыполнение официального действия, которое не следовало выполнять, или за иное использование его положения, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трех лет.

Положения, содержащиеся в части 3 настоящей статьи, отражают политику, принятую в отношении коррупции. В частности, УК-1 устанавливает, что исполнитель преступления, предусмотренного предыдущими частями, который передал вознаграждение, подарок или предоставил иную выгоду по требованию государственного служащего или должностного лица и впоследствии сообщил о совершенном преступлении до его выявления, может быть освобожден от ответственности. Цель приведенного положения – побудить лиц, совершивших наказуемое деяние по требованию государственного служащего, сообщить о совершенном преступлении, которое в противном случае будет сложно выявить и доказать ввиду способа его совершения. Тем не менее складывается впечатление, что указанное положение не принесло ожидаемых практических результатов.

Хотелось бы также отметить, что положения УК-1 о коррупционных преступлениях соответствуют требованиям ОЭСР.

4. Выводы

На мой взгляд, у нас имеются необходимые инструменты для борьбы с коррупцией, однако успешность наших усилий будет зависеть от наличия политической воли. Несмотря на все написанное выше, мы должны понимать, что борьба с коррупцией — это не короткая схватка, а длительный процесс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь.

Александренко Елена Витальевна – доцент кафедры уголовно-процессуальной деятельности Национальной академии внутренних дел Украины, кандидат юридических наук, доцент.

Ананич Валерий Антонович – профессор кафедры уголовно-исполнительного права УО «Академия МВД Республики Беларусь», доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор.

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Барков Александр Владимирович – заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Башан Алексей Владимирович – заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности УО «Академия МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Берестень Владимир Ильич – профессор специальной кафедры ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Благаренко Ольга Викторовна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бочков Александр Александрович – декан юридического факультета УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.

Бочкова Анна Александровна – старший инспектор патрульно-постовой службы УВД Витебского облисполкома.

Бояров Виктор Иванович – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии адвокатуры Украины, кандидат юридических наук, доцент.

Брыч Лариса Павловна – заведующая научно-учебной лабораторией Научно-учебного института Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Горовая Инесса Андриановна – адъюнкт научно-педагогического факультета УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Городецкая Марина Александровна – преподаватель кафедры административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр юридических наук.

Горшенков Сергей Алексеевич – адъюнкт научно-педагогического факультета УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Гридюшко Павел Владимирович – заместитель начальника кафедры расследования преступлений УО «Академия МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Грунтов Игорь Олегович – заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Данилюк Станислав Евгеньевич – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Данько Игорь Владимирович – начальник кафедры уголовного процесса УО «Академия МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Денисюк Михаил Евгеньевич – начальник отдела по надзору за исполнением налогового и таможенного законодательства Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета.

Джи Мейджун – адъюнкт-профессор Научно-исследовательского института прокурорской теории Верховной Народной Прокуратуры Китайской Народной Республики, доктор юридических наук в области процессуального права.

Емельянов Сергей Леонидович – заведующий кафедрой уголовного права и процесса УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

Жук Мария Генриховна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук.

Зайцева Людмила Львовна – заведующий кафедрой прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Изолитов Алексей Сергеевич – доцент кафедры уголовного права Дальневосточного филиала ГОУ ВПО «Российская академия правосудия», кандидат юридических наук.

Карабельникова Анна Сергеевна – главный специалист отдела криминологической экспертизы проектов законов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Карнов Никифор Семенович – профессор кафедры уголовного процесса Национальной академии внутренних дел Украины, доктор юридических наук, профессор.

Карпова Елизавета Никифоровна – магистр Национальной академии прокуратуры Украины.

Ключко Римма Николаевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Коваленко Валентин Васильевич – ректор Национальной академии внутренних дел Украины, член-корреспондент Национальной Академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор.

Козлов Тимур Леонидович – заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Корошеч Дамьян – профессор юридического факультета Люблинского университета, доктор юридических наук.

Куница Егор Владимирович – ведущий специалист отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Куприенко Ирина Михайловна – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Лосев Владимир Владимирович – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент.

Маркова Оксана Валентиновна – доцент кафедры криминалистики УО «Академия МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Марчук Василий Васильевич – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мельничук Кирилл Васильевич – аспирант Института государства и права Российской академии наук.

Моисеева Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Навроцкий Вячеслав Александрович – декан юридического факультета Львовского государственного университета внутренних дел, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор.

Осипчик Денис Владимирович – заведующий сектором по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь.

Павловец Галина Александровна – адъюнкт научно-педагогического факультета УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Перевалов Дмитрий Васильевич – начальник кафедры ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Поляшук Наталья Анатольевна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Пыталев Роман Михайлович – доцент кафедры прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук.

Раскина Татьяна Вячеславовна – старший научный сотрудник отдела проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Рахатко Юлия Тадеушевна – аспирант юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Рочева Елена Альбертовна – главный специалист отдела криминологического прогнозирования и разработки предложений по предупреждению преступности, укреплению законности и правопорядка ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Рубис Александр Сергеевич – профессор кафедры уголовного процесса УО «Академия МВД Республики Беларусь», доктор юридических наук, доцент.

Савчук Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Свиридов Дмитрий Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Соркин Владимир Семенович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

Сухарев Андрей Александрович – заместитель декана по учебной работе юридического факультета УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

Хилюта Вадим Владимирович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Хиревич Марина Леонидовна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета.

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Хомич Максим Владимирович – соискатель научно-педагогического факультета УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Худяков Андрей Валерьевич – старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД.

Хылюк Светлана Владимировна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Львовского национального университета им. Ивана Франко, кандидат юридических наук.

Чжао Лу – научный сотрудник Института уголовно-правовой науки и Юридического института Пекинского педагогического университета (Китайская Народная Республика), доктор юридических наук.

Чжу Цзинь Цзе – аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Шаранов Сергей Анатольевич – сотрудник Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, соискатель УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Шилин Дмитрий Владимирович – начальник отдела криминологической экспертизы проектов законов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Щерба Виктория Николаевна – адъюнкт кафедры уголовного процесса Национальной академии внутренних дел Украины.

Якулин Вид – профессор юридического факультета Люблянского университета, доктор юридических наук.

Янч Валерий Вацлавович – заместитель декана юридического факультета УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент.

Яскевич Александр Васильевич – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности УО «Академия МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Конюк А.В.</i> Реализация органами прокуратуры координирующих и надзорных функций в области противодействия коррупции (состояние и пути совершенствования).....	4
<i>Александренко Е.В., Бояров В.И.</i> Проблемы прокурорского надзора за расследованием серийных сексуальных убийств.....	8
<i>Ананич В.А.</i> Тенденции преступности в Республике Беларусь	10
<i>Бабий П.А.</i> Об ответственности за неосторожное доведение до самоубийства.....	14
<i>Барков А.В.</i> Использование служебных полномочий как признак состава преступления	17
<i>Башиан А.В., Горшенков С.А.</i> Проблемы обеспечения безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел в борьбе с коррупцией	19
<i>Берестень В.И.</i> Теоретические и прикладные аспекты противодействия коррупции	22
<i>Благаренко О.В.</i> Насильственная преступность: виктимогенные факторы и профилактика.....	25
<i>Бочков А.А., Сухарев А.А.</i> Психолого-криминологические особенности групповой преступности несовершеннолетних	28
<i>Бочкова А.А., Янч В.В.</i> Правовые основы противодействия торговле людьми в Республике Беларусь.....	31
<i>Брыч Л.П.</i> Разграничение составов преступлений в судебной практике Украины	34
<i>Горовая И.А.</i> О предпринимаемых следователем мерах по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено	37
<i>Городецкая М.А.</i> К вопросу о содержании понятий «предупреждение» и «профилактика» правонарушений (преступлений).....	39
<i>Гридюшко П.В.</i> Анализ доказательств в справке о результатах проведенного по делу предварительного следствия	41
<i>Грунтов И.О.</i> Понятие реализации принципа личной виновной ответственности в уголовном законе	44
<i>Гучок А.Е.</i> К вопросу о перспективах применения метода моделирования в криминалистике.....	48
<i>Гучок А.Е., Солтанович А.В.</i> К вопросу об обеспечении криминалистических служб инструментом общетехнического назначения	51
<i>Данилевич А.А.</i> Эффективность прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела.....	52
<i>Данилюк С.Е.</i> Некоторые актуальные проблемы современной уголовной политики в контексте исторического развития школ уголовного права.....	54
<i>Данько И.В.</i> Место происшествия как объект осмотра в уголовном процессе	58
<i>Денисюк М.Е.</i> Пути совершенствования уголовной ответственности за лжепредпринимательство	61

<i>Джи Мейджун</i> О совершенствовании законодательства о надзоре за следствием	64
<i>Емельянов С.Л.</i> К вопросу о недопустимости доказательств в уголовном процессе	68
<i>Жук М.Г.</i> Противодействие коррупции в рамках действующих нормативных правовых актов	70
<i>Зайцева Л.Л.</i> Прескращение производства по уголовному делу как альтернатива уголовному преследованию	73
<i>Изолитов А.С.</i> Увольнение с государственной службы за коррупционные правонарушения в связи с утратой доверия	76
<i>Карабельникова А.С.</i> Коррупционные правонарушения по модельным законам Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ	78
<i>Карпов Н.С.</i> Применение специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела в УПК Украины	80
<i>Карпсв Н.С., Коваленко В.В.</i> Освобождение от уголовной ответственности за финансирование терроризма	83
<i>Карпова Е.Н.</i> Статус понятого в проекте УПК Украины	88
<i>Ключко Р.Н.</i> Общая характеристика признаков составов преступлений, совершаемых путем бездействия	91
<i>Козлов Т.Л.</i> Профилактика коррупционных правонарушений в органах государственной власти: российский опыт	94
<i>Корошеч Д.</i> Как Словения работает с международным уголовным законодательством	99
<i>Куница Е.В.</i> К вопросу об объеме надзорных полномочий прокурора в контексте реформы следственного аппарата Республики Беларусь	103
<i>Куприенко И.М.</i> Экспериментальный вид наказания – общественные работы	106
<i>Лосев В.В.</i> Правила оценки существенного вреда как криминообразующего признака преступлений против интересов службы	107
<i>Маркова О.В., Яскевич А.В.</i> О необходимости формирования новых концептуальных основ выявления и расследования преступлений в сфере банковской деятельности	110
<i>Марчук В.В.</i> О квалификации попустительства преступлению	113
<i>Мельничук К.В.</i> Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия в историческом контексте	115
<i>Моисеева И.А.</i> Вопросы применения штрафа за преступления против порядка осуществления экономической деятельности	119
<i>Навроцкий В.А.</i> Каким стал украинский Уголовный кодекс за десять прошедших лет	121
<i>Осипчик Д.В.</i> Проблемы применения терминологии противодействия терроризму в уголовном законодательстве и иных законодательных актах Республики Беларусь	124
<i>Павловец Г.А.</i> Использование современных цифровых средств фиксации как условие повышения эффективности предварительного расследования	127

<i>Перевалов Д.В.</i> Уголовно-правовые меры обеспечения безопасности критически важных объектов	130
<i>Поляцук Н.А.</i> Криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов – одно из средств противодействия преступности и коррупции	133
<i>Пытаев Р.М.</i> Возмещение вреда, причиненного преступлением, – уголовно-процессуальная функция прокурора	135
<i>Раскина Т.В.</i> О некоторых направлениях противодействия коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации	138
<i>Рахатко Ю.Т.</i> Терминологическое обозначение последствий преступления	140
<i>Рочева Е.А.</i> Превентивный надзор как мера уголовной ответственности, направленная на предупреждение рецидива преступлений и оказание необходимого профилактического воздействия	141
<i>Рубис А.С.</i> Криминалистическое обеспечение судебного следствия	144
<i>Савчук Т.А.</i> Об оптимизации полномочий органа уголовного преследования при применении меры пресечения в виде домашнего ареста	150
<i>Свиридов Д.А.</i> Экономически значимая информация при выявлении, расследовании и профилактике незаконной предпринимательской деятельности	153
<i>Соркин В.С.</i> Процессуальный статус прокурора при осуществлении надзора за предварительным следствием в уголовном судопроизводстве	155
<i>Стаценко В.Г.</i> Латентная преступность: необходимость криминологического анализа	158
<i>Хилута В.В.</i> Разграничение лжепредпринимательства и мошенничества	161
<i>Хиревич М.И.</i> О соотношении понятий «правосудие» и «судебный контроль»	164
<i>Хомич В.М.</i> О давно затянувшимся недоразумением, или об основаниях освобождения от отбывания наказания вследствие иной тяжелой болезни	166
<i>Хомич М.В.</i> К вопросу функционального соотношения прокурорского надзора и уголовного преследования	170
<i>Худяков А.В.</i> Легализация преступных доходов: криминологические аспекты	172
<i>Хылюк С.В.</i> Уголовно-правовые аспекты правила <i>non bis in idem</i> в практике Европейского суда по правам человека	175
<i>Чжао Лу</i> Борьба с коррупцией: опыт Китайской Народной Республики	177
<i>Чжу Цзинь Цзе</i> Изучение опыта криминалистического обеспечения предварительного следствия в Республике Беларусь и КНР	179
<i>Шарапов С.А.</i> Некоторые аспекты определения понятия вирусной компьютерной программы	181
<i>Шилин Д.В.</i> Социальный аспект преступлений против культурных ценностей	182
<i>Щерба В.Н.</i> Участие народа Украины в осуществлении правосудия	184
<i>Якулин В.</i> Влияние коррупции на права человека	186
<i>Сведения об авторах</i>	199

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
И КОРРУПЦИИ**

*Материалы
Международной научно-практической конференции
(Минск, 22 декабря 2011 года)*

Корректор А. А. Лавровская

Подписано в печать 12.03.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 12,73. Уч.-изд. л. 13,96. Тираж 100 экз. Заказ 1с.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Белорусский государственный университет физической культуры».
ЛНН № 02330/0548582 от 09.07.2009.
ЛНП № 02330/0552705 от 30.07.2009.
Пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск.

ISBN 978-985-7024-24-0



9 789857 023240